

Редакционный совет:

Н. С. БОНДАРЬ
В. А. СИВИЦКИЙ
Н. В. СТРУННИКОВА
О. С. ХОХРЯКОВА (председатель)

Главный редактор —
Н. В. Струнникова
Адрес редакции: 190000, Санкт-Петербург,
Сенатская площадь, дом 1
Телефон: 404-32-51

Номер подготовили:
И. В. Андреева
И. А. Бойцов
М. В. Бухаркина
Е. С. Евстратова
И. А. Михайлова
Н. А. Сергеева
Н. Ю. Сильваненок
Е. В. Скалон

Художник А. Б. Бобров

Сдано в набор 20.04.2016.
Подписано в печать 15.06.2016.
Формат 70 × 108^{1/16}. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. Печ. л. 7,75.
Тир. 800 экз. Зак.

Издательство «Спарк».
117630, г. Москва,
Старокалужское ш., д. 62

Отпечатано в ГУП Академиздатцентр «Наука»
РАН, ОП «Производственно-издательский
комбинат «ВИНИТИ»-«Наука», 140014,
Московская обл., г. Люберцы, Октябрьский
пр-т, д. 403. Тел./факс: 554-21-86, 554-25-97,
974-69-76.

Издательство «Спарк»

© Вестник Конституционного Суда РФ, 2016
Официальное издание

В НОМЕРЕ

- Постановление по делу о проверке конституционности части первой статьи 13 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» в связи с жалобой гражданина С. В. Иванова
от 14 января 2016 года № 1-П 4
- Постановление по делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 22 и пункта 24 статьи 5 Федерального закона от 28 июня 2014 года № 188-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного социального страхования» в связи с запросами Арбитражного суда города Москвы и Арбитражного суда Пензенской области
от 19 января 2016 года № 2-П 18
- Постановление по делу о проверке конституционности положений части 9 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Е. В. Потоцкого
от 15 февраля 2016 года № 3-П 32
- Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации
Г. А. Гаджиева 41

3'2016

Постановление по делу о проверке конституционности положений части 2 статьи 18.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, статьи 11 Закона Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации» и статьи 24 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и гражданина Федеративной Республики Нигерия Х. Э. Увангве
от 16 февраля 2016 года № 4-П 44

Постановление по делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», частей 1 и 3 статьи 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и подпункта 2 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина Республики Молдова М. Цуркана
от 17 февраля 2016 года № 5-П 58

Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации
А. Н. Кокотова 73
Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации
К. В. Арановского 75

Определение по запросу Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда о проверке конституционности части 2 статьи 117 и части 2 статьи 259 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации
от 14 января 2016 года № 3-О 82

Определение по жалобе гражданина Шефлера Юрия Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 постановления Государственной Думы от 2 июля 2013 года № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии»
от 15 января 2016 года № 4-О 86

Определение по жалобе гражданина Петрова Максима Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой и подпунктом «б» пункта 2 части четвертой статьи 413, частью пятой статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации
от 14 января 2016 года № 13-О 94

3'2016

Определение по жалобе гражданина Андреевского Василия Константиновича на нарушение его конституционных прав подпунктом «б» пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

от 14 января 2016 года № 14-О 101

Определение по запросу Курганского областного суда о проверке конституционности положений статьи 252, части первой статьи 389¹³, части третьей статьи 389²⁰ и части первой статьи 389²⁴ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

от 14 января 2016 года № 15-О 107

Определение по жалобе гражданина Буркова Василия Владимировича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

от 15 января 2016 года № 76-О 112

Определение по жалобе гражданина Мошкина Михаила Игоревича на нарушение его конституционных прав статьями 165, 183 и 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

от 15 января 2016 года № 186-О 117

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

14 января
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 1-П

по делу о проверке конституционности части первой статьи 13 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» в связи с жалобой гражданина С. В. Иванова

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части первой статьи 13 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина С. В. Иванова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика О. С. Хохряковой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно части первой статьи 13 Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 года № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» право на пенсию за выслугу лет имеют: лица, указанные в статье 1 данного Закона, имеющие на день увольнения со службы выслугу на военной службе, и (или) на службе в органах внут-

ренных дел, и (или) на службе в Государственной противопожарной службе, и (или) на службе в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, и (или) на службе в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы 20 лет и более; лица, указанные в статье 1 данного Закона, уволенные со службы по достижении предельного возраста пребывания на службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями и достигшие на день увольнения 45-летнего возраста, имеющие общий трудовой стаж 25 календарных лет и более, из которых не менее 12 лет шести месяцев составляет военная служба, и (или) служба в органах внутренних дел, и (или) служба в Государственной противопожарной службе, и (или) служба в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, и (или) служба в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы.

1.1. Заявитель по настоящему делу гражданин С. В. Иванов с 20 июля 1978 года по 5 июля 1994 года проходил военную службу, а с 10 августа 1994 года по 20 декабря 1996 года – службу в органах внутренних дел, с которой был уволен приказом от 23 декабря 1996 года по основанию, предусмотренному пунктом «в» статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (утверждено Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 года № 4202-1), – выслуге срока службы, дающего право на пенсию. Согласно материалам о назначении С. В. Иванову с 24 декабря 1996 года пенсии за выслугу лет бессрочно, а также расчету, произведенному кадровым подразделением по последнему месту его службы и объявленному ему при оформлении увольнения, выслуга с учетом периода военной службы составила в льготном исчислении 20 лет 7 месяцев и 29 дней (в календарном – 19 лет 3 месяца и 27 дней).

В 2012 году в ходе проверки, проведенной пенсионным органом по заявлению С. В. Иванова, полагавшего, что размер выплачиваемой ему пенсии определен неправильно и подлежит увеличению, была выявлена ошибка, допущенная сотрудником кадрового подразделения при составлении расчета выслуги лет для назначения пенсии (время пребывания заявителя в распоряжении командования для последующего убытия в Республику Афганистан было учтено как составлявшее вместо 24 дней 1 год и 24 дня). В результате ее исправления выслуга на дату увольнения С. В. Иванова со службы в органах внутренних дел составила в льготном исчислении 19 лет 8 месяцев (в календарном – 18 лет 3 месяца 28 дней), т. е. на 4 месяца меньше 20 лет, необходимых для возникновения права на пенсию, в связи с чем с 1 октября 2012 года выплата ему пенсии за выслугу лет, размер которой на указанную дату составлял 11 690 рублей 50 копеек, была прекращена.

Центральный районный суд города Красноярска, куда С. В. Иванов обратился с иском о признании незаконным решения пенсионного органа о прекращении выплаты ему пенсии за выслугу лет и о ее возобновлении, решением от 31 января 2013 года в удовлетворении заявленных требований отказал, сославшись на статью 13 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» и позицию Верховного Суда Российской Федерации, приведенную в Обзоре законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2004 года, в соответствии с которой данная статья связывает право на пенсию за выслугу лет лиц, проходивших военную службу и (или) службу в органах внутренних дел, в других органах, указанных в

данном Законе, с рядом условий, в частности со службой определенной продолжительности; если же условия, определяющие право на пенсию за выслугу лет, отсутствуют, то она назначена быть не может, а выплата назначенной пенсии подлежит прекращению.

Решение суда первой инстанции оставлено без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций (апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Красноярского краевого суда от 22 мая 2013 года, определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 августа 2014 года). Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 24 ноября 2014 года С. В. Иванову отказано в передаче надзорной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Президиума Верховного Суда Российской Федерации.

В настоящее время С. В. Иванов получает страховую пенсию по инвалидности в размере 5 329 рублей 27 копеек, назначенную ему на период с 23 апреля 2015 года по 30 апреля 2016 года на основании части 1 статьи 9 Федерального закона от 28 декабря 2013 года № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» как инвалиду III группы на основании справки МСЭ-2014 от 21 мая 2015 года (инвалидность впервые была установлена в 2010 году). Размер данной пенсии исчислен в том числе с учетом трудового стажа, имевшегося у С. В. Иванова на 1 января 2002 года, в который были включены периоды прохождения им военной службы и службы в органах внутренних дел.

1.2. Как следует из статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации, проверяя по жалобе гражданина конституционность законоположений, примененных в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, и затрагивающих конституционные права и свободы, на нарушение которых ссылается заявитель, принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл проверяемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм.

Нарушение своих прав, гарантированных статьями 7, 19 (часть 1), 35 (часть 3) и 39 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, примененным судами в его деле законоположением гражданин С. В. Иванов усматривает в том, что оно допускает возможность прекращения выплаты лицу, уволенному со службы в органах внутренних дел, пенсии за выслугу лет непосредственно органом, ранее назначившим данную пенсию, но впоследствии выявившим отсутствие оснований для ее назначения, вне зависимости от каких-либо виновных действий пенсионера и времени, прошедшего с момента начала выплаты пенсии.

Соответственно, часть первая статьи 13 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на ее основании решается вопрос о прекращении выплаты пенсии за выслугу лет лицу, уволенному со службы в органах внутренних дел по выслуге лет, дающей право на получение пенсии, в случае, если после устранения пенсионным органом допущенной при ее назначении ошибки в подсчете стажа службы

(выслуги лет) данного лица будет установлено, что его продолжительность не достигает необходимой для возникновения указанного права.

2. Конституция Российской Федерации, гарантируя каждому в соответствии с целями социального государства (статья 7, часть 1) социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом (статья 39, часть 1), относит определение условий и порядка реализации данного конституционного права к компетенции законодателя (статья 39, часть 2).

Важнейшим элементом социального обеспечения является пенсионное обеспечение, основное содержание которого заключается в предоставлении человеку средств к существованию, удовлетворении его основных жизненных потребностей. Соответственно, поскольку пенсия имеет особое значение для поддержания материальной обеспеченности пенсионеров, стабильность их правового положения, сохранение за ними признанных государством в установленной законом процедуре пенсионных прав должны гарантироваться на законодательном уровне в рамках реализации предписаний Конституции Российской Федерации о целях политики российского государства, направленной в том числе на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, заботу о социальной защищенности своих граждан (статья 7), охрану достоинства личности (статья 21, часть 1).

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, Конституция Российской Федерации обязывает государство охранять достоинство личности как необходимую предпосылку и основу всех других неотчуждаемых прав и свобод человека, условие их признания и соблюдения; ничто не может быть основанием для умаления достоинства личности (постановления от 3 мая 1995 года № 4-П, от 15 января 1999 года № 1-П, от 25 апреля 2001 года № 6-П, от 20 апреля 2006 года № 4-П и от 23 сентября 2014 года № 24-П; определения от 15 февраля 2005 года № 17-О, от 1 марта 2010 года № 323-О-О и др.). Тем самым предполагается установление такого правового регулирования в сфере пенсионного обеспечения, которое в соответствии в том числе с вытекающими из взаимосвязанных положений статей 1 (часть 1), 2, 17 (часть 1), 18, 19 (часть 1) и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации принципами правовой определенности и поддержания доверия граждан к закону и действиям государства гарантировало бы гражданам, что решения о назначении пенсии принимаются уполномоченными государством органами на основе строгого исполнения законодательных предписаний, а также внимательного и ответственного подхода к оценке фактических обстоятельств, с которыми закон связывает возникновение права на пенсию, тщательности при оформлении соответствующих документов, подтверждающих наличие условий, необходимых для назначения пенсии и определения ее размера, с тем чтобы гражданин как участник соответствующих правоотношений мог быть уверен в стабильности своего официально признанного статуса и в том, что приобретенные в силу этого статуса права будут уважаться государством и будут реализованы.

3. Обладая достаточно широкой свободой усмотрения при осуществлении полномочий по определению в законе видов и правовых оснований назначения пенсий, их размеров, порядка установления, исчисления и выплаты, федеральный законодатель вправе вводить как общие правила пенсионного обеспечения, так и его особенности применительно к отдельным категориям граждан, имея при этом в виду, что Конституция Российской Федерации обязывает государство гарантировать каждому право на социальное, в том числе пенсионное, обеспечение при наступлении не только

случаев (социальных рисков), названных в ее статье 39, но и других социальных рисков, признанных самим законодателем в качестве основания для его предоставления (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 июля 2007 года № 9-П).

3.1. Исходя из социальной ценности в правовом государстве трудовой и иной общественно полезной деятельности, осуществляемой в различных организационных формах, федеральный законодатель отнес к основаниям пенсионного обеспечения прохождение военной и (или) приравненной к ней службы установленной законом продолжительности и, учитывая особую значимость военной службы и службы в органах внутренних дел, непосредственно связанной с обеспечением обороны страны и безопасности государства, общественного порядка, законности, прав и свобод граждан и осуществляемой в публичных интересах, предусмотрел специальные правила пенсионного обеспечения соответствующих категорий государственных служащих, включая виды пенсий, их размеры, условия назначения и выплаты.

Эти правила определяются Федеральным законом от 15 декабря 2001 года № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» и Законом Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей», которыми закреплено право сотрудников органов внутренних дел на два вида пенсии – пенсию по инвалидности, если они стали инвалидами вследствие военной травмы либо заболевания, полученного в период службы, а также пенсию за выслугу лет, назначаемую, по общему правилу, независимо от возраста при наличии установленного законом стажа службы (выслуги лет).

В системе действующего правового регулирования пенсионного обеспечения пенсия за выслугу лет для указанной категории граждан представляет собой, как следует из статьи 2 Федерального закона «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», ежемесячную государственную денежную выплату, предоставляемую в целях компенсации гражданам заработка (дохода), утраченного в связи с прекращением ими службы, при наличии установленной законом выслуги. Посредством установления и выплаты пенсии за выслугу лет реализуется государственная гарантия материального обеспечения граждан, проходивших службу в органах внутренних дел, направленная на поддержание как их особого социального статуса, так и соответствующего уровня материального достатка при оставлении службы (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 марта 2004 года № 6-П).

3.2. В соответствии с частью первой статьи 13 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» основным условием приобретения сотрудником органов внутренних дел права на пенсию за выслугу лет является наличие у него на день увольнения выслуги 20 лет и более (пункт «а»), а при определенных обстоятельствах (особые основания увольнения, продолжительный общий стаж) – и меньшей продолжительности, но не менее 12 лет шести месяцев (пункт «б»).

По своему характеру стаж службы (выслуга лет) в органах внутренних дел – это специальный стаж, приобретаемый именно в процессе службы. В качестве особого юридически значимого обстоятельства он подлежит учету в

правоотношениях различной отраслевой принадлежности — как в отношениях по прохождению службы, так и в отношениях по социальному обеспечению уволенных со службы сотрудников. В частности, стаж службы продолжительностью 20 лет и более не только выступает условием, определяющим право на пенсию за выслугу лет лица, проходившего службу в органах внутренних дел, но и признается в качестве самостоятельного основания расторжения контракта и увольнения этого лица со службы (пункт 4 части 2 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», пункт «в» статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации). Соответственно, наличие стажа службы, дающего право на получение пенсии за выслугу лет, освобождает сотрудника от необходимости продолжения службы.

Избрание в качестве основного (а в ряде случаев — единственного) требования для приобретения сотрудником органов внутренних дел права на пенсию за выслугу лет такого критерия, как служба определенной продолжительности, обусловлено как характером государственной службы, так и финансированием пенсий за выслугу лет за счет средств федерального бюджета. Такой подход является традиционным для государственного пенсионного обеспечения государственных служащих, а установленная законом продолжительность службы, необходимая для назначения сотруднику органов внутренних дел пенсии за выслугу лет, остается неизменной на протяжении длительного времени. При этом для тех сотрудников органов внутренних дел, чей стаж службы на день увольнения не достиг требуемой продолжительности (т. е. в случае оставления службы до приобретения права на пенсию по государственному пенсионному обеспечению), предусмотрен особый порядок сохранения пенсионных прав: пенсии им назначаются на условиях и по нормам, установленным Федеральным законом от 28 декабря 2013 года № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (до 1 января 2015 года — Федеральным законом от 17 декабря 2001 года № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»), периоды же прохождения военной службы, службы в органах внутренних дел и иной правоохранительной службы подлежат включению в страховую стаж, дающий право на страховую пенсию, при условии что им предшествовали или за ними следовали периоды работы.

Таким образом, часть первая статьи 13 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей», закрепляющая в качестве условия назначения сотрудникам органов внутренних дел пенсии за выслугу лет наличие установленного законом стажа службы (выслуги лет), является необходимым элементом правового механизма реализации их права на пенсионное обеспечение с учетом характера и продолжительности осуществления профессиональной деятельности и сама по себе не может рассматриваться как нарушающая конституционные права граждан.

4. Как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, гражданин не может реализовать свое субъективное право на пенсионное обеспечение без принятия уполномоченным органом решения о предоставлении ему пенсии определенного вида и размера, и в силу такого решения у органа, осуществляющего пенсионное обеспечение, непосредственно перед этим гражданином, как участником (субъектом) данного вида правоотношений,

возникает обязанность по своевременной и в полном объеме выплате ему пенсии; получение пенсионером причитающихся ему сумм пенсии является результатом совершения ряда последовательных действий, в том числе связанных с установлением его права на получение пенсии конкретного вида и в определенном размере, что и определяет содержание обязанностей органа, осуществляющего пенсионное обеспечение; выплате денежных средств, предоставляемых гражданину в рамках правоотношений по пенсионному обеспечению, предшествует принятие органом, осуществляющим пенсионное обеспечение, соответствующих решений (актов) о назначении и выплате ему пенсии конкретного вида, исчисленной в порядке и размерах, установленных законодательством (Определение от 19 мая 2009 года № 541-О-О и др.).

4.1. Пенсионное обеспечение сотрудников органов внутренних дел осуществляется пенсионными органами Министерства внутренних дел Российской Федерации, которые в силу статей 22 и 24 Федерального закона «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» на основании представленных им документов, необходимых для назначения пенсии, в том числе пенсии за выслугу лет, оценивают фактические обстоятельства, обуславливающие возникновение у гражданина права на пенсионное обеспечение, соответствие представленных документов установленным законом требованиям, а также вправе проверить обоснованность их выдачи и достоверность содержащихся в них сведений.

В целях назначения сотруднику органов внутренних дел пенсии за выслугу лет стаж его службы (выслуга лет) исчисляется уполномоченными государством органами (кадровыми подразделениями и пенсионными органами по последнему месту службы) в порядке, установленном постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 22 сентября 1993 года № 941 «О порядке исчисления выслуги лет, назначения и выплаты пенсий, компенсаций и пособий лицам, проходившим военную службу в качестве офицеров, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы или по контракту в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин либо службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семьям в Российской Федерации».

Согласно утвержденной приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 3 ноября 1993 года № 480 во исполнение названного постановления Инструкции об организации работы по пенсионному обеспечению в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации, которая действовала в период увольнения со службы заявителя по настоящему делу, оформление документов для назначения пенсии лицам, увольняемым со службы, производилось кадровыми аппаратами воинских частей, подразделений внутренних дел; для этого проверялись данные о прохождении службы, уточнялись и подтверждались периоды, подлежащие зачету на льготных условиях, после чего составлялся расчет выслуги лет, который согласовывался с пенсионными органами МВД, ГУВД, УВД и объявлялся лицу, оформляемому на пенсию; материалы о назначении пенсии представлялись кадровыми аппаратами в пенсионные органы на позднее 10 дней со дня увольнения военнослужащего или сотрудника со службы; выслуга лет в календарном исчислении и отдельно на льготных условиях указывалась в приказе и объявлялась увольняемому со службы; на основании представленных кадровыми аппаратами документов пенсионным органом составлялось заключение о назначении пенсии, которое утверждалось руководителями ФЭУ (ФЭО) МВД, ГУВД, УВД; контроль за правильностью назначения, перерасчета и выплаты пенсий пенсионными органами

осуществлялся Контрольно-ревизионным управлением и Финансово-экономическим управлением МВД России (пункты 2.1, 2.2, 2.4, 2.5, 2.7 и 4.1); правильность произведенного расчета выслуги увольняемого сотрудника проверялась руководителями отдела кадров и пенсионного органа и удостоверялась их подписями (приложение 2). Аналогичные правила предусмотрены и ныне действующим правовым регулированием (Инструкция об организации работы по пенсионному обеспечению в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденная приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 27 мая 2005 года № 418).

Таким образом, именно на основании действий уполномоченных органов, направленных на установление продолжительности стажа службы (выслуги лет), и подготовленных ими документов сотрудник органов внутренних дел получал (и в настоящее время получает) официальное подтверждение наличия или отсутствия у него права на пенсию за выслугу лет. Это официальное подтверждение, в свою очередь, необходимо для принятия решения об увольнении сотрудника органов внутренних дел по такому основанию, как выслуга срока службы, дающего право на пенсию, поскольку его увольнение по данному основанию правомерно лишь в том случае, если полностью соблюдены условия, предусмотренные частью первой статьи 13 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей».

Соответственно, расторжение контракта и увольнение со службы в органах внутренних дел по выслуге лет на основании решений уполномоченных органов порождает у гражданина определенные законные ожидания относительно своевременного назначения пенсии за выслугу лет. В результате принятия пенсионным органом решения о назначении этому гражданину пенсии за выслугу лет он реализует свое субъективное право на пенсионное обеспечение, а у пенсионного органа возникает обязанность по своевременной и в полном объеме выплате ему сумм пенсии на весь срок установления, т. е. применительно к пенсии за выслугу лет — пожизненно.

4.2. Закон Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» не содержит каких-либо предписаний, касающихся прекращения выплаты назначенной пенсии, а также последствий для пенсионера обнаружения ошибки, допущенной при ее назначении и (или) выплате органом, осуществляющим пенсионное обеспечение, за исключением указания на возможность удержания сумм пенсии, излишне выплаченных пенсионеру вследствие злоупотребления с его стороны, и порядка такого удержания (статья 62).

Федеральный закон «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» изначально не предусматривал какого-либо регулирования для случаев выявления возможных ошибок, и только Федеральным законом от 21 июля 2014 года № 216-ФЗ его статья 24 была дополнена пунктом 5, согласно которому в случае обнаружения органом, осуществляющим пенсионное обеспечение, ошибки, допущенной при установлении и (или) выплате пенсии, производится устранение данной ошибки в соответствии с законодательством Российской Федерации; установление пенсии в размере, предусмотренном законодательством Российской Федерации, или прекращение выплаты указанной пенсии в связи с отсутствием права на

нее производится с 1-го числа месяца, следующего за месяцем, в котором была обнаружена соответствующая ошибка.

Именно на такое правоприменение ориентировал судебную практику Верховный Суд Российской Федерации, исходивший в своих решениях из того, что при отсутствии условий, определяющих право на пенсию за выслугу лет, в частности службы определенной продолжительности, указанная пенсия назначена быть не может, а выплата назначенной пенсии подлежит прекращению (Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2004 года, утвержденный постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 6 октября 2004 года).

Соответственно, как по смыслу, придаваемому в правоприменительной практике части первой статьи 13 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей», так и по буквальному смыслу пункта 5 статьи 24 Федерального закона «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», обнаружение ошибки, допущенной пенсионным органом и выразившейся в назначении пенсии за выслугу лет без достаточных оснований, влечет за собой безусловное прекращение ее выплаты.

Сам по себе такой способ исправления подобных ошибок, как прекращение выплаты ранее назначенной пенсии, не может рассматриваться как несовместимый с требованиями Конституции Российской Федерации, однако в системе действующего правового регулирования он является единственно возможным и применяется независимо от каких бы то ни было обстоятельств, в том числе длительности периода получения пенсии (срока, прошедшего с момента назначения пенсии), отсутствия виновных действий со стороны пенсионера, социальных последствий, наступающих для него в этом случае.

5. Совершение органами, осуществляющими пенсионное обеспечение, при установлении пенсий тех или иных ошибок, в том числе носящих технический характер, — учитывая необходимость оценки значительного числа обстоятельств, с наличием которых закон связывает возникновение права на пенсию, включая проверку представленных документов и проведение математических подсчетов, — полностью исключить невозможно. Определение правовых способов исправления таких ошибок независимо от срока, прошедшего после их совершения, — право и обязанность государства.

Как отметил Европейский Суд по правам человека, в качестве общего принципа органы власти не должны быть лишены права исправления ошибок, особенно вызванных их собственной небрежностью; в противном случае нарушался бы принцип недопустимости неосновательного обогащения; это также было бы несправедливым по отношению к другим участникам системы социального обеспечения, в особенности по отношению к тем, кому было отказано в назначении выплат (пособия) по причине их несоответствия установленным законом требованиям, и, наконец, могло бы повлечь ненадлежащее распределение ограниченных общественных средств, что само по себе противоречило бы публичному интересу (постановление от 15 сентября 2009 года по делу «Москаль (*Moskal*) против Польши»).

Предусмотренная законом возможность исправления ошибки, допущенной пенсионным органом при назначении пенсии, в том числе пенсии за выслугу лет, призвана, таким образом, обеспечить соблюдение требований социальной справедливости и формального равенства, способствовать пре-

дотращению необоснованного расходования бюджетных средств и злоупотребления правом как со стороны пенсионных органов, так и со стороны граждан, а потому не может подвергаться сомнению. Вместе с тем соответствующий правовой механизм — исходя из конституционных принципов правового государства и верховенства права, а также принципов справедливости и юридического равенства — должен обеспечивать баланс конституционно защищаемых ценностей, публичных и частных интересов на основе вытекающих из указанных принципов критериев разумности и соразмерности (пропорциональности), что, в свою очередь, предполагает наряду с учетом публичных интересов, выражающихся в назначении пенсии исключительно при наличии предусмотренных законом оснований и в целевом расходовании финансовых ресурсов, предназначенных на выплату пенсий, учет интересов пенсионера, которому пенсия по вине уполномоченного государством органа была назначена ошибочно, с тем чтобы пенсионер не подвергался чрезмерному обременению, притом, однако, что с его стороны отсутствуют какие-либо нарушения.

Такое правовое регулирование отвечало бы сути социального правового государства и, будучи основано в том числе на конституционных принципах правовой определенности и поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, обеспечивало бы как соблюдение законодательно установленных условий назначения и выплаты пенсий за выслугу лет, так и защиту интересов граждан, которые, полагаясь на правильность принятого уполномоченными государством органами решения, рассчитывают на стабильность своего официально признанного статуса получателя данной пенсии и неизменность вытекающего из него материального положения. В рамках этих правоотношений в случае выявления ошибки, допущенной пенсионным органом при назначении пенсии гражданину, — при отсутствии с его стороны каких-либо виновных действий, приведших к неправомерному назначению пенсии, — бремя неблагоприятных последствий, связанных с устранением выявленной ошибки, должно распределяться на основе общеправового принципа справедливости, исключающего формальный подход, и с учетом особенностей жизненной ситуации, в которой находится гражданин, продолжительности периода, в течение которого он получал назначенную по ошибке пенсию, и других значимых обстоятельств.

Данный вывод находит подтверждение в практике Европейского Суда по правам человека, который, признавая за государством право на исправление ошибок, допущенных органами публичной власти при назначении социальных выплат, вместе с тем полагает, что, обнаружив ошибку, власти должны действовать своевременно, последовательно и сообразно обстоятельствам; если ошибка совершена самими органами публичной власти, без какой бы то ни было вины третьего лица (получателя пенсии), должен быть использован подход, основанный на пропорциональности последствий, не допускающий возложения чрезмерного бремени на получателя пенсии; оценивая же степень добросовестности этого лица, органы публичной власти должны учитывать, в частности, насколько очевидный для получателя пенсии характер носила ошибка, был ли он способен обнаружить ее самостоятельно (постановление от 15 сентября 2009 года по делу «Москаль (*Moskal*) против Польши»).

Как следует из названного и других постановлений по аналогичным делам, Европейский Суд по правам человека при принятии решения исходит из того, что если добросовестный гражданин, доверившийся ошибочному решению уполномоченного государством органа о предоставлении социальной выплаты, в связи с ее отменой утрачивает основной (единственный) источник дохода, который он получал в течение длительного времени,

и если возвращению к прежнему жизненному укладу препятствуют объективные трудности, то справедливое равновесие между требованиями общего интереса и необходимостью защиты права этого лица оказывается нарушенным. Соответственно, правовое регулирование, предусматривающее безусловное прекращение выплаты пенсии в случае обнаружения ошибки, которая была допущена при ее назначении, не может обеспечить в достаточной мере баланс частных и публичных интересов, поскольку не предполагает учет каких бы то ни было обстоятельств конкретной правоприменительной ситуации и последствий такого решения для гражданина – получателя пенсии.

В частности, гражданин, которому в результате выявления ошибки, допущенной органом, осуществляющим пенсионное обеспечение, была прекращена выплата ранее назначенной пенсии за выслугу лет и у которого не было оснований сомневаться в правомерности действий этих органов и правильности произведенного ими расчета, сталкивается с риском ощутимого снижения достатка; даже в случае назначения ему в дальнейшем страховой пенсии по старости или по инвалидности их размер может оказаться значительно ниже, чем размер отмененной пенсии за выслугу лет. Решение о прекращении выплаты пенсии за выслугу лет, принятое в отношении гражданина, действовавшего добросовестно и получавшего ее на протяжении длительного времени, в большинстве случаев с неизбежностью ставит его перед необходимостью изменения образа жизни, привычного уклада и жизненных планов. Кроме того, поскольку пенсия за выслугу лет назначается, как правило, существенно ранее достижения возраста, необходимого для назначения страховой пенсии по старости, гражданин, выплата пенсии за выслугу лет которому была прекращена, может оказаться лишенным средств к существованию на период до возникновения права на пенсию по старости, притом что требуемые для поиска работы и возобновления профессиональной деятельности навыки могут быть им утрачены.

Представленными в Конституционный Суд Российской Федерации материалами также подтверждается, что при принятии решения о прекращении выплаты гражданину пенсии за выслугу лет и признании судами такого решения законным и обоснованным не принимаются во внимание ни отсутствие какой-либо вины этого гражданина в назначении пенсии за выслугу лет без законных оснований, ни особенности ситуации, в которой он оказался в результате действий органов, осуществлявших расчет выслуги лет и назначение пенсии, а именно:

значительный по продолжительности период получения гражданином пенсии, что давало ему основания уверенно планировать дальнейшую жизнь, сообразуясь со своим длительным временем признаваемым государством официальным статусом, и одновременно – незначительный по продолжительности период, которого оказалось недостаточно для возникновения у гражданина предусмотренного законом права на пенсию за выслугу лет, притом что на момент принятия решения об увольнении он не был лишен возможности продолжить службу в органах внутренних дел (увольнение по выслуге срока службы, дающего право на пенсию, возможно лишь по инициативе самого лица либо с его согласия);

невозможность по объективным причинам, в том числе в связи с достигнутым на момент прекращения выплаты пенсии за выслугу лет возрастом, вернуться на службу в органах внутренних дел в целях приобретения стажа службы необходимой для ее назначения продолжительности (статьей 88 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» установлен предельный возраст пребывания на службе в

органах внутренних дел), а также приобрести право на страховую пенсию в размере, сопоставимом с размером пенсии за выслугу лет.

Отсутствие в действующем законодательстве правил, позволяющих при устранении допущенной при назначении пенсии за выслугу лет ошибки учитывать конкретные фактические обстоятельства, с тем чтобы не допустить возложения на гражданина, добросовестное поведение которого не подвергается сомнению, чрезмерного бремени негативных последствий, связанных с недостаточностью стажа службы (выслуги лет), необходимого в силу части первой статьи 13 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» для возникновения права на данную пенсию, нарушает вытекающие из статей 1 (часть 1), 2, 7, 18 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации принципы справедливости, правовой определенности, поддержания доверия граждан к действиям государства, препятствует достижению баланса частных и публичных интересов и в конечном итоге приводит к несоразмерному ограничению конституционного права на социальное обеспечение (статья 39, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации).

Это обязывает государство в лице федерального законодателя – исходя из правовой природы выслуги лет и особого порядка исчисления ее продолжительности при увольнении гражданина со службы в органах внутренних дел, – с одной стороны, обеспечить максимально быстрый контроль и проверку документов, необходимых для назначения и выплаты пенсии, с целью устранения возможных ошибок, с тем чтобы гражданин мог в разумной степени предвидеть последствия, которые может повлечь за собой то или иное действие, предпринятое им на основе решений уполномоченных государством органов, а с другой – предусмотреть адекватные природе, целям и значению пенсии за выслугу лет эффективные гарантии права граждан на данный вид социального обеспечения и надлежащий правовой механизм его защиты, в том числе в случае, когда это право на протяжении длительного времени, пусть даже и без достаточных оснований, было признано государством и реализовывалось в конкретных пенсионных правоотношениях, в которых получатель пенсии действовал добросовестно. В рамках такого механизма при определении правовых последствий исправления допущенной соответствующим органом ошибки должны приниматься во внимание срок, прошедший с момента назначения гражданину пенсии за выслугу лет, разница между действительным (подтвержденным) и требуемым для ее назначения стажем службы (выслуги лет), значимость данной пенсии как источника дохода, позволяющего поддерживать сложившийся уровень жизни, возможность возвращения гражданина на службу в органы внутренних дел для приобретения права на пенсию за выслугу лет в соответствии с законом и иные заслуживающие внимания обстоятельства, без учета которых полное прекращение выплаты пенсии за выслугу лет не может рассматриваться как справедливая и соразмерная мера, необходимая и строго обусловленная конституционно одобряемыми целями.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать часть первую статьи 13 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах

внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей», как закрепляющую условия назначения пенсии за выслугу лет сотрудникам органов внутренних дел и тем самым являющуюся необходимым элементом правового механизма реализации права указанных лиц на пенсионное обеспечение с учетом характера и продолжительности осуществления ими профессиональной деятельности, соответствующей Конституции Российской Федерации.

2. Признать часть первую статьи 13 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 1 (часть 1), 2, 7, 18, 39 (части 1 и 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой она в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с пунктом 5 статьи 24 Федерального закона «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», предполагает безусловное прекращение выплаты гражданину, уволенному со службы в органах внутренних дел, пенсии за выслугу лет, назначенной ему ошибочно в результате неправильного подсчета уполномоченным государством органом необходимого для возникновения права на данную пенсию стажа службы (выслуги лет), притом что сам гражданин при приобретении статуса получателя пенсии за выслугу лет действовал добросовестно, — без учета продолжительности периода, прошедшего с момента ее назначения, продолжительности периода, недостаточного до достижения установленной законом выслуги лет, значимости для этого гражданина пенсии в качестве источника дохода и иных заслуживающих внимания обстоятельств — и тем самым не обеспечивает при исправлении допущенной ошибки соблюдение конституционных принципов правовой определенности, справедливости и соразмерности (пропорциональности), поддержания доверия граждан к действиям государства, а также баланса конституционно защищаемых ценностей, публичных и частных интересов.

3. Федеральному законодателю надлежит — исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций, выраженных Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Постановлении, — внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения.

Впредь до внесения в правовое регулирование изменений, вытекающих из настоящего Постановления, суды общей юрисдикции при оценке правомерности прекращения выплаты пенсии за выслугу лет, необоснованно назначенной в результате допущенной органом, осуществляющим пенсионное обеспечение, ошибки, на основе объективного и полного исследования представленных доказательств должны учитывать указанные в пункте 2 резолютивной части настоящего Постановления и иные заслуживающие внимания обстоятельства.

4. Судебные постановления по делу Иванова Сергея Витальевича, основанные на положениях части первой статьи 13 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» в той мере, в какой указанные положения были признаны в настоя-

щем Постановлении не соответствующими Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру, при условии что для этого нет иных препятствий.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**19 января
2016 года,
город Санкт-
Петербург**

№ 2-П

по делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 22 и пункта 24 статьи 5 Федерального закона от 28 июня 2014 года № 188-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного социального страхования» в связи с запросами Арбитражного суда города Москвы и Арбитражного суда Пензенской области

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3¹ части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 101, 102 и 104 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности подпункта «а» пункта 22 и пункта 24 статьи 5 Федерального закона от 28 июня 2014 года № 188-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного социального страхования».

Поводом к рассмотрению дела явились запросы Арбитражного суда города Москвы и Арбитражного суда Пензенской области. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителями законоположения.

Поскольку оба запроса касаются одного и того же предмета, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», соединил дела по этим запросам в одном производстве.

Заслушав сообщение судьи-докладчика В. Г. Ярославцева, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Подпунктом «а» пункта 22 статьи 5 Федерального закона от 28 июня 2014 года № 188-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного социального стра-

хования» из пункта 4 части 6 статьи 39 Федерального закона от 24 июля 2009 года № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» было исключено положение об обязанности руководителя (заместителя руководителя) органа контроля за уплатой страховых взносов выявлять обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность за совершение правонарушения, предусмотренного данным Федеральным законом, а пунктом 24 той же статьи признана утратившей силу статья 44 «Обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность за совершение правонарушения» данного Федерального закона, предусматривавшая, что обстоятельствами, смягчающими ответственность за совершение правонарушения, признаются: 1) совершение правонарушения вследствие стечения тяжелых личных или семейных обстоятельств; 2) совершение правонарушения под влиянием угрозы или принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости; 3) тяжелое материальное положение физического лица, привлекаемого к ответственности за совершение правонарушения; 4) иные обстоятельства, которые судом или органом контроля за уплатой страховых взносов, рассматривающим дело, могут быть признаны смягчающими ответственность (часть 1); обстоятельством, отягчающим ответственность за совершение правонарушения, признается совершение правонарушения лицом, ранее привлекаемым к ответственности за аналогичное правонарушение (часть 2); лицо, привлеченное к ответственности за совершение правонарушения, считается привлеченным к ответственности за это правонарушение в течение 12 месяцев со дня вступления в законную силу решения суда или органа контроля за уплатой страховых взносов (часть 3); обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность за совершение правонарушения, устанавливаются судом или органом контроля за уплатой страховых взносов, рассматривающим дело, и учитываются при привлечении к указанной ответственности (часть 4).

1.1. Арбитражный суд города Москвы оспаривает конституционность пункта 24 статьи 5 Федерального закона от 28 июня 2014 года № 188-ФЗ в связи с находящимся в его производстве делом по заявлению государственного бюджетного образовательного учреждения города Москвы «Средняя общеобразовательная школа № 2107» о признании незаконными в части размера штрафных санкций и об отмене в этой части решений Главного управления Пенсионного фонда Российской Федерации № 10 по городу Москве и Московской области о привлечении к ответственности в виде штрафа на общую сумму 120 000 рублей по части 1 статьи 46 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования».

Как указывается в запросе, образовательное учреждение, не представившее в установленный срок расчет по начисленным и уплаченным страховым взносам, ссылалось на ряд смягчающих обстоятельств (затянувшаяся реорганизация, снос старого здания образовательного учреждения, отсутствие в штате бухгалтера, привлечение к ответственности за такое правонарушение впервые и т. д.), однако в связи с отменой оспариваемым законоположением статьи 44 названного Федерального закона у органов Пенсионного фонда Российской Федерации отсутствует обязанность устанавливать смягчающие ответственность обстоятельства, что, в свою очередь, лишает арбитражные суды возможности оценить принятые ненормативные акты на

предмет соразмерности, справедливости и адекватности назначенной финансовой санкции.

По тем же основаниям оспаривает конституционность подпункта «а» пункта 22 и пункта 24 статьи 5 Федерального закона от 28 июня 2014 года № 188-ФЗ Арбитражный суд Пензенской области, в производстве которого находится дело по заявлению федерального казенного учреждения здравоохранения «Медико-санитарная часть № 58 Федеральной службы исполнения наказаний» о признании незаконным и отмене вынесенного управлением Пенсионного фонда Российской Федерации в городе Пензе решения о привлечении его к ответственности в виде штрафа в размере 60 825,48 рублей по части 1 статьи 47 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» (за неполную уплату страховых взносов).

Как указывается в запросе, медицинское учреждение в обоснование своей позиции ссылается на ряд смягчающих обстоятельств, в том числе на совершение правонарушения впервые, а также на незамедлительную добровольную уплату сумм страховых взносов, начисленных по итогам проверки, однако арбитражные суды не могут учесть эти обстоятельства в связи с изменением оспариваемыми законоположениями пункта 4 части 6 статьи 39 и отменой статьи 44 данного Федерального закона.

Придя к выводу о том, что в вопросе о конституционности подпункта «а» пункта 22 и пункта 24 статьи 5 Федерального закона от 28 июня 2014 года № 188-ФЗ имеется неопределенность, Арбитражный суд города Москвы определением от 1 июля 2015 года и Арбитражный суд Пензенской области определением от 28 октября 2015 года приостановили производство по соответствующим делам и обратились в Конституционный Суд Российской Федерации в порядке статьи 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации.

1.2. Как следует из статей 74, 101 и 102 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации по запросам судов проверяет конституционность оспариваемых нормативных положений в порядке конкретного нормоконтроля в той части, в какой они подлежат применению в находящемся в производстве суда деле, и принимает постановление только по предмету, указанному в запросе, оценивая как буквальный смысл проверяемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм.

По мнению заявителей, оспариваемые законоположения, как не допускающие для органов контроля за уплатой страховых взносов и судов возможность принимать во внимание смягчающие ответственность обстоятельства при назначении наказания плательщикам страховых взносов за совершение правонарушений, ответственность за которые установлена Федеральным законом «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования», противоречат статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Соответственно, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются подпункт «а» пункта 22 и пункт 24 статьи 5 Федерального закона от 28 июня 2014 года № 188-ФЗ, как исключившие возможность установления в процессе правоприменения смягчающих ответственность обстоятельств и их учет при назначении наказания плательщикам страховых взносов за совершение правонарушений,

ответственность за которые установлена Федеральным законом «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования».

2. Конституция Российской Федерации провозглашает Российскую Федерацию правовым и социальным государством, в котором человек, его права и свободы являются высшей ценностью, достоинство личности охраняется государством, создаются условия для достойной жизни и свободного развития человека, каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом (статья 1, часть 1; статья 2; статья 7, часть 1; статья 21, часть 1; статья 39, часть 1).

В качестве основной организационно-правовой формы реализации указанных прав граждан выступает система обязательного социального страхования, которое представляет собой осуществляемое в соответствии с федеральным законом страхование работающих граждан от возможного изменения материального и (или) социального положения, в том числе по независящим от них обстоятельствам, и предполагает уплату лицами, признаваемыми страхователями, страховых взносов — обязательных платежей на обязательное социальное страхование (преамбула и статья 1 Федерального закона от 16 июля 1999 года № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования»).

В целях обеспечения исполнения плательщиками страховых взносов обязанности по уплате страховых взносов, которая вытекает в том числе из статьи 57 Конституции Российской Федерации, распространяющей свое действие на обязательные платежи публично-правового характера, а также возмещения ущерба, причиненного ее неисполнением, федеральный законодатель на основании статей 39 (часть 1), 57, 71 (пункт «в»), 72 (пункты «б», «ж» части 1) и 76 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации установил систему страховых сборов и предусмотрел меры государственного принуждения, которые могут быть как праввосстановительными, обеспечивающими исполнение плательщиками страховых взносов его обязанности по уплате страховых взносов, так и штрафными, возлагающими на нарушителей в качестве меры ответственности дополнительные выплаты.

При этом, в силу правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, изложенных в ряде его решений, в том числе в постановлениях от 15 июля 1999 года № 11-П, от 25 января 2001 года № 1-П, от 17 июля 2002 года № 13-П, от 19 марта 2003 года № 3-П, от 13 марта 2008 года № 5-П, от 27 мая 2008 года № 8-П, от 13 июля 2010 года № 15-П, от 18 мая 2012 года № 12-П, от 17 января 2013 года № 1-П, от 14 февраля 2013 года № 4-П, от 25 февраля 2014 года № 4-П, федеральный законодатель, осуществляя правовое регулирование оснований, условий и сроков привлечения к юридической ответственности в данной сфере, должен исходить из того, что юридическая ответственность может наступать только за те деяния, которые законом, действующим на момент их совершения, признаются правонарушениями; наличие состава правонарушения является необходимым основанием для всех видов ответственности, а его признаки, как и содержание конкретных составов правонарушений должны согласовываться с конституционными принципами демократического правового государства, включая требование справедливости, в его взаимоотношениях с физическими и юридическими лицами как субъектами ответственности; общепризнанным принципом привлечения к ответственности во всех отраслях права является наличие вины как элемента субъективной стороны состава правонарушения, а всякое

исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т. е. предусмотрено непосредственно в законе;

закрепляя и изменяя составы правонарушений и меры ответственности за их совершение, федеральный законодатель связан вытекающими из статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации критериями необходимости, пропорциональности и соразмерности ограничения прав и свобод граждан конституционно значимым целям, а также обязан соблюдать гарантированное статьей 19 (часть 1) Конституции Российской Федерации равенство всех перед законом, означающее, что любое правонарушение и санкции за его совершение должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы исходя непосредственно из текста соответствующей нормы – в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, – каждый мог предвидеть правовые последствия своих действий (бездействия);

предусматривая для совершивших правонарушения лиц наказания в виде штрафа и тем самым ограничивая гарантированные Конституцией Российской Федерации право собственности, предполагающее наличие находящейся под судебной защитой возможности иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (статья 35, части 1, 2 и 3), и право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (статья 34, часть 1), федеральный законодатель должен стремиться к тому, чтобы устанавливаемые им размеры штрафов в совокупности с правилами их наложения позволяли в каждом конкретном случае привлечения лица к ответственности обеспечивать адекватность применяемого государственного принуждения всем обстоятельствам, имеющим существенное значение для индивидуализации ответственности и наказания за совершенное правонарушение;

конституционные требования справедливости и соразмерности определяют, по общему правилу, необходимость дифференциации юридической ответственности в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию при выборе той или иной меры государственного принуждения.

Названные принципы привлечения к юридической ответственности в силу статей 8 (часть 2) и 19 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации в равной мере относятся ко всем физическим и юридическим лицам, которые являются плательщиками страховых взносов.

3. Неуплата или неполная уплата страхового взноса посягает не только на публичные имущественные отношения, связанные с формированием доходной части бюджетов государственных внебюджетных фондов, но и на отношения, связанные с дальнейшей страховой выплатой застрахованному лицу, которая напрямую зависит от размера уплаченных страховых взносов и периода их уплаты, что не может не приниматься во внимание законодателем при введении публично-правовой ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации о страховых взносах.

3.1. Федеральный закон «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» регулирует отношения, связанные с исчислением и уплатой (перечислением) страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации на обязательное пенсионное страхование, Фонд социального страхования Российской Федерации на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, Федеральный фонд

обязательного медицинского страхования на обязательное медицинское страхование, а также отношения, возникающие в процессе осуществления контроля за исчислением и уплатой (перечислением) страховых взносов и привлечения к ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации о страховых взносах (часть 1 статьи 1).

Названный Федеральный закон закрепляет понятие нарушения законодательства о страховых взносах, которым признается виновно совершенное противоправное деяние (действие или бездействие) плательщика страховых взносов или банка, за которое данным Федеральным законом установлена ответственность (часть 1 статьи 40), определяет субъектов этой ответственности, устанавливает юридическую конструкцию субъективной стороны (форма вины при совершении правонарушения, обстоятельства, исключющие вину в совершении правонарушения), сроки давности привлечения к ответственности и другие основные положения, необходимые для привлечения нарушителя к указанной ответственности (статьи 41–52). Одновременно он отграничивает установленную им ответственность плательщиков страховых взносов и банков от административной ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации о страховых взносах, которая осуществляется в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, а также от иных видов ответственности. Так, согласно его статье 40 привлечение к ответственности за совершение правонарушений, предусмотренных данным Федеральным законом, осуществляется органами контроля за уплатой страховых взносов (часть 2), причем привлечение организации к ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации о страховых взносах не освобождает ее должностных лиц при наличии соответствующих оснований от административной или иной ответственности, предусмотренной законодательством Российской Федерации (часть 4).

Федеральный закон «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» устанавливает особую ответственность плательщиков страховых взносов за правонарушения, выразившиеся в неисполнении возложенных на них обязанностей, как непосредственно связанные с недополучением государством страховых взносов (статья 47 «Неуплата или неполная уплата сумм страховых взносов») либо как создающие угрозу такого недополучения (часть 1 статьи 46 «Непредставление расчета по начисленным и уплаченным страховым взносам»). Исходя из характера данных нарушений законодатель предусмотрел за их совершение санкции, призванные компенсировать причиненный имущественный вред, а также стимулировать плательщика сборов к исполнению возложенных на него обязанностей по представлению соответствующих расчетов, поскольку контроль за полнотой, правильностью и своевременностью уплаты страховых взносов возможен только на основе полной и своевременно представленной информации. Согласно части 1 статьи 46 данного Федерального закона непредставление плательщиком страховых взносов в установленный им срок расчета по начисленным и уплаченным страховым взносам в орган контроля за уплатой страховых взносов по месту учета влечет взыскание штрафа в размере 5 процентов суммы страховых взносов, начисленной к уплате за последние три месяца отчетного (расчетного) периода, за каждый полный или неполный месяц со дня, установленного для его представления (но не более 30 процентов указанной суммы и не менее 1000 рублей). В соответствии же с его статьей 47 неуплата или неполная уплата сумм страховых взносов в результате занижения базы для начисления страховых взносов, иного неправильного исчисления страхо-

вых взносов или других неправомерных действий (бездействия) плательщиков страховых взносов влечет взыскание штрафа в размере 20 процентов неуплаченной суммы страховых взносов, а если указанные деяния совершены умышленно, то они влекут взыскание штрафа в размере 40 процентов неуплаченной суммы страховых взносов.

Наряду с ответственностью за указанные нарушения названный Федеральный закон предусмотрел ответственность плательщиков страховых взносов за нарушения, объектом которых являются отношения управленческого характера (часть 2 статьи 46 и статья 48) и штраф за которые установлен в твердом размере, не зависит от размера неуплаченных или подлежащих уплате страховых взносов и не имеет компенсационной функции, а также ответственность банков (статьи 49–51).

3.2. Порядок производства по делам о нарушении законодательства Российской Федерации о страховых взносах также урегулирован непосредственно положениями Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования», который, в частности, предусматривает, что вынесению решения о привлечении плательщика страховых взносов к ответственности предшествует рассмотрение руководителем (заместителем руководителя) органа контроля за уплатой страховых взносов материалов проверки; в ходе рассмотрения устанавливается, совершало ли лицо, в отношении которого составлен акт проверки, нарушения законодательства Российской Федерации о страховых взносах, образуют ли выявленные нарушения состав правонарушения, имеются ли основания для привлечения лица к ответственности за совершение правонарушения, а также выявляются обстоятельства, исключающие вину лица в совершении правонарушения; по результатам рассмотрения материалов проверки указанное должностное лицо выносит решение о привлечении к ответственности либо об отказе в привлечении к ответственности за совершение правонарушения (статья 39).

До 1 января 2015 года действовала статья 44 названного Федерального закона, которая предполагала установление обстоятельств, смягчающих или отягчающих ответственность за совершение правонарушения, судом или органом контроля за уплатой страховых взносов, рассматривающим дело, и их учет при привлечении к ответственности (часть 4), причем перечень смягчающих обстоятельств носил открытый характер – в нем, в частности, было предусмотрено совершение правонарушения вследствие стечения тяжелых личных или семейных обстоятельств, под влиянием угрозы или принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости, тяжелое материальное положение физического лица, привлекаемого к ответственности за совершение правонарушения, а кроме того, суд или орган контроля за уплатой страховых взносов, рассматривающие дело, могли признать в качестве смягчающих и иные обстоятельства (часть 1).

В качестве отягчающих ответственность обстоятельств названный Федеральный закон рассматривал только одно обстоятельство – совершение правонарушения лицом, ранее привлекаемым к ответственности за аналогичное правонарушение, при этом лицо, привлеченное к ответственности за совершение правонарушения, считалось привлеченным к ответственности за это правонарушение в течение 12 месяцев со дня вступления в законную силу решения суда или органа контроля за уплатой страховых взносов (части 2 и 3 статьи 44). Каких-либо специальных правил учета отягчающих обстоятельств данный Федеральный закон не предусматривал, а соответственно, правоприменитель не мог назначить более высокий размер штрафа в случае наличия отягчающих обстоятельств, однако мог взвесить эти

обстоятельства и обстоятельства, смягчающие ответственность, при решении вопроса о возможности снижения штрафа.

С принятием Федерального закона от 28 июня 2014 года № 188-ФЗ указанная статья Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» утратила силу, а его статья 39 «Вынесение решения по результатам рассмотрения материалов проверки» подверглась изменениям: в настоящее время руководитель (заместитель руководителя) органа контроля за уплатой страховых взносов (а значит, и суд) выявляет только обстоятельства, исключющие вину лица в совершении правонарушения (пункт 4 части 6 статьи 39). При этом он должен руководствоваться перечнем исключющих вину лица обстоятельств, который закреплен в пунктах 1–3 части 1 статьи 43, тогда как согласно пункту 4 части 1 той же статьи суд вправе признать исключющими вину лица в совершении правонарушения и иные обстоятельства, помимо указанных. Выявлять же обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность за совершение правонарушения, и учитывать их при назначении наказания руководитель (заместитель руководителя) органа контроля за уплатой страховых взносов не должен, в связи с чем и суд, по буквальному смыслу названных законоположений, при проверке законности и обоснованности решения о привлечении к ответственности также не может учесть такие обстоятельства и снизить размер назначенного наказания.

Как указывалось в пояснительной записке к проекту Федерального закона от 28 июня 2014 года № 188-ФЗ, предложенные изменения направлены на совершенствование правового регулирования исчисления и уплаты страховых взносов и процедуры администрирования страховых взносов, однако в данном документе убедительное обоснование необходимости отмены законоположений, касавшихся обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность за совершение правонарушения в сфере законодательства Российской Федерации о страховых взносах, отсутствует. Между тем, поскольку в интересах плательщиков страховых взносов Федеральным законом от 28 июня 2014 года № 188-ФЗ введены правила предоставления им отсрочки (рассрочки) по уплате страховых взносов, пеней и штрафов (статьи 18¹–18³), можно предполагать, что федеральный законодатель преследовал цель ограничить дискрецию органа контроля за уплатой страховых взносов при назначении наказания плательщиком страховых взносов за совершение правонарушений, ответственность за которые установлена Федеральным законом «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования».

Таким образом, принимая Федеральный закон от 28 июня 2014 года № 188-ФЗ, федеральный законодатель упростил администрирование страховых взносов за счет упрощения порядка привлечения к ответственности и ограничил дискрецию органов контроля за уплатой страховых взносов, исходя из того что имеющихся и вновь введенных гарантий прав плательщиков страховых взносов достаточно для обеспечения их прав.

4. В силу положений Конституции Российской Федерации основанное на принципе справедливости требование соразмерности правовой ответственности совершенному правонарушению предполагает в качестве общего правила дифференциацию такой ответственности в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию при применении наказания.

4.1. Конституционный Суд Российской Федерации ранее обращался к вопросу о допустимости использования не дифференцированных по размеру штрафов.

В Постановлении от 22 апреля 2014 года № 13-П Конституционный Суд Российской Федерации указал, что административные правонарушения, предусмотренные в частях 5 и 7 статьи 12.16, части 1² статьи 12.17, частях 5 и 6 статьи 12.19 и части 2 статьи 12.28 КоАП Российской Федерации, относятся к наиболее распространенным, носят, по сути, очевидный характер, их объективная сторона как необходимый элемент состава (т. е. само противоправное деяние) относительно проста и сравнительно легко фиксируется, в том числе средствами видеонаблюдения; установленные ими безальтернативные размеры административных штрафов (в зависимости от состава правонарушения – от двух тысяч пятисот до пяти тысяч рублей) согласуются с общим подходом федерального законодателя к установлению штрафных санкций за административные правонарушения в области дорожного движения, не превышают предусмотренный данным Кодексом максимальный размер административного штрафа для граждан, составляющий пять тысяч рублей (часть 1 статьи 3.5), а потому не требуют дифференциации, обязательной для административных штрафов, установленных за иные виды административных правонарушений, как правило, в значительно более высоких размерах, и являющейся их неотъемлемым конституционно значимым свойством.

По смыслу приведенной правовой позиции, установление в качестве наказания штрафа, размер которого является значительным, требует и введения правил его дифференциации в зависимости от характера совершенного правонарушения, размера причиненного вреда, степени вины правонарушителя, его имущественного положения и иных имеющих существенное значение обстоятельств; такая дифференциация предполагает, по общему правилу, использование конструкции относительно определенной санкции с установлением нижнего и верхнего размера штрафа. Вместе с тем не исключает она и возможность назначения наказания ниже низшего предела санкции в случаях, связанных с характером совершенного правонарушения и его последствиями, личностью и имущественным положением привлекаемого к ответственности лица, а также с учетом иных смягчающих и отягчающих обстоятельств (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2013 года № 4-П и от 25 февраля 2014 года № 4-П).

4.2. Федеральный закон «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования», закрепляя ответственность плательщиков страховых взносов за правонарушения, предусмотренные его статьями 46 и 47, предусматривает абсолютно определенные санкции и не предоставляет правоприменителю дискреционной возможности варьировать размер наказания за конкретные правонарушения.

Так, за совершение правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 46, назначается штраф в размере 5 процентов суммы страховых взносов, начисленной к уплате за последние три месяца отчетного (расчетного) периода, за каждый полный или неполный месяц со дня, установленного для представления расчета по начисленным и уплаченным страховым взносам, но не более 30 процентов указанной суммы и не менее 1000 рублей. При этом 1 000 рублей представляет собой не нижний предел административного штрафа, а его минимальный размер, который применяется, если 5 процентов суммы страховых взносов, начисленной к уплате за последние три месяца отчетного (расчетного) периода, за каждый полный или неполный

месяц со дня, установленного для его представления, составляет менее 1000 рублей. Соответственно, 30 процентов – это максимальный размер суммы, которую могут составить 5 процентов суммы страховых взносов, начисленной к уплате за последние три месяца отчетного (расчетного) периода, за каждый полный или неполный месяц со дня, установленного для его представления. За правонарушение, предусмотренное статьей 47 названного Федерального закона, штраф составляет 20 процентов неуплаченной суммы страховых взносов, а в случае умышленного совершения правонарушения – 40 процентов.

Хотя установленные этим Федеральным законом наказания для плательщиков сборов ограничены максимальным пределом (30 процентов суммы страховых взносов, начисленной к уплате за последние три месяца отчетного (расчетного) периода, и 20 и 40 процентов неуплаченной суммы страховых взносов), они могут достигать значительных размеров. Предоставление же плательщикам сборов отсрочки (рассрочки) по уплате штрафов, как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, будучи, по сути, лишь условием исполнения соответствующего правоприменительного решения, никоим образом не влияет на размер штрафа, который подлежит уплате лицом, и, следовательно, в качестве действенного средства, позволяющего обеспечить индивидуализацию содержания (объема) ответственности и тем самым – соразмерность назначенного наказания, выступать не может (постановления от 17 января 2013 года № 1-П и от 25 февраля 2014 года № 4-П).

Данное правовое регулирование, обязывающее руководителя (заместителя руководителя) органа контроля за уплатой страховых взносов выявлять обстоятельства, исключающие вину лица в совершении правонарушения (пункт 4 части 6 статьи 39 названного Федерального закона), не позволяет учесть затруднительное финансовое и имущественное положение лица, совершившего нарушение законодательства Российской Федерации о страховых взносах, иные смягчающие ответственность обстоятельства, а потому не позволяет при определении меры ответственности избежать избыточного ограничения имущественных прав указанных лиц. Такой правовой механизм не способен в каждом конкретном случае привлечения лица к ответственности в полной мере обеспечить адекватность применяемого государственного принуждения всем обстоятельствам, имеющим существенное значение для индивидуализации ответственности и наказания за совершенное правонарушение, а следовательно, не достигает цели обеспечения баланса конституционно значимых целей и ценностей. Произведенная федеральным законодателем в статье 47 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» дифференциация ответственности в зависимости от того, совершено ли противоправное деяние умышленно или по неосторожности, также не свидетельствует о том, что в распоряжении правоприменителя имеется достаточно средств для индивидуализации ответственности.

Несмотря на то что в части 4 статьи 44 названного Федерального закона указывалось на необходимость учета смягчающих обстоятельств лишь на стадии привлечения лица к ответственности, арбитражные суды, ссылаясь на данное законоположение, устанавливали и учитывали смягчающие обстоятельства в делах об оспаривании решений органов Пенсионного фонда Российской Федерации о привлечении к ответственности плательщиков страховых взносов. Как отмечал Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, без оценки обстоятельств, смягчающих ответственность,

у суда отсутствовали основания для признания обоснованным начисления штрафа (постановление от 16 июля 2013 года по делу № 1682/13). В частности, это имело место в делах о привлечении к ответственности таких плательщиков страховых взносов, как бюджетные учреждения (школы, детские сады и т. п.).

В то же время ничем не ограниченное усмотрение правоприменительных органов при снижении размера штрафа, без ясно сформулированных законодателем норм о минимальных границах такого снижения, создавало бы угрозу нарушения вытекающего из Конституции Российской Федерации общеправового критерия определенности и принципа юридического равенства, которое может быть обеспечено лишь при условии единообразного применения правовых норм, при их формальной определенности, точности, ясности, недвусмысленности и согласованности в системе действующего правового регулирования. Кроме того, необоснованно широкие пределы усмотрения при снижении размера штрафа в процессе правоприменения противоречили бы вытекающему из принципа справедливости принципу неотвратимости ответственности, а также целям наказания за нарушение положений законодательства Российской Федерации о страховых взносах, в том числе предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами.

4.3. Осуществляя регулирование налоговых отношений, схожих по правовой природе с отношениями по уплате страховых взносов на обязательное социальное страхование, закрепляя ответственность за аналогичные противоправные деяния и используя ту же конструкцию санкции, зависящую от размера подлежащей уплате или неуплаченной суммы, федеральный законодатель предусмотрел правила, позволяющие учитывать смягчающие ответственность за совершение налогового правонарушения обстоятельства. Такие обстоятельства устанавливаются судом или налоговым органом, рассматривающим дело, и учитываются при применении налоговых санкций (пункт 4 статьи 112 Налогового кодекса Российской Федерации). При наличии хотя бы одного смягчающего ответственность обстоятельства размер штрафа подлежит уменьшению не меньше чем в два раза по сравнению с размером, установленным соответствующей статьей Налогового кодекса (пункт 3 статьи 114).

В Федеральном законе «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» до внесения в него изменений Федеральным законом от 28 июня 2014 года № 188-ФЗ был использован иной подход, согласно которому снижение размера штрафа в связи с наличием смягчающих обстоятельств всецело отдавалось на усмотрение правоприменителя, который не был ограничен какими-либо критериями и в каждой конкретной ситуации самостоятельно определял размер снижения штрафа. При этом положения пункта 4 части 6 статьи 39 и статьи 44 названного Федерального закона о смягчающих обстоятельствах в действовавшей системе правового регулирования являлись единственным инструментом обеспечения соразмерности ответственности тяжести и последствиям правонарушений при уплате взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования.

То обстоятельство, что объектом противоправного посягательства в данном случае являются правоотношения по внесению платежей, направляемых не в бюджет Российской Федерации, а в фонды, действующие на основе принципов социального страхования и социальной солидарности граждан, за которых (или которыми) вносятся соответствующие взносы, в силу

публичной природы этих фондов не может предопределять принципиально иной подход к публично-правовой ответственности за нарушения в этих правоотношениях по сравнению с ответственностью, установленной Налоговым кодексом Российской Федерации.

Отмена положений Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» о смягчающих обстоятельствах привела к отсутствию в действующей системе правового регулирования ответственности плательщиков страховых взносов какой бы то ни было возможности снизить размер штрафа, что не позволяет индивидуализировать наказание, учесть характер и степень вины нарушителя, иные заслуживающие внимание обстоятельства и тем самым приводит к нарушению прав плательщиков страховых взносов, обеспечиваемых конституционными принципами юридической ответственности, вытекающими из статей 1 (часть 1), 2, 8 (часть 2), 19 (части 1 и 2), 34 (часть 1), 35 (части 1–3) и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации.

5. Таким образом, подпункт «а» пункта 22 и пункт 24 статьи 5 Федерального закона от 28 июня 2014 года № 188-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного социального страхования», как исключившие возможность при применении ответственности, установленной Федеральным законом «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования», индивидуализировать наказание за нарушение установленных им требований с учетом смягчающих ответственность обстоятельств и тем самым приводящие к нарушению прав плательщиков страховых взносов, не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 1 (часть 1), 2, 8 (часть 2), 19 (части 1 и 2), 34 (часть 1), 35 (части 1–3) и 55 (части 2 и 3).

Данный вывод, однако, не означает восстановление действия положений Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» в том виде, в котором они применялись до утраты силы.

В целях достижения баланса конституционно значимых ценностей и в интересах субъектов права Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь пунктом 12 части первой статьи 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», считает возможным определить следующий порядок исполнения настоящего Постановления.

В силу принципов правовой определенности, справедливости, необходимости поддержания у граждан и их объединений доверия государству и охраняемому им правопорядку, вытекающих из статей 1 (часть 1), 15 (часть 1), 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 45 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, федеральный законодатель обязан определить порядок снижения размера штрафа за нарушение положений законодательства Российской Федерации о страховых взносах, с тем чтобы обеспечить как индивидуализацию ответственности, так и ее неотвратимость, в частности, в рамках своей дискреции установить органы, имеющие право снижать размер штрафа, условия снижения размера штрафа, правила учета отягчающих и смягчающих ответственность обстоятельств при определении окончательного размера наказания, а также минимальный размер штрафа, ниже которого при любых обстоятельствах наказание назначено быть не может.

Такой подход позволил бы обеспечить адекватность применяемого государственного принуждения всем обстоятельствам, имеющим существенное значение для ее индивидуализации, и избежать злоупотреблений при принятии решений о размерах штрафной санкции в конкретных делах.

Из этого же исходил Конституционный Суд Российской Федерации, определяя порядок исполнения Постановления от 25 февраля 2014 года № 4-П, которым были признаны неконституционными положения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, не допускавшие – во взаимосвязи с закрепленными данным Кодексом общими правилами применения административных наказаний – назначения административного штрафа ниже низшего предела, указанного в соответствующей административной санкции, и не позволявшие тем самым учесть надлежащим образом характер и последствия совершенного административного правонарушения, степень вины привлекаемого к административной ответственности юридического лица, его имущественное и финансовое положение, а также иные имеющие существенное значение для индивидуализации административной ответственности обстоятельства и, соответственно, обеспечить назначение справедливого и соразмерного административного наказания. В данном Постановлении Конституционный Суд Российской Федерации указал, что федеральный законодатель не лишен возможности закрепить – как на универсальной основе, так и применительно к отдельным видам административных правонарушений – предельный размер административного штрафа, назначаемого юридическому лицу, ниже которого его снижение не допускается.

В соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, выраженными в Постановлении от 25 февраля 2014 года № 4-П, и учитывая особую роль суда как независимого и беспристрастного арбитра и вместе с тем наиболее компетентного в сфере определения правовой справедливости органа государственной власти, впредь до внесения в правовое регулирование надлежащих изменений принятие решения об учете смягчающих ответственность обстоятельств при применении санкций, предусмотренных Федеральным законом «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» за нарушение положений законодательства Российской Федерации о страховых взносах, допускается только в исключительных случаях и только в судебном порядке: если санкция была применена должностным лицом фонда, суд (безотносительно к законодательному регулированию пределов его полномочий при судебном обжаловании решений о применении мер ответственности), рассмотрев соответствующее заявление привлекаемого к ответственности лица, не лишен возможности снизить размер ранее назначенного ему штрафа.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать подпункт «а» пункта 22 и пункт 24 статьи 5 Федерального закона от 28 июня 2014 года № 188-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного социального страхования», как исключившие возможность при применении ответственности, установленной Федеральным законом «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд

социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования», индивидуализировать наказание за нарушение установленных им требований с учетом смягчающих ответственность обстоятельств и тем самым приводящие к нарушению прав плательщиков страховых взносов, не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 1 (часть 1), 2, 8 (часть 2), 19 (части 1 и 2), 34 (часть 1), 35 (части 1–3) и 55 (части 2 и 3).

2. Федеральному законодателю надлежит, руководствуясь Конституцией Российской Федерации и настоящим Постановлением, внести в законодательство Российской Федерации о страховых взносах изменения, позволяющие индивидуализировать наказание, учесть характер и степень вины нарушителя, иные заслуживающие внимание обстоятельства. Впредь до внесения необходимых изменений законодательство Российской Федерации о страховых взносах подлежит применению с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированных в настоящем Постановлении.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**15 февраля
2016 года,
город Санкт-
Петербург**

№ 3-П

по делу о проверке конституционности положений части 9 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Е. В. Потоцкого

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности положений части 9 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина Е. В. Потоцкого. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Л. О. Красавчиковой, исследовав представленные документы и иные материалы, включая письменные отзывы полномочного представителя Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А. И. Александрова и полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М. В. Кротова, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. В силу части 9 статьи 3 Федерального закона от 7 мая 2013 года № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» установленные положениями Гражданского кодекса Российской Федерации (в редакции данного Федерального закона) сроки исковой давности и правила их исчисления применяются к требованиям, сроки предъявления которых были предусмотрены ранее действовавшим законодательством и не истекли до 1 сентября 2013 года. При этом согласно абзацу второму пункта 2 статьи 200 ГК Российской Федерации по обязательствам, срок исполнения которых не определен или определен моментом востребования, срок иско-

вой давности начинает течь со дня предъявления кредитором требования об исполнении обязательства, а если должнику предоставляется срок для исполнения такого требования, исчисление срока исковой давности начинается по окончании срока, предоставляемого для исполнения такого требования; при этом срок исковой давности во всяком случае не может превышать десять лет со дня возникновения обязательства.

1.1. Решением Центрального районного суда города Тулы от 30 января 2014 года были частично удовлетворены требования гражданина Е. В. Потоцкого о взыскании денежных средств по трем договорам займа, которые были заключены им 14 августа 2000 года, 21 августа 2000 года и 20 ноября 2000 года, а также процентов за пользование чужими денежными средствами и судебных издержек. При этом суд исходил из того, что срок исковой давности по данным требованиям не пропущен и подлежит исчислению с 15 августа 2013 года, т. е. по истечении тридцати дней со дня предъявления Е. В. Потоцким требования о возврате денежных средств по указанным договорам (в которых конкретный срок возврата суммы долга установлен не был).

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Тульского областного суда от 3 апреля 2014 года решение суда первой инстанции отменено и в удовлетворении требований Е. В. Потоцкого отказано. Как указывалось в определении, срок исковой давности по заявленным требованиям действительно начал течь с 15 августа 2013 года и к моменту вступления в силу Федерального закона «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (1 сентября 2013 года) не истек, однако, вопреки мнению суда первой инстанции, к таким требованиям применяются положения о сроке исковой давности и правила его исчисления, предусмотренные пунктом 2 статьи 200 ГК Российской Федерации в редакции данного Федерального закона, в частности о том, что срок исковой давности по обязательствам, срок исполнения которых не определен или определен моментом востребования, во всяком случае не может превышать десяти лет со дня возникновения обязательства; поскольку же с момента возникновения обязательств по договорам займа, заключенным Е. В. Потоцким в 2000 году, прошло более десяти лет, срок исковой давности по его требованиям истек.

Определением судьи Тульского областного суда от 5 декабря 2014 года в передаче кассационной жалобы Е. В. Потоцкого на апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Тульского областного суда было отказано по тем же основаниям. Судья Верховного Суда Российской Федерации, отказывая в передаче кассационной жалобы Е. В. Потоцкого на данное апелляционное определение для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, также отметил, что на момент предъявления иска срок исковой давности для защиты нарушенного права Е. В. Потоцкого истек (определение от 26 января 2015 года).

1.2. Как следует из статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации по жалобе гражданина на нарушение его конституционных прав и свобод проверяет конституционность законоположений, примененных в деле заявителя, рассмотрение которого завершено в суде, и принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным толкованием или сло-

жившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм.

Нарушение своих прав, гарантированных статьями 8 (часть 1), 17 (часть 3), 18, 19 (часть 1), 35 (часть 1), 46 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, Е. В. Потоцкий усматривает в том, что положения части 9 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в подпункты 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» во взаимосвязи с пунктом 2 статьи 200 ГК Российской Федерации, выступая основанием для отказа в удовлетворении искового требования по обязательству, возникшему до вступления в силу названного Федерального закона, не отвечают требованиям соразмерности ограничения прав, приводят к чрезмерному вмешательству в порядок исполнения договорных обязательств, возникших до вступления в силу нового правового регулирования, и препятствуют реализации права на судебную защиту. Кроме того, заявитель указывает на отсутствие переходного периода, который позволил бы заинтересованным лицам разрешить споры в судебном порядке до введения в действие нового гражданско-правового регулирования.

Соответственно, конституционные права Е. В. Потоцкого затрагиваются оспариваемыми им положениями части 9 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в подпункты 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», в то время как сама по себе норма абзаца второго пункта 2 статьи 200 ГК Российской Федерации права заявителя в указанном им аспекте не затрагивает, а потому Конституционный Суд Российской Федерации в настоящем деле воздерживается от оценки ее конституционности, в том числе в части установленного ею десятилетнего срока со дня возникновения обязательства для обращения в суд с целью защиты нарушенных прав по обязательствам, срок исполнения которых не определен или определен моментом востребования, а также ее правовой природы и юридической квалификации.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является часть 9 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в подпункты 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» в той мере, в какой на ее основании решается вопрос о применении к требованиям, сроки предъявления которых были предусмотрены ранее действовавшим законодательством и не истекли до 1 сентября 2013 года, положения абзаца второго пункта 2 статьи 200 ГК Российской Федерации о том, что срок исковой давности не может превышать десяти лет со дня возникновения обязательств, срок исполнения которых не определен или определен моментом востребования.

2. Согласно Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина как высшая ценность являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием; все равны перед законом и судом (статьи 2 и 18; статья 19, часть 1). Право на судебную защиту относится к основным неотчуждаемым правам и одновременно выступает гарантией всех других прав и свобод (статья 46, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации).

Раскрывая конституционное содержание права на судебную защиту, Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях указывал, что ограничение данного права не допускается, так как не может служить достижению перечисленных в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации целей (Постановление от 25 июля 2001 года № 12-П); из статьи 46 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 19 (часть 1)

и 123 (часть 3), закрепляющими равенство всех перед законом и судом и принцип осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, следует, что конституционное право на судебную защиту — это не только право на обращение в суд, но и возможность получения реальной судебной защиты в форме восстановления нарушенных прав и свобод в соответствии с законодательно закрепленными критериями (Постановление от 16 марта 1998 года № 9-П).

Конституция Российской Федерации также устанавливает, что в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности (статья 8, часть 2), гарантируются неприкосновенность собственности, а также свобода предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности и вытекающая из этого свобода договоров в сфере гражданского оборота (статья 8, часть 1; статья 34, часть 1; статья 35, части 1–3). В силу статей 45 и 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации гарантии государственной защиты распространяются на право собственности независимо от формы собственности; это право подлежит защите всеми способами, не запрещенными законом, причем в качестве универсального способа выступает судебная защита: именно в процессе разрешения судом спора о собственности могут быть наиболее полно гарантированы права всех участников такого спора — как лиц, заявляющих имущественные требования, которые они рассчитывают удовлетворить посредством судебного решения, имеющего обязательную силу, так и лиц, не согласных с предъявляемыми к ним требованиями.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 10 декабря 2014 года № 31-П, по смыслу правовых позиций, изложенных в ряде его постановлений, в том числе от 17 декабря 1996 года № 20-П и от 16 мая 2000 года № 8-П, использованным в статье 35 Конституции Российской Федерации понятием «имущество» в его конституционно-правовом смысле охватываются как вещные права, так и права требования; такой подход корреспондирует толкованию этого понятия Европейским Судом по правам человека, которое лежит в основе применения им статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (постановление от 6 марта 2003 года по делу «Ясюниене (*Jasiuniene*) против Литвы» и др.).

Конституционным Судом Российской Федерации также неоднократно исследовался вопрос о гарантиях защиты права собственности и других имущественных прав, а также о сроках реализации права на судебную защиту (постановления от 20 июля 1999 года № 12-П и от 20 июля 2011 года № 20-П; определения от 14 декабря 1999 года № 220-О, от 3 октября 2006 года № 439-О, от 3 ноября 2006 года № 445-О, от 24 июня 2008 года № 364-О-О, от 15 июля 2008 года № 563-О-О, от 5 марта 2009 года № 253-О-О, от 19 мая 2009 года № 596-О-О и от 8 апреля 2010 года № 456-О-О).

При этом Конституционный Суд Российской Федерации пришел к следующим выводам.

Из статей 1 (часть 1), 7 (часть 1), 8, 19 (часть 1), 34 (часть 1), 35 (части 1–3), 45, 46 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации следует, что в демократическом правовом и социальном государстве, каковым является Российская Федерация, правовое регулирование отношений в сфере гражданского оборота должно основываться на принципах равенства всех перед законом и судом, неприкосновенности собственности и свободы договора, соблюдения баланса публичных и частных интересов при определении правового статуса субъектов этих отношений, критериев соразмерности

и пропорциональности при установлении условий реализации и возможных ограничений их прав.

Интересы защиты права собственности и стабильности гражданского оборота определяют не только установление судебного контроля за обоснованностью имущественных притязаний одних лиц к другим, но и введение в правовое регулирование норм, которые позволяют одной из сторон блокировать судебное разрешение имущественного спора по существу, если другая сторона обратилась за защитой своих прав спустя значительное время после того, как ей стало известно о том, что ее права оказались нарушенными. В гражданском законодательстве — это предназначение норм об исковой давности, под которой Гражданский кодекс Российской Федерации понимает срок для защиты права по иску лица, чье право нарушено (статья 195).

Институт исковой давности имеет целью упорядочить гражданский оборот, создать определенность и устойчивость правовых связей, дисциплинировать их участников, способствовать соблюдению договоров, обеспечить своевременную защиту прав и интересов субъектов гражданских правоотношений, поскольку отсутствие разумных временных ограничений для принудительной защиты нарушенных гражданских прав привело бы к ущемлению охраняемых законом прав и интересов ответчиков и третьих лиц, которые не всегда могли бы заранее учесть необходимость собирания и сохранения значимых для рассмотрения дела сведений и фактов; применение судом по заявлению стороны в споре исковой давности защищает участников гражданского оборота от необоснованных притязаний и одновременно побуждает их своевременно заботиться об осуществлении и защите своих прав.

Вместе с тем, по смыслу статей 8, 34 (часть 1), 35 (часть 1) и 71 (пункты «ж», «о») Конституции Российской Федерации, федеральный законодатель уполномочен и на введение изъятий из общего правила о применении исковой давности, если их необходимость обусловливается природой и социальной значимостью тех или иных правоотношений. Это означает, что в пределах своих дискреционных полномочий он вправе не только устанавливать, изменять и отменять сроки исковой давности в зависимости от целей правового регулирования и производить их дифференциацию при наличии к тому объективных и разумных оснований, но и определять порядок их течения во времени, момент начала и окончания, с тем чтобы обеспечить реальную возможность исковой защиты права, стабильность, определенность и предсказуемость правового статуса субъектов гражданских правоотношений.

Исходя из этого установление и регулирование федеральным законодателем сроков для обращения в суд, включая их изменение и отмену, не может рассматриваться как нарушение права на судебную защиту.

3. Согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации общий срок исковой давности составляет три года со дня, определяемого в соответствии со статьей 200 данного Кодекса (пункт 1 статьи 196).

Начало течения срока исковой давности данный Кодекс связывает с моментом, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права (пункт 1 статьи 200). Применительно же к отдельным видам требований Гражданским кодексом Российской Федерации и другими законами могут устанавливаться иные правила о начале течения срока исковой давности. Так, по обязательствам, срок исполнения которых не определен или определен моментом востребования, срок исковой давности начинает течь со дня предъявления кредитором требования об исполнении обязательства, а если должнику предоставляется срок для исполнения такого требования,

исчисление срока исковой давности начинается по окончании срока, предоставляемого для исполнения такого требования, при этом срок исковой давности во всяком случае не может превышать десять лет со дня возникновения обязательства (абзац второй пункта 2 статьи 200 ГК Российской Федерации).

Абзац второй пункта 2 статьи 200 ГК Российской Федерации в ранее действовавшей редакции связывал начало течения срока исковой давности по обязательствам, срок исполнения которых не определен или определен моментом востребования, с возникновением у кредитора права предъявить требование об исполнении обязательства и не устанавливал при этом каких-либо сроков, исчисляемых со дня возникновения обязательства.

Федеральный закон «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», которым, среди прочего, были внесены изменения в абзац второй пункта 2 статьи 200 ГК Российской Федерации (пункт 40 статьи 1), вступил в силу с 1 сентября 2013 года; его переходными положениями предусмотрено, что новые сроки исковой давности и правила их исчисления применяются к требованиям, сроки предъявления которых были предусмотрены ранее действовавшим законодательством и не истекли до указанной даты (часть 9 статьи 3). Данный Федеральный закон был официально опубликован на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 8 мая 2013 года.

3.1. Заявитель по настоящему делу – гражданин Е. В. Потоцкий, как следует из представленных в Конституционный Суд Российской Федерации материалов, 15 июля 2013 года заказным письмом с уведомлением направил должнику требование о возврате долга в течение тридцати дней (до 15 августа 2013 года). Это требование должником исполнено не было. Спустя еще один месяц, 18 сентября 2013 года, Е. В. Потоцкий обратился в суд с требованиями о взыскании основного долга и процентов по договорам займа, а также процентов за пользование чужими денежными средствами и судебных издержек. Однако к этому времени, а именно 1 сентября 2013 года, Федеральный закон «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» уже вступил в силу, что позволило судам отказать в удовлетворении заявленных требований со ссылкой на новый порядок исчисления сроков исковой давности по ним, предусмотренный введенной данным Федеральным законом редакцией абзаца второго пункта 2 статьи 200 ГК Российской Федерации, – несмотря на то что ограничение судебной защиты нарушенных прав (не позднее десяти лет со дня возникновения обязательства) на момент возникновения договорных обязательств в 2000 году законодательством не предусматривалось.

В результате Е. В. Потоцкий, будучи кредитором по обязательствам, возникшим до вступления в силу Федерального закона «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», срок исполнения которых был определен моментом востребования, и действуя – исходя из установленной в пункте 5 статьи 10 ГК Российской Федерации презумпции – разумно и добросовестно (иное не было установлено судами при рассмотрении дела с его участием), лишился возможности защитить свои права в судебном порядке, поскольку фактически новым нормам была придана обратная сила.

Между тем согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации придание обратной силы закону – исключительный тип его действия во времени, использование которого относится к прерога-

тиве законодателя; при этом либо в тексте закона содержится специальное указание о таком действии во времени, либо в правовом акте о порядке вступления закона в силу имеется подобная норма; законодатель, реализуя свое исключительное право на придание закону обратной силы, учитывает специфику регулируемых правом общественных отношений; обратная сила закона применяется преимущественно в отношениях, которые возникают между индивидом и государством в целом, и делается это в интересах индивида (уголовное законодательство, пенсионное законодательство); в отношениях, субъектами которых выступают физические и юридические лица, обратная сила не применяется, ибо интересы одной стороны правоотношения не могут быть принесены в жертву интересам другой, не нарушившей закон (Решение от 1 октября 1993 года № 81-р; определения от 25 января 2007 года № 37-О-О, от 15 апреля 2008 года № 262-О-О, от 20 ноября 2008 года № 745-О-О, от 16 июля 2009 года № 691-О-О, от 23 апреля 2015 года № 821-О и др.).

Развивая приведенную правовую позицию, Конституционный Суд Российской Федерации указывал, что преобразование отношений в той или иной сфере жизнедеятельности не может осуществляться вопреки нашедшему отражение в статье 4 ГК Российской Федерации общему (основному) принципу действия закона во времени, который имеет целью обеспечение правовой определенности и стабильности законодательного регулирования в России как правовом государстве (статья 1, часть 1, Конституции Российской Федерации) и означает, что действие закона распространяется на отношения, права и обязанности, возникшие после введения его в действие; только законодатель вправе распространить новые нормы на факты и порожденные ими правовые последствия, возникшие до введения соответствующих норм в действие, т. е. придать закону обратную силу (ретроактивность), либо, напротив, допустить в определенных случаях возможность применения утративших силу норм (ультраактивность) (Постановление от 22 апреля 2014 года № 12-П; определения от 18 января 2005 года № 7-О, от 29 января 2015 года № 211-О и др.).

Данный подход обусловлен необходимостью достижения соразмерности при соблюдении интересов общества и условий защиты основных прав личности, т. е. баланса конституционно защищаемых ценностей, а потому вопрос придания обратной силы закону, изменяющему обязательства юридически равных участников гражданского правоотношения, требует дифференцированного подхода, обеспечивающего сбалансированность и справедливость соответствующего правового регулирования, не допускающего ущемления уже гарантированных прав и законных интересов одной стороны и умаления возможностей их защиты в пользу другой (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2015 года № 1539-О).

В силу приведенных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации введение федеральным законодателем правила о том, что сроки исковой давности по обязательствам, сроки исполнения которых не определены или определены моментом востребования, применяются к требованиям, сроки предъявления которых не истекли до 1 сентября 2013 года, нарушает конституционные предписания, поскольку лишает участников гражданского оборота, которые состоят друг с другом в длительных (более десяти лет) договорных обязательственных правоотношениях, права на судебную защиту.

3.2. Рассматриваемое правовое регулирование не согласуется также с выводом Конституционного Суда Российской Федерации о том, что внесение изменений в действующее правовое регулирование, оказывающих неблагоприятное воздействие на правовое положение граждан, должно сопровождаться соблюдением принципа поддержания доверия граждан к закону

и действиям государства, который предполагает сохранение разумной стабильности правового регулирования и недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм, а также в случае необходимости — предоставление гражданам возможности в течение некоторого переходного периода адаптироваться к вносимым изменениям (Постановление от 24 мая 2001 года № 8-П).

С учетом даты официального опубликования Федерального закона «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» федеральный законодатель предоставил участникам соответствующих гражданских правоотношений, в том числе правоотношений, возникших задолго до введения нового регулирования, менее четырех месяцев для адаптации к изменившимся нормативным условиям защиты нарушенного права.

Данный срок не может расцениваться как достаточный по своей продолжительности переходный период для адаптации к новым правилам и реализации — до введения в действие нового регулирования — кредитором своих прав с учетом требований гражданского законодательства, а также условий, касающихся исполнения обязательства, которые могли быть предусмотрены в законе или договоре. Так, согласно абзацу второму пункта 1 статьи 810 ГК Российской Федерации в случаях, когда срок возврата договором не установлен или определен моментом востребования, сумма займа должна быть возвращена заемщиком в течение тридцати дней со дня предъявления займодавцем требования об этом, если иное не предусмотрено договором. Кроме того, договором может быть предусмотрен также достаточно длительный срок, по истечении которого должник, получивший требование кредитора об исполнении, должен такое исполнение произвести. Только после предъявления требований к должнику и неисполнения им обязательства право кредитора оказывается нарушенным, а соответственно, в его распоряжении остается еще менее продолжительный срок, в течение которого он должен обратиться в суд в установленном порядке за защитой нарушенного права, до вступления в силу нового правового регулирования, притом что общий срок исковой давности, который предоставляется кредитору для защиты его нарушенного права, составляет три года.

В результате распространения действия нового порядка определения начала течения срока исковой давности по обязательствам, срок исполнения которых не определен или определен моментом востребования, на правоотношения, возникшие до принятия Федерального закона «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», кредитор, предъявивший к должнику через два месяца после опубликования данного Федерального закона требования об исполнении существовавших между сторонами более десяти лет обязательств, срок исполнения которых определен моментом востребования, при наличии соответствующего заявления стороны спора не имеет возможности защитить в судебном порядке свои нарушенные права.

4. Таким образом, положения части 9 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», на основании которых норма абзаца второго пункта 2 статьи 200 ГК Российской Федерации о том, что срок исковой давности не может превышать десяти лет со дня возникновения обязательства, срок исполнения которого не определен или определен моментом востребования, подлежит применению к требованиям, сроки предъявления которых были предусмотрены ранее действовавшим законодательством и не истекли до 1 сентября 2013 года, не

соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 1 (часть 1), 17 (части 1 и 3), 34 (часть 1), 35 (часть 1), 46 (часть 1) и 55 (часть 3), а следовательно, эти законоположения не могут рассматриваться в качестве основания для применения данной нормы абзаца второго пункта 2 статьи 200 ГК Российской Федерации к указанным требованиям.

Сказанное не исключает право федерального законодателя внести коррективы в переходные положения Федерального закона «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», установив – с учетом даты вступления в силу настоящего Постановления – разумный срок, в течение которого исковая давность не считается истекшей и кредитор по обязательствам, срок исполнения которых не определен или определен моментом востребования, в случаях, когда на момент вступления в силу абзаца второго пункта 2 статьи 200 ГК Российской Федерации в новой редакции установленный им десятилетний срок для защиты нарушенного права истек, может, в частности, предъявив требования об исполнении обязательства в судебном порядке, рассчитывать на получение эффективной судебной защиты.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать часть 9 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 1 (часть 1), 17 (части 1 и 3), 34 (часть 1), 35 (часть 1), 46 (часть 1) и 55 (часть 3), в той мере, в какой на ее основании решается вопрос о применении к требованиям, сроки предъявления которых были предусмотрены ранее действовавшим законодательством и не истекли до 1 сентября 2013 года, положения абзаца второго пункта 2 статьи 200 ГК Российской Федерации о том, что срок исковой давности не может превышать десяти лет со дня возникновения обязательств, срок исполнения которых не определен или определен моментом востребования.

2. Дело гражданина Потоцкого Евгения Вячеславовича, разрешенное на основании признанных не соответствующими Конституции Российской Федерации положений части 9 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», подлежит пересмотру в установленном порядке, если для этого нет других препятствий.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Мнение
судьи Конституционного Суда
Российской Федерации
Г. А. Гаджиева

Проголосовав за принятое Постановление по существу рассматриваемого Конституционным Судом Российской Федерации вопроса, но будучи частично несогласным с мотивировкой принятого решения, излагаю свое мнение по делу.

Обращаясь в Конституционный Суд Российской Федерации, заявитель обжалует взаимосвязанные положения абзаца второго пункта 2 статьи 200 ГК Российской Федерации и части 9 статьи 3 Федерального закона от 7 мая 2013 года № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» в той мере, в какой содержащиеся в них нормы обуславливают отказ в удовлетворении искового требования по обязательству, возникшему до вступления в силу нового правового регулирования.

С его точки зрения, данные нормы не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 8 (часть 1), 17 (часть 3), 18, 19 (часть 1), 35 (часть 1), 46 (часть 1) и 55 (часть 3), поскольку не отвечают требованиям соразмерности ограничения прав, допускают чрезмерное вмешательство в порядок исполнения договорных обязательств, возникших до вступления в силу нового правового регулирования, и препятствуют реализации права на судебную защиту.

Адресованное Конституционному Суду Российской Федерации требование заявителя сформулировано в разделе V его жалобы, и для меня очевидно, что он просит признать неконституционным не только положение части 9 статьи 3 Федерального закона от 7 мая 2013 года № 100-ФЗ, но и находящееся во взаимосвязи с ним положение абзаца второго пункта 2 статьи 200 ГК Российской Федерации, причем в той мере, в какой эти положения не отвечают требованиям соразмерности ограничения прав, допускают чрезмерное вмешательство в порядок исполнения договорных обязательств, возникших до вступления в силу нового правового регулирования.

Норма абзаца второго пункта 2 статьи 200 ГК Российской Федерации предусматривает, что по обязательствам, срок исполнения которых не определен или определен моментом востребования, срок исковой давности начинает течь со дня предъявления кредитором требования об исполнении обязательства, а если должнику предоставляется срок для исполнения такого требования, исчисление срока исковой давности начинается по окончании срока, предоставляемого для исполнения такого требования; при этом срок исковой давности во всяком случае не может превышать десять лет со дня возникновения обязательства.

Заявитель оспаривает ограничение, введенное в 2013 году, суть которого состоит во введении преклюзивного, пресекающего срока в 10 лет, который в нарушение общих норм статьи 195 и пункта 2 статьи 196 почему-то назван сроком исковой давности. (Течение срока исковой давности связано с начальным его моментом, которым является день нарушения субъективного права.)

Не буду повторять выводы, содержащиеся в экспертных заключениях д. ю. н., проф. Г. К. Толстого, проф. А. П. Сергеева, проф. Б. М. Гонгалю, о том, что с учетом положений статей 195 и 196 ГК Российской Федерации преклюзивный (пресекающий) срок является не сроком защиты, а сроком существования гражданских прав.

Введение десятилетнего пресекающего срока в пункте 2 статьи 200 ГК Российской Федерации означает, что законодатель лишил права на судебную защиту всех тех участников гражданского оборота, которые состоят в длительных, более десяти лет, обязательственных правоотношениях.

Кроме того, избранная законодателем ограничительная мера представляет собой вмешательство в конституционно значимое право на свободу договора, ею затрагиваются основные начала гражданского законодательства, а именно равенство участников регулируемых гражданским правом отношений, свобода договора, недопустимость произвольного вмеша-

тельства кого-либо в частные дела, судебная защита нарушенных прав (пункт 1 статьи 1 ГК Российской Федерации), а также принцип диспозитивности, который наиболее интенсивно проявляет себя в сфере договорного права.

Поэтому необходима оценка пропорциональности ограничительной меры.

Положение пункта 2 статьи 200 ГК Российской Федерации о том, что «срок исковой давности во всяком случае не может превышать десять лет со дня возникновения обязательства», по сути, означает, что введен запрет на заключение бессрочных обязательств. Есть ли у избранной законодателем меры конституционно оправданное основание?

Проверка на пропорциональность представляет собой методику, проводимую в определенной последовательности, т. е. с соблюдением этапов.

На первом этапе необходимо определить, а не является ли ограничивающая мера совершенно недопустимым средством и носит ли преследуемая им цель легитимный характер. Согласно статье 55 (часть 3) Конституции права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Новелла пункта 2 статьи 200 ГК Российской Федерации может преследовать цель защиты прав и законных интересов других лиц, и поэтому нельзя считать, что цель является нелегитимной. Беспокойство законодателя по поводу возникновения обязательств с крайне задавленными требованиями вполне объяснимо — ничто не препятствует кредитору в отсутствие пресекательного срока обращаться к должнику с требованием об исполнении через 15, 20 или 30 лет. Гражданское право традиционно отрицательно относится к ситуациям, когда отсутствие сроков оборачивается правовой неопределенностью, что сказывается на устойчивости правовых связей, дисциплинированности их участников, в целом — на гражданском обороте. Не случайно замечательный русский философ В. В. Библихин считал, что суть римского права не в его форме, а «в дисциплине, которую берет на себя человек, входящий в роль или в профессию римского гражданина. Дисциплина не была создана правом. Она нашла себя в нем, выразилась и оформилась в его формулах, процедурах»¹. Дисциплина римской ар-

мии стала частью духа римского права — считал Рудольф Иеринг².

Исключать риски предъявления крайне задавленных требований можно по-разному. В Германском гражданском уложении требование, подтвержденное вступившим в законную силу решением суда, погашается давностью в 30 лет (§ 218 (1)). От законодателя требуется предельная осторожность, поскольку введение 10-летнего пресекательного срока означает лишение права на судебную защиту. Между тем согласно Конституции Российской Федерации право на судебную защиту (статья 46) рассматривается почти как абсолютное, не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные ее статьями 20, 21, 23 (часть 1), 24, 28, 34 (часть 1), 40 (часть 1) и 46—54 (статья 56, часть 3).

Следующим этапом при оценке пропорциональности легальных правоограничений является тест на соразмерность, предполагающий оценку необходимости использования того объема ограничения права, который использовал законодатель. Всегда существуют альтернативы, можно использовать и менее ограничительные меры, которые приведут к искомой легальной цели.

Правовые средства, содержащие большие меры вмешательства, являются избыточными обременениями без очевидной необходимости. По сути, необходима оптимизация ограничительных мер, т. е. выбор наименьшей из ограничительных мер, достигающих того же результата. Есть определенная изоморфность между оптимизацией ограничительных мер и принципом оптимальности по Парето³.

Оценка оптимальности введения 10-летнего пресекательного срока, влекущего прекращение права требования кредитора, предполагает учет всего многообразия возможных обязательств с неопределенным сроком исполнения — это могут быть как заемные, так и арендные отношения (пункт 2 статьи 610 ГК Российской Федерации).

¹ Библихин В. В. Введение в философию права. М., 2005. С. 226.

² Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. СПб., 1875.

³ Mathews J., Stone Sweet A. Proportionality Balancing and Global Constitutionalism // Columbia Journal of Transnational Law. Vol. 47. 2008. N 1. P. 72—164, 95.

Логика гражданского (частного) права — это прежде всего логика равенства перед законом и судом, равенства субъектов гражданского права. Логика публичного права носит иной характер — оно эксплуатирует идею государственного патернализма, когда в регулировании отношений равных сторон принимает участие государство, используя не диспозитивный, а императивный метод правового регулирования. Публично-правовое регулирование основывается на предположении, не всегда обоснованном, о неразумности кредиторов и должников и необходимости вмешательства в сферу частных отношений. При этом объективно законодатель действует, в случае с новеллой пункта 2 статьи 200 ГК Российской Федерации, в интересах должника (продолжниковская позиция).

Как объяснить разницу в правовом регулировании одних и тех же по экономической природе заемных обязательств? Дело в том, что исковая давность не распространяется на требования вкладчиков к банку о выдаче вкладов (статья 208 ГК Российской Федерации), кредитор-вкладчик может уехать на новое место жительства в другое государство, вернуться через двадцать лет, в течение которых банк может исчезнуть, но он все равно сохраняет право на свое имущество. Законодатель при этом придерживается прокредиторской позиции. Так почему же в других заемных обязательствах, носящих порой фидуциарный характер, заключаемых между близкими лицами, законодатель занимает продолжниковскую позицию?

То, что новелла статьи 200 ГК Российской Федерации, возможно, и не была столь необходима, свидетельствует другая новелла, содержащаяся в пункте 2 его статьи 314, согласно которому в случаях, когда обязательство не предусматривает срок его исполнения и не содержит условия, позволяющие определить этот срок, а равно в случаях, когда срок исполнения обязательства определен моментом востребования, обязательство должно быть исполнено в течение семи дней со дня предъявления кредитором требования о его исполнении, если обязанность исполнения в другой срок не предусмотрена законом, иными правовыми актами, условиями обязательства или не вытекает из обычаев либо существа обязательства; при непредъявлении кредитором в разумный срок требования об исполнении такого обязательства должник вправе потребовать от кредитора принять исполнение, если иное не преду-

смотрено законом, иными правовыми актами, условиями обязательства или не является из обычаев либо существа обязательства (в редакции Федерального закона от 8 марта 2015 года № 42-ФЗ).

На третьем этапе оценки пропорциональности ограничительной меры необходимо осуществить балансирование между преследуемой целью и правами, подвергающимися ограничениям.

И если целью является уменьшение в гражданском обороте заданных требований кредиторов, то в таком случае законодатель приносит в жертву определенный объем экономической свободы. В соответствии с конституционным принципом пропорциональности законодатель должен нести ответственность за то, чтобы жертва не оказалась излишней.

Если стороны обязательств не предусмотрели срок для исполнения обязательства, то введение законодателем 10-летнего пресекательного срока (но не срока исковой давности) еще можно обосновать необходимостью бороться с заданными кредиторскими требованиями; когда же, пользуясь свободой договора, стороны включают в него условие об исполнении «при востребовании», введенный 10-летний срок приобретает характер неконституционного вмешательства в частную жизнь.

Если законодатель руководствуется патерналистскими соображениями, то он обязан объяснить, почему он действует в интересах должника или кредитора. Как отмечается в постановлении Федерального конституционного Суда ФРГ от 9 декабря 2008 года, только «отсутствие веского конституционно-правового обоснования (ограничения) не соответствует требованиям общего принципа равенства».

В случае с изменением статьи 200 ГК Российской Федерации конституционно-правовое обоснование приоритетности прав должников отсутствует.

Резюмируя, я прихожу к мнению, что оспоренные заявителем положения абзаца второго пункта 2 статьи 200 ГК Российской Федерации и части 9 статьи 3 Федерального закона от 7 мая 2013 года № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» противоречат Конституции Российской Федерации, ее статьям 1 (часть 1), 17 (части 1 и 3), 35 (часть 1), 46 (часть 1) и 55 (часть 3).

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**16 февраля
2016 года,
город Санкт-
Петербург**

№ 4-П

по делу о проверке конституционности положений части 2 статьи 18.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, статьи 11 Закона Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации» и статьи 24 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и гражданина Федеративной Республики Нигерия Х. Э. Увангуе

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

с участием гражданина Федеративной Республики Нигерия Х. Э. Увангуе, его представителя – кандидата юридических наук В. К. Михайлова, представителя Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации – А. В. Бажанова, полномочного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации Д. Ф. Вяткина, полномочного представителя Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А. И. Александрова, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М. В. Кротова,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 87, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности положений части 2 статьи 18.1 КоАП Российской Федерации, статьи 11 Закона Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации» и статьи 24 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию».

Поводом к рассмотрению дела явились жалобы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и гражданина Федеративной Республики Нигерия Х. Э. Увангуе. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Кон-

ституции Российской Федерации оспариваемые заявителями законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика К. В. Арановского, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание представителей: от Министерства юстиции Российской Федерации – М. А. Мельниковой, от Генерального прокурора Российской Федерации – Т. А. Васильевой, от Федеральной службы безопасности Российской Федерации – Ю. А. Костиной, от Федеральной миграционной службы – И. В. Рыковой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Часть 2 статьи 18.1 КоАП Российской Федерации предусматривает административную ответственность за нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства правил пересечения Государственной границы Российской Федерации.

Статья 11 Закона Российской Федерации от 1 апреля 1993 года № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» относит к основаниям для пропуска лиц через Государственную границу Российской Федерации наличие действительных документов на право въезда лиц в Российскую Федерацию или выезда их из Российской Федерации (часть вторая).

Статья 24 Федерального закона от 15 августа 1996 года № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в части первой устанавливает, что иностранные граждане и лица без гражданства могут въезжать в Российскую Федерацию и выезжать из Российской Федерации при наличии визы по действительным документам, удостоверяющим их личность и признаваемым Российской Федерацией в этом качестве, если иное не предусмотрено данным Федеральным законом, международными договорами Российской Федерации или указами Президента Российской Федерации.

1.1. Оспаривающий конституционность приведенных законоположений гражданин Федеративной Республики Нигерия Х. Э. Увангуе прибыл в Российскую Федерацию 5 апреля 2014 года по однократной обыкновенной визе, выданной 3 апреля 2014 года на срок с 6 апреля 2014 года по 4 июля 2014 года, а 15 апреля того же года Управление Федеральной миграционной службы по Московской области приняло решение о выдаче ему разрешения на временное проживание в Российской Федерации (до 15 апреля 2017 года) с проставлением о том отметки в его паспорте.

15 января 2015 года при выезде из Российской Федерации на похороны брата он предъявил свой паспорт гражданина Федеративной Республики Нигерия с визой, срок действия которой истек. На этом основании начальник 2 отделения пограничного контроля КПП «Домодедово-1» своим постановлением от 15 января 2015 года признал его виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 18.1 КоАП Российской Федерации, и назначил наказание в виде административного штрафа в размере трех тысяч рублей.

Решением от 20 марта 2015 года Домодедовский городской суд Московской области оставил данное постановление без изменения со ссылкой на то, что, выезжая из Российской Федерации с визой, у которой истек срок действия, Х. Э. Увангуе нарушил правила пересечения Государственной границы Российской Федерации, притом что основания, освобождающие его от обязанности иметь действительную визу (вид на жительство в Российской Федерации или международный договор России и Нигерии о безвизовом порядке въезда и выезда), отсутствовали. Это судебное решение не об-

жаловалось и вступило в законную силу. Кроме того, Х. Э. Увангве было отказано в пропуске через Государственную границу Российской Федерации ввиду отсутствия у него действующей визы.

Конституционность оспариваемых Х. Э. Увангве законоположений ставится под сомнение и в жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, поданной в Конституционный Суд Российской Федерации в защиту его прав.

1.2. Из статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» следует, что Конституционный Суд Российской Федерации, проверяя по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан конституционность закона или его отдельных положений, примененных в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, принимает постановление по предмету жалобы в отношении той части акта, конституционность которой поставлена под сомнение, и оценивает как буквальный смысл проверяемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, исходя из их места в системе правовых норм, при этом Конституционный Суд Российской Федерации не связан основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

Как утверждают заявители в своих жалобах, положения части 2 статьи 18.1 КоАП Российской Федерации, статьи 11 Закона Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации» и статьи 24 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в их взаимосвязи противоречат статьям 19, 27, 45, 46, 55 и 62 Конституции Российской Федерации, поскольку, позволяя привлечь иностранного гражданина, имеющего разрешение на временное проживание в Российской Федерации и выезжающего из Российской Федерации, к административной ответственности за отсутствие у него действующей визы, ограничивают его право на выезд из России, что представляет собой несправедливое, неоправданное и чрезмерное правоограничение, которое не отвечает конституционным принципам равенства, формальной определенности закона, необходимости и соразмерности ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются взаимосвязанные положения части 2 статьи 18.1 КоАП Российской Федерации, статьи 11 Закона Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации» и статьи 24 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в той мере, в какой на их основании разрешается вопрос о выезде из Российской Федерации иностранного гражданина, въехавшего в Российскую Федерацию по визе, срок действия которой на день выезда истек, получившего разрешение на временное проживание в Российской Федерации и при этом не оформившего новую визу, и о привлечении в этом случае такого иностранного гражданина к административной ответственности за нарушение правил пересечения Государственной границы Российской Федерации.

2. Конституция Российской Федерации предусматривает, что в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина, в том числе право каждого свободно выезжать за пределы Российской Федерации, согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации (статья 17, часть 1; статья 27, часть 2).

Названное право относится к правомочиям, которые в своей совокупности составляют свободу передвижения, признаваемую актами междуна-

ного права, в частности Протоколом № 4 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно статье 2 которого каждый свободен покидать любую страну, включая свою собственную (пункт 2), а пользование этим правом не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые закреплены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности или общественного спокойствия, для поддержания общественного порядка, предотвращения преступлений, охраны здоровья или нравственности либо для защиты прав и свобод других лиц (пункт 3).

Приведенные конституционные и международно-правовые установления распространяются на иностранных граждан и лиц без гражданства, которые в силу Конституции Российской Федерации пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с ее гражданами, кроме случаев, предусмотренных федеральным законом или международным договором Российской Федерации (статья 62, часть 3).

Вместе с тем, определяя гарантированную статьей 27 (часть 1) Конституции Российской Федерации свободу передвижения и выбора места пребывания и жительства как существенный элемент свободы личности, условие профессионального и духовного развития человека, государство вправе исходить из того, что для иностранных граждан въезд в Россию и пребывание на ее территории обусловлены, по общему правилу, визовым или иным разрешением, а за государством остается суверенное право отказать им во въезде и пребывании (проживании) на своей территории, поскольку в силу статей 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 55 (части 2 и 3) и 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации предполагается возможность разумного и соразмерного урегулирования федеральным законом указанного права без его умаления и неправомерного ограничения при справедливом соотношении публичных и частных интересов (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 18 февраля 2000 года № 3-П, от 14 ноября 2005 года № 10-П, от 26 декабря 2005 года № 14-П, от 16 июля 2008 года № 9-П, от 7 июня 2012 года № 14-П и др.). При этом выезд из Российской Федерации, хотя он и является свободным, применительно к иностранным гражданам настолько тесно связан с институтами въезда в Российскую Федерацию и пребывания в ней, что также должен регулироваться с соблюдением конституционных пределов свободы усмотрения государства. Это соотносится с пунктом 3 статьи 12 Международного пакта о гражданских и политических правах, согласно которому право на свободное передвижение и свобода выбора места жительства не могут быть объектом ограничений, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы для охраны государственной безопасности, общественного порядка, нравственности, здоровья населения либо прав и свобод других лиц и совместимы с признаваемыми в Пакте иными правами.

Соответственно, законоположения, устанавливающие порядок реализации права иностранных граждан выезжать из России, должны также основываться на указанных критериях, исключая тем самым безосновательные обременения правового положения граждан, в том числе граждан других государств.

3. Выезд за пределы Российской Федерации предполагает пересечение Государственной границы Российской Федерации, которая, как это следует из статьи 1 Закона Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации», определяет пределы государственной территории (суши, вод, недр и воздушного пространства) и суверенитета Российской Федерации, что, в свою очередь, требует определения условий пропуска через Государственную границу Российской Федерации.

Согласно статье 11 названного Закона пропуск через Государственную границу Российской Федерации физических лиц производится в установленных и открытых в соответствии с его статьей 12 пунктах пропуска и заключается в признании законности ее пересечения лицами, прибывшими на территорию Российской Федерации, либо в разрешении на ее пересечение лицами, убывающими из пределов Российской Федерации (часть первая); основанием для пропуска через Государственную границу Российской Федерации указанных лиц является наличие действительных документов на право въезда в Российскую Федерацию или выезда из нее (часть вторая); не подлежат пропуску через Государственную границу Российской Федерации иностранные граждане и лица без гражданства, которым в соответствии с законодательством Российской Федерации не разрешен въезд в Российскую Федерацию, а также лица, в отношении которых в установленном законодательством порядке принято решение о запрещении выезда из Российской Федерации (часть третья).

Предусматривая наличие действительных документов в качестве общего условия пересечения Государственной границы Российской Федерации — как для въезда, так и для выезда, эти законоположения допускают разный их состав и непосредственно не определяют виды перемещения лиц разных категорий (российские граждане, иностранные граждане и лица без гражданства с видом на жительство или без такового и др.) через Государственную границу Российской Федерации (визовый или безвизовый въезд, выдворение, депортация, выдача, реадмиссия, транзитный проезд, выезд и др.). В этом смысле приведенные законоположения сами по себе не создают нормативное основание ограничения права иностранного гражданина на выезд из Российской Федерации, в частности применительно к вопросу о том, в каких случаях (направлениях) он может быть пропущен через Государственную границу Российской Федерации лишь по действующей визе (т. е. визе с неистекшим сроком действия), а в каких он свободен от обязанности иметь и предъявлять эту визу в силу общего или специального правила. Соответствующие правила, если от их соблюдения зависит реализация свободы передвижения, должны быть установлены федеральным законом с определенностью, исключающей двусмысленность в правовом положении лиц, которые связаны данной обязанностью, в том числе относительно того, ограничен ли иностранный гражданин в праве выезда из Российской Федерации и каковы пределы (условия, время) этого ограничения, если на Государственной границе Российской Федерации он предъявит российскую визу с истекшим сроком действия.

3.1. В силу требований части второй статьи 6 и части первой статьи 24 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» иностранные граждане (лица без гражданства) должны наряду с действительными документами, удостоверяющими их личность и признаваемыми Российской Федерацией в этом качестве, не только при въезде в Россию, но и при выезде из нее иметь и предъявлять визу, если иное не предусмотрено названным Федеральным законом, международным договором или указами Президента Российской Федерации. Исключение из этого правила сделано в части третьей статьи 24 названного Федерального закона для иностранных граждан, имеющих вид на жительство в Российской Федерации, к условиям выезда которых из России предъявление визы не отнесено. Кроме того, для граждан ряда стран установлен безвизовый режим. Иными словами, все иностранные граждане, помимо тех, кто имеет вид на жительство, и тех, на кого распространяется безвизовый режим въезда в Российскую Федерацию и выезда из нее, должны, по общему правилу, при выезде из России иметь визу и предъявлять ее при

пересечении границы – этим обусловлено осуществление ими права свободно выезжать за пределы Российской Федерации.

Между тем в статьях 6, 11 и 24 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» определение «действительные» относится только к словам «документы, удостоверяющие личность и признаваемые Российской Федерацией в этом качестве». В таком законодательном изложении требование действительности не распространяется, по буквальному его смыслу, на визу, которая сама по себе личность субъекта не удостоверяет – ни действующая, ни просроченная. Указанное же в части второй статьи 25¹ того же Федерального закона условие действительности также относится лишь к документу, удостоверяющему личность, на основании которого иностранный гражданин (лицо без гражданства) осуществляет въезд в Российскую Федерацию (транзитный проезд через ее территорию), в частности по визе, которая поименована как разрешение.

В пункте 1 статьи 2 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» действительная виза называется – наряду с видом на жительство, разрешением на временное проживание и миграционной картой – в числе документов, подтверждающих право иностранных граждан на пребывание (проживание) в Российской Федерации, но не на выезд из нее, и в этом смысле действительность визы также не относится непосредственно к выезду, въезду, а равно к пропуску лица через Государственную границу Российской Федерации и ее пересечению. Согласно части второй статьи 25¹ Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» виза представляет собой разрешение на въезд в Российскую Федерацию (или на транзитный проезд через ее территорию) по действительному документу, удостоверяющему личность иностранного гражданина (лица без гражданства). Однократная, двукратная и многократная визы дают лицу право на соответствующее количество въездов, что следует из статьи 25² названного Федерального закона, а также из пункта 17 Положения об установлении формы визы, порядка и условий ее оформления и выдачи, продления срока ее действия, восстановления ее в случае утраты, а также порядка аннулирования визы (утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 9 июня 2003 года № 335). Следовательно, эти правила также не ставят право выезда иностранных граждан (лиц без гражданства) из Российской Федерации в непосредственную зависимость от визовых разрешений.

С учетом этого положение части второй статьи 11 Закона Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации», согласно которой общим основанием пропуска (в обоих направлениях) через Государственную границу Российской Федерации лиц всех категорий является «наличие действительных документов на право въезда лиц в Российскую Федерацию или выезда их из Российской Федерации», – при отсутствии прямого указания о распространении этого требования на визу, притом что она не обозначена в законодательстве в качестве документа, подтверждающего право на выезд из Российской Федерации, а документы, удостоверяющие личность, относятся к документам на право въезда и выезда не только в силу прямого предписания закона, но и потому, что они идентифицируют лицо в качестве субъекта определенной категории и тем самым определяют состав и объем признаваемых за ним (разрешенных ему) прав, включая право выезда из России, – также не может рассматриваться как прямо и недвусмысленно предусматривающее отнесение визы к собственно документам на право выезда из Российской Федерации.

3.2. Ограничение права иностранных граждан на выезд из Российской Федерации исключительно на том основании, что у них нет сохраняющей свое действие визы на въезд в Российскую Федерацию (на транзитный проезд по ее территории), означало бы их удержание на ее территории, не обоснованное целями, предусмотренными статьей 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, и вопреки ее статье 27 (часть 2) и, кроме того, могло бы ограничивать законную юрисдикцию других государств в отношении их граждан, препятствуя этим лицам как в исполнении обязанностей перед своими государствами, так и в получении защиты и покровительства, которые сама Российская Федерация своим гражданам гарантирует в силу статьи 61 (часть 2) Конституции Российской Федерации.

Такое правоограничение расходилось бы и с положениями законодательства о транзитной визе (статья 25⁷ Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»), которая выдается только в целях транзитного проезда через территорию Российской Федерации, а также краткосрочного нахождения в Российской Федерации (до 10 дней) для случаев, когда иностранный гражданин лишился визы вследствие аннулирования его вида на жительство, разрешения на временное проживание либо вследствие сокращения срока временного пребывания (пункты 78 и 106 Административного регламента предоставления Федеральной миграционной службой государственной услуги по оформлению, выдаче, продлению срока действия и восстановлению виз иностранным гражданам и лицам без гражданства, утвержденного приказом Федеральной миграционной службы от 30 октября 2013 года № 430), либо для случаев эвакуации лиц (пассажиров, туристов), вынужденно превысивших срок разрешенного безвизового пребывания (пункт 38 Положения об установлении формы визы, порядка и условий ее оформления и выдачи, продления срока ее действия, восстановления ее в случае утраты, а также порядка аннулирования визы).

Данный подход не исключает, однако, установления наличия при выезде иностранных граждан (лиц без гражданства) из Российской Федерации законных условий их въезда в Российскую Федерацию и нахождения на ее территории, включая соблюдение срока пребывания (проживания), истечение которого, по общему правилу, обязывает лицо выехать из России (пункт 2 статьи 5 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»).

В этом смысле виза представляет собой разрешение иностранному гражданину не только на въезд, но и на пребывание (транзитное передвижение) на территории Российской Федерации, что прямо следует из части третьей статьи 25¹ Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», которая включает в объем визового разрешения и собственно въезд, и разрешенный срок пребывания. Из пунктов 4 и 17 Положения об установлении формы визы, порядка и условий ее оформления и выдачи, продления срока ее действия, восстановления ее в случае утраты и порядка аннулирования визы также следует, что виза является разрешением на пребывание иностранного гражданина в России в течение срока ее действия.

Поскольку виза удостоверяет законность уже состоявшихся въезда (транзита) и пребывания в Российской Федерации, ее предъявление лицом при выезде из России и проверка уполномоченными должностными лицами представляют собой законное условие пересечения иностранным гражданином Государственной границы Российской Федерации, тем более в случаях, когда законность того и другого обусловлена именно визой. Если на пограничном контроле установлено, что лицо въехало в Россию незаконно и

(или) незаконно пребывало на ее территории, например за пределами разрешенного срока пребывания или проживания, то не может быть поставлено под сомнение право уполномоченных органов выяснять обстоятельства въезда на территорию и нахождения на территории Российской Федерации лица, законное право которого документально (визой) не подтверждено, равно как и право законодателя предусматривать за это административную ответственность.

Согласно положениям частей первой и третьей статьи 25¹⁰ Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» иностранные граждане (лица без гражданства) незаконно находятся на территории Российской Федерации, если они: въехали на ее территорию с нарушением установленных правил; не имеют документов, подтверждающих право на пребывание (проживание) в ней, утратили их и не заявили о том в орган Федеральной миграционной службы; уклоняются от выезда по истечении разрешенного срока пребывания (проживания); нарушают правила транзитного проезда. Такие лица несут установленную законом ответственность; им впоследствии может быть отказано в праве на въезд в Российскую Федерацию по ряду оснований, предусмотренных статьей 26 данного Федерального закона. Пограничные органы, выполняя пропуск через границу и пограничный контроль, могут устанавливать такие обстоятельства и принимать участие в применении названных мер в соответствии с их функциями и задачами, предусмотренными Положением о Федеральной службе безопасности Российской Федерации (утверждено Указом Президента Российской Федерации от 11 августа 2003 года № 960), согласно которому ФСБ России осуществляет государственное управление в области защиты и охраны государственной границы (пункт 1), а в ее основные задачи входят организация борьбы с незаконной миграцией (подпункт 6 пункта 8) и обеспечение производства по делам об административных правонарушениях, рассмотрение которых отнесено к ведению органов безопасности (подпункт 12 пункта 8).

Таким образом, общее требование о предъявлении визы при выезде из Российской Федерации само по себе не может считаться конституционно обосновательным и чрезмерным ограничением прав иностранных граждан, поскольку виза включает в себя разрешение на въезд в Российскую Федерацию и нахождение (пребывание, проживание, передвижение) в Российской Федерации на условиях, определяемых целями въезда и видом визы, предусмотренными статьей 25⁶ Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», а проверка законности того и другого относится к мерам, установленным федеральным законом в защиту конституционных ценностей.

3.3. Иностранцы граждане (лица без гражданства), однако, могут законно находиться в Российской Федерации не только по визе, но и по другим основаниям, в том числе по разрешению на временное проживание, которое может быть выдано лицам, прибывшим в Россию по визе, а также в безвизовом порядке. Это предусмотрено статьей 6¹ Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Выдача такого разрешения подтверждает законность не только проживания, но и самого въезда в Российскую Федерацию, поскольку названная статья ставит условием его получения именно законный (визовый или безвизовый) въезд.

Согласно пункту 1 статьи 2 этого Федерального закона разрешение подтверждает право лица на временное проживание (до возможного получения им вида на жительство) и должно быть оформлено (как и виза) отметкой в документе, удостоверяющем личность, либо отдельным документом уста-

новленной формы. Тот же пункт определяет в качестве законно находящегося в России иностранного гражданина лицо, имеющее действительные вид на жительство, либо разрешение на временное проживание, либо визу и (или) миграционную карту, либо иные документы, подтверждающие право на пребывание (проживание) в Российской Федерации, предусмотренные федеральным законом или международным договором.

По смыслу приведенного законоположения, для того чтобы нахождение в России иностранного гражданина считалось правомерным, достаточно любого из указанных документов. Это соотносится с положениями статей 2, 18, 55 (часть 3) и 62 (часть 3) Конституции Российской Федерации, из которых вытекает, что условия реализации права пребывать на территории Российской Федерации и возможные ограничения данного права должны быть установлены федеральным законом четко и однозначно и не выходить за пределы, вне которых перестают быть необходимыми и становятся избыточными.

Следовательно, не может считаться необходимой обязанность — при отсутствии о том четкого и однозначного указания в федеральном законе — получать (в отдельных процедурах) несколько разрешений с одинаковым объемом и содержанием предоставляемых прав, тем более когда такие разрешения, равно как и визы, оформляются и выдаются одним и тем же органом Федеральной миграционной службы (часть пятая статьи 25¹ Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»).

Если лицо получило от государства разрешение на временное проживание и приступило к реализации соответствующего права — притом что разрешение и виза предусматривают разные сроки и условия нахождения на его территории, — разрешение на временное проживание в течение срока, превышающего срок ранее выданной визы, не отменяет законность уже состоявшегося по визе въезда, во всяком случае изменяет (продлевает) обусловленное визой время законного нахождения в Российской Федерации.

Так, согласно части первой статьи 25⁸ Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» иностранному гражданину, которому разрешен въезд в Российскую Федерацию для временного проживания, выдается виза временно проживающего лица сроком на четыре месяца, с тем чтобы в течение этого времени он мог обратиться за разрешением, которое в силу пункта 1 статьи 6 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» выдается на три года.

Повторное подтверждение законности нахождения лица в Российской Федерации при получении такого разрешения не имело бы реального обоснования: было бы неоправданным, если бы иностранный гражданин, законно въехав в Российскую Федерацию и получив разрешение на временное проживание, снова оформлял визу именно как разрешение находиться на территории Российской Федерации с тем же объемом прав, продлевая прежнюю визу либо получая новую (многократную) на срок действия разрешения. Обязанность обращаться в Федеральную миграционную службу за дополнительным (визовым) разрешением на временное проживание по отдельной (визовой) процедуре — при заведомо известном положительном решении — являлась бы чрезмерным правообременением в силу избыточности. Такая обязанность тем более не отвечала бы Конституции Российской Федерации, ее статье 19 (части 1 и 2), если бы иностранному гражданину, получившему разрешение на временное проживание в России, было затем отказано в предоставлении визы на срок этого разрешения, чтобы в

итоге два акта, исключая друг друга, создавали неопределенность в его правовом положении и предreshали произвол в обращении с ним.

3.4. Не обязывая иностранных граждан к повторному обращению за признанием (подтверждением) законности их нахождения в Российской Федерации и не связывая их право на выезд из Российской Федерации непосредственно с наличием у них действительной визы, государство — исходя из того что иностранный гражданин, получивший в России разрешение на временное проживание, сохраняет в то же время интересы за пределами России, поддерживает длящиеся отношения с иностранным государством (по крайней мере до получения российского вида на жительство), с проживающими за рубежом лицами, — принимая законодательные решения, образующие в совокупности режим временного проживания, вправе учитывать, что в пределах разрешенного трехлетнего срока иностранные граждане могут время от времени выезжать за пределы Российской Федерации и возвращаться (въезжать) в нее.

Между тем вводить безвизовый режим въезда для иностранных граждан, получивших разрешение на временное проживание, Российская Федерация хотя и вправе, но не обязана, притом что само это разрешение предполагает прежде всего право законно находиться в России. Поэтому имеющий такое разрешение иностранный гражданин, выехавший из Российской Федерации, не сможет туда вернуться и реализовать свое право на временное проживание — до тех пор, пока не получит российскую визу. Многократные же обращения таких граждан за разовыми визами на въезд могут осложнить значительному их числу пользование разрешенными и признаваемыми правами, прежде всего самим правом на временное проживание в Российской Федерации, ставить их перед необходимостью в таких случаях выполнять за границей избыточные визовые процедуры.

Соответственно, не исключается такое совмещение процедур выдачи разрешений и виз, при котором сроки и допустимое количество въездов на территорию Российской Федерации не препятствовали бы лицу возвращаться в Россию на все время разрешенного проживания. Причем, установив подобное правовое регулирование, законодатель может предусмотреть и требование о предъявлении соответствующей визы при выезде из Российской Федерации временно проживающего лица, равно как и ввести административную ответственность за его невыполнение иностранным гражданином или лицом без гражданства как одного из правил пересечения Государственной границы Российской Федерации.

Тем не менее наличие у иностранного гражданина, въехавшего в Российскую Федерацию по однократной обыкновенной визе и получившего разрешение на временное проживание в Российской Федерации, обязанности обратиться за получением российской визы временно проживающего лица на срок действия указанного разрешения в законодательстве прямо не закреплено.

Так, часть вторая статьи 25⁸ Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» применительно к другой правовой ситуации устанавливает, что, если разрешение на временное проживание иностранного гражданина в Российской Федерации не получено по причинам, не зависящим от иностранного гражданина, срок действия визы временно проживающего лица продлевается по его заявлению, притом что часть третья данной статьи, согласно которой при получении иностранным гражданином разрешения на временное проживание в Российской Федерации территориальный орган Федеральной миграционной службы продлевает срок действия визы временно проживающего лица

на срок действия разрешения, на подачу заявления как на условие получения такой визы не указывает.

Согласно пункту 43 Положения об установлении формы визы, порядка и условий ее оформления и выдачи, продления срока ее действия, восстановления ее в случае утраты и порядка аннулирования визы (утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 9 июня 2003 года № 335) иностранному гражданину, получившему разрешение на временное проживание в период временного пребывания на территории Российской Федерации, выдается многократная виза временно проживающего лица на срок действия разрешения на временное проживание, при этом в нем не содержится, в отличие от ряда других пунктов этого Положения, указание на выдачу такой визы по заявлению иностранного гражданина.

Административным регламентом предоставления Федеральной миграционной службой государственной услуги по оформлению, выдаче, продлению срока действия и восстановлению виз иностранным гражданам и лицам без гражданства закреплено, что виза временно проживающего лица выдается иностранному гражданину, получившему разрешение на временное проживание в период временного пребывания на территории Российской Федерации, на срок действия разрешения на временное проживание, если иное не предусмотрено международными договорами Российской Федерации (пункт 79), при этом в качестве общего правила содержится указание на предоставление анкеты лицом, которое обращается за визой (пункт 31.1).

Однако это положение само по себе также не может рассматриваться как четкое нормативное указание на необходимость обращения за такой визой, поскольку за данной государственной услугой лицо обращается тогда, когда планирует или обязано в силу закона ее получить, а при получении визы для въезда на территорию Российской Федерации и разрешения на временное проживание иностранный гражданин уже подавал, соответственно, анкету и заявление, фактически тоже являющееся анкетой.

Вместе с тем приведенные нормы, определяющие лишь общее правило, прямо не предписывают продление виз в процедурах, совмещенных с выдачей разрешений на временное проживание в Российской Федерации. При этом законодательство непосредственно не содержит указания на необходимость обращения иностранного гражданина с соответствующим заявлением. Тем самым получение иностранным гражданином на территории Российской Федерации разрешения на временное проживание ставит его в зависимость от надлежащего информирования сотрудниками Федеральной миграционной службы. При этом Административный регламент предоставления Федеральной миграционной службой государственной услуги по выдаче иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешения на временное проживание в Российской Федерации (утвержден приказом Федеральной миграционной службы от 22 апреля 2013 года № 214) в числе стандартов доступности и качества этой государственной услуги указывает достоверное, четкое, наглядное, удобное, оперативное и полное информирование заявителей, что предполагает и полноту информирования о законных условиях временного проживания в России. Однако конкретного указания на информирование о необходимости дополнительного получения визы данный акт не содержит.

3.5. Согласно части третьей статьи 11 Закона Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации» пропуску через Государственную границу Российской Федерации не подлежат иностранные граждане и лица без гражданства, в отношении которых в установленном законодательством Российской Федерации порядке принято решение о запрещении им въезда из России. Исчерпывающий перечень оснований, по

которым выезд иностранного гражданина (лица без гражданства) может быть ограничен, закреплён, в свою очередь, статьёй 28 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», предусматривающей, что выезд из Российской Федерации может быть ограничен, в частности, если лицо привлечено к административной ответственности за совершение административного правонарушения на территории России, и такое ограничение длится до исполнения наказания или до освобождения от наказания (подпункт 5).

Это регулирование усиливает неблагоприятные последствия для иностранного гражданина, въехавшего в Российскую Федерацию по действующей визе и получившего, находясь на территории Российской Федерации, разрешение на временное проживание, но не обратившегося за получением многократной визы на срок действия указанного разрешения и привлечённого в связи с этим к административной ответственности, поскольку, позволяя отказать ему в возможности покинуть пределы Российской Федерации, ставит осуществление данного права в зависимость от исполнения административного наказания и тем самым несоразмерно ограничивает это право.

4. Таким образом, не является конституционно недопустимым само по себе установление требования о предъявлении иностранным гражданином, въехавшим в Российскую Федерацию на основании визы и получившим разрешение на временное проживание в Российской Федерации, визы при выезде из Российской Федерации в рамках режима пересечения Государственной границы Российской Федерации в целях защиты суверенитета Российской Федерации, государственной и общественной безопасности, здоровья населения, поскольку тем самым осуществляется проверка наличия у такого гражданина законных оснований въезда в Российскую Федерацию и пребывания в Российской Федерации. Несоблюдение этого требования может влечь административную ответственность иностранного гражданина. С этой точки зрения взаимосвязанные положения части 2 статьи 18.1 КоАП Российской Федерации, статьи 11 Закона Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации» и статьи 24 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», предусматривающие указанное требование, не противоречат Конституции Российской Федерации.

Вместе с тем взаимосвязанные положения части 2 статьи 18.1 КоАП Российской Федерации и статьи 24 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в системе действующего нормативного регулирования в истолковании, придаваемом правоприменительной практикой, не соответствуют Конституции Российской Федерации, её статьям 1 (часть 1), 2, 18, 19 (части 1 и 2), 27 (часть 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой в силу неопределённости действующего нормативного регулирования эти положения позволяют привлекать к административной ответственности за нарушение правил пересечения Государственной границы Российской Федерации имеющего действующее разрешение на временное проживание в Российской Федерации иностранного гражданина — в случае, если он при выезде из Российской Федерации предъявил данное разрешение и визу, по которой осуществлял въезд в Российскую Федерацию и срок действия которой истек, подтверждающие законность его въезда в Российскую Федерацию и пребывания в Российской Федерации, — на одном лишь формальном основании отсутствия у него визы с неистекшим сроком действия, а также отказывать ему в связи с этим в пропуске через Государственную границу Российской Федерации на выезд.

При этом выраженные в настоящем Постановлении правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации не затрагивают правовое

регулирование порядка последующего въезда лиц, имеющих разрешение на временное проживание в Российской Федерации, на территорию Российской Федерации после их выезда за пределы Российской Федерации в период действия указанного разрешения и не могут рассматриваться как ставящие под сомнение законодательное требование о наличии действующей визы для их въезда на территорию Российской Федерации.

Федеральному законодателю надлежит, руководствуясь Конституцией Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, изложенных в настоящем Постановлении, внести надлежащие изменения в действующее нормативное регулирование порядка получения визы и разрешения на временное проживание в Российской Федерации иностранными гражданами.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать взаимосвязанные положения части 2 статьи 18.1 КоАП Российской Федерации, статьи 11 Закона Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации» и статьи 24 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» не противоречащими Конституции Российской Федерации постольку, поскольку в целях защиты суверенитета Российской Федерации, государственной и общественной безопасности, здоровья населения они устанавливают режим пересечения Государственной границы Российской Федерации, в рамках которого при выезде иностранного гражданина из Российской Федерации осуществляется проверка наличия у него законных оснований въезда в Российскую Федерацию и пребывания в Российской Федерации, и предусматривают административную ответственность за его нарушение.

2. Признать взаимосвязанные положения части 2 статьи 18.1 КоАП Российской Федерации и статьи 24 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в истолковании, придаваемом правоприменительной практикой, не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 1 (часть 1), 2, 18, 19 (части 1 и 2), 27 (часть 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой в силу неопределенности действующего нормативного регулирования эти положения позволяют привлекать к административной ответственности за нарушение правил пересечения Государственной границы Российской Федерации имеющего действующее разрешение на временное проживание в Российской Федерации иностранного гражданина – в случае, если он при выезде из Российской Федерации предъявил данное разрешение и визу, по которой осуществлял въезд в Российскую Федерацию и срок действия которой истек, подтверждающие законность его въезда в Российскую Федерацию и пребывания в Российской Федерации, – на одном лишь формальном основании отсутствия у него визы с неистекшим сроком действия, а также отказывать ему в связи с этим в пропуске через Государственную границу Российской Федерации на выезд.

3. Правоприменительные решения о привлечении гражданина Федеративной Республики Нигерия Хадсон Эбува Увангуе к административной ответственности, вынесенные на основании законоположений, признанных в настоящем Постановлении не соответствующими Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет других препятствий.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**17 февраля
2016 года,
город Санкт-
Петербург**

№ 5-П

по делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», частей 1 и 3 статьи 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и подпункта 2 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина Республики Молдова М. Цуркана

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», частей 1 и 3 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации и подпункта 2 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина Республики Молдова М. Цуркана. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика К. В. Арановского, изучив представленные документы и иные материалы, включая письменные отзывы полномочного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации Д. Ф. Вяткина, полномочного представителя Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А. И. Александрова и полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М. В. Кротова, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Гражданин Республики Молдова М. Цуркан оспаривает конституционность следующих законоположений:

пункта 6 статьи 8 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», возлагающего на иностранного гражданина, постоянно проживающего в Российской Федерации, обязанность ежегодно уведомлять о подтверждении своего проживания в Российской Федерации территориальный орган федерального органа исполнительной власти в сфере миграции по месту получения этим иностранным гражданином вида на жительство;

части 1 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации, в соответствии с которой нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства правил въезда в Российскую Федерацию либо режима пребывания (проживания) в Российской Федерации, выразившееся в нарушении установленных правил въезда в Российскую Федерацию, в нарушении правил миграционного учета, передвижения или порядка выбора места пребывания или жительства, транзитного проезда через территорию Российской Федерации, в неисполнении обязанностей по уведомлению о подтверждении своего проживания в Российской Федерации в случаях, установленных федеральным законом, влечет наложение административного штрафа в размере от двух тысяч до пяти тысяч рублей с административным выдворением за пределы Российской Федерации или без такового;

части 3 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации, согласно которой нарушения, предусмотренные частью 1 данной статьи, совершенные в городе федерального значения Москве или Санкт-Петербурге либо в Московской или Ленинградской области, влекут наложение административного штрафа в размере от пяти тысяч до семи тысяч рублей с административным выдворением за пределы Российской Федерации;

подпункта 2 части первой статьи 27 Федерального закона от 15 августа 1996 года № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», предусматривающего, что въезд в Российскую Федерацию иностранному гражданину или лицу без гражданства не разрешается в случае, если в отношении него вынесено решение об административном выдворении за пределы Российской Федерации, о его депортации либо передаче Российской Федерацией иностранному государству в соответствии с международным договором Российской Федерации о реадмиссии, – в течение пяти лет со дня административного выдворения за пределы Российской Федерации, депортации либо передачи Российской Федерацией иностранному государству в соответствии с международным договором Российской Федерации о реадмиссии.

1.1. Постановлением от 7 октября 2014 года Волоколамский городской суд Московской области признал М. Цуркана виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 3 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации, выразившегося в том, что после получения вида на жительство он не исполнил обязанность по уведомлению о подтверждении своего проживания в Российской Федерации, и назначил ему административное наказание в виде административного штрафа в размере пяти тысяч рублей с административным выдворением за пределы Российской Федерации. Постановление суда первой инстанции оставлено без изменения решением Московского областного суда от 21 октября 2014 года, постановлением заместителя председателя Московского областного суда от 22 декабря 2014 года и постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 15 мая 2015 года.

Вмененное М. Цуркану административное правонарушение, как следует из состоявшихся по его делу судебных актов, было выявлено отделением

УФМС России по Московской области по Волоколамскому муниципальному району, куда он, будучи зарегистрированным по месту проживания в расположенной на территории этого района деревне Михайловское, обратился за оформлением документов на приобретение гражданства Российской Федерации. Оснований для признания данного административного правонарушения малозначительным суды не нашли, а с учетом того, что семья М. Цуркана проживает в Республике Молдова, посчитали, что административное выдворение из Российской Федерации не нарушает его право на уважение семейной жизни.

По мнению М. Цуркана, оспариваемые им законоположения противоречат статьям 19 (части 1 и 2), 45, 46 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они обязывают суд, не принимая во внимание какие-либо иные обстоятельства, кроме самого нарушения, назначить иностранному гражданину, имеющему вид на жительство в Российской Федерации, осуществляющему трудовую деятельность и уплачивающему налоги, административное выдворение за ее пределы в наказание за неисполнение обязанности по уведомлению о подтверждении своего проживания в Российской Федерации, если он совершил такое нарушение в Москве либо в Санкт-Петербурге или в Московской либо Ленинградской областях. Тем самым, считает заявитель, лица, не подтвердившие своего проживания в Российской Федерации, но имеющие вид на жительство, ставятся в худшее положение по сравнению с другими иностранными гражданами, которые могут пересекать границу Российской Федерации, не имея разрешения на проживание в ней, что означает несоразмерное конституционно значимым целям и ценностям ограничение их прав, гарантированных Конституцией Российской Федерации.

1.2. В соответствии со статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации и конкретизирующими ее статьями 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации принимает к рассмотрению жалобу гражданина на нарушение его конституционных прав и свобод законом, если придет к выводу, что оспариваемые законоположения, примененные в деле заявителя, рассмотрение которого завершено в суде, затрагивают конституционные права и свободы и что имеется неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли эти законоположения Конституции Российской Федерации.

М. Цуркан был привлечен к административной ответственности по части 3 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации, которая определяет признаки предусмотренного ею административного правонарушения путем отсылки к части 1 той же статьи, дополняя их лишь указанием на место совершения деяния (города федерального значения Москва и Санкт-Петербург, Московская и Ленинградская области). Соответственно, упоминание части 1 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации в судебных актах не свидетельствует о ее непосредственном применении в деле заявителя, а потому в этой части его жалоба не отвечает критерию допустимости, как он определен пунктом 2 статьи 43 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», что в силу его статьи 68 является основанием к прекращению производства по настоящему делу в этой части, но не препятствует Конституционному Суду Российской Федерации обращаться к тексту части 1 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации как элементу нормативного содержания ее части 3.

Что касается подпункта 2 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», то представленными материалами применение его положений в

деле М. Цуркана также не подтверждается. Вместе с тем, поскольку эти положения связывают ограничение права иностранного гражданина на въезд в Российскую Федерацию с решением о его административном выдворении за пределы России (а именно такое решение было принято в отношении заявителя в связи с совершением им административного правонарушения), Конституционный Суд Российской Федерации считает возможным учесть при рассмотрении настоящего дела подпункт 2 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», как находящийся в системной связи с частью 3 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации, непосредственно примененной в отношении заявителя.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются положения пункта 6 статьи 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и части 3 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации в той мере, в какой на их основании разрешается вопрос о назначении административного выдворения за пределы Российской Федерации иностранным гражданам, имеющим вид на жительство и зарегистрированным по месту проживания в городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге, в Московской и Ленинградской областях, за однократное неисполнение ими требования о ежегодном уведомлении территориальных органов Федеральной миграционной службы о подтверждении своего проживания в Российской Федерации.

2. Согласно Конституции Российской Федерации в Российской Федерации как правовом государстве, обязанностью которого является признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, иностранные граждане и лица без гражданства пользуются правами и несут обязанности наравне с российскими гражданами, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации (статья 1, часть 1; статья 2; статья 62, часть 3). Такие случаи, по смыслу статьи 62 (часть 3) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьей 17 (часть 2) и другими положениями главы 2 «Права и свободы человека и гражданина», касаются лишь тех прав и обязанностей, которые возникают и осуществляются в силу особой связи между Российской Федерацией и ее гражданами (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 1998 года № 6-П, определения Конституционного Суда Российской Федерации от 30 сентября 2010 года № 1244-О-О, от 4 июня 2013 года № 902-О, от 5 марта 2014 года № 628-О и др.).

Соответственно, на территории Российской Федерации лицам, не состоящим в гражданстве Российской Федерации, должна быть обеспечена возможность реализации прав и свобод, гарантированных им Конституцией Российской Федерации, а также государственная, включая судебную, защита от дискриминации на основе уважения достоинства личности (статья 17, часть 1; статья 19, части 1 и 2; статья 21, часть 1; статья 45, часть 1; статья 46, части 1 и 2) с учетом того, что Конституция Российской Федерации, закрепляя право каждого на свободный выезд за пределы Российской Федерации, признает право на беспрепятственный в нее въезд только за российскими гражданами (статья 27, часть 2), а право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства – лишь за теми, кто законно находится на территории России (статья 27, часть 1). Эти конституционные требования подлежат обязательному соблюдению и при определении и применении правил пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, а также норм об ответственности за их нарушение

(Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 марта 2014 года № 628-О).

Данный вывод соотносится с предписаниями Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ее статьями 3 и 8, а также Декларацией о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают (принята Генеральной Ассамблеей ООН 13 декабря 1985 года), провозглашающей, в частности, что ее положения не должны толковаться как ограничивающие право государства принимать законы и правила, касающиеся условий пребывания на его территории иностранцев, или вводить различия между его гражданами и иностранцами и как допускающие незаконное присутствие иностранца в государстве (пункт 1 статьи 2).

Исходя из этого для иностранных граждан и лиц без гражданства пребывание (проживание) в России обусловлено, по общему правилу, визовым или иным разрешением, а за государством остается суверенное право отказать им в пребывании (проживании) на своей территории, притом что, по смыслу статей 17 (часть 3), 19, 55 (части 2 и 3) и 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации, предполагается разумное и соразмерное регулирование указанных отношений федеральным законом без ущемления прав человека и их неправомерного ограничения при справедливом соотношении публичных и частных интересов (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 18 февраля 2000 года № 3-П, от 14 ноября 2005 года № 10-П, от 26 декабря 2005 года № 14-П, от 16 июля 2008 года № 9-П, от 7 июня 2012 года № 14-П и др.).

Таким образом, в силу требований Конституции Российской Федерации и корреспондирующих им положений международно-правовых актов государство правомочно использовать действенные законные средства, которые, согласно правовой позиции, изложенной Конституционным Судом Российской Федерации в постановлениях от 17 января 2013 года № 1-П, от 14 февраля 2013 года № 4-П и от 16 февраля 2016 года № 4-П, позволяли бы, следуя правомерным целям миграционной политики, определять правовой режим пребывания (проживания) на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, а также меры ответственности, в том числе административной, за его нарушение и правила применения соответствующих мер, направленные на пресечение правонарушений в области миграционных отношений, восстановление нарушенного правопорядка, предотвращение противоправных (особенно множественных и грубых) на него посягательств.

3. С учетом целей миграционной политики и принимая во внимание, что Российская Федерация как социальное государство, призванное создавать условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие человека (статья 7, часть 1, Конституции Российской Федерации), включая социальную защиту, здравоохранение, рынки труда и жилья, должна поддерживать на своей территории приемлемую для этого миграционную обстановку, Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» допускает выдачу иностранным гражданам разрешений на временное проживание лишь в пределах установленной квоты, после чего им может (но не должен) быть выдан вид на жительство (пункт 1 статьи 6 и статья 8), предусматривает отказ в таком разрешении или его аннулирование, если в течение очередного года со дня его выдачи иностранный гражданин не осуществлял трудовую деятельность дольше ста восьмидесяти суток, или не получал доходов, или не имеет средств (не ниже установленного размера), позволяющих ему без помощи государства содержать себя и членов своей семьи, находящихся на его иждивении (подпункт 8 пункта 1 статьи 7), а также отказ в выдаче вида на жительство или его

аннулирование, если иностранный гражданин, будучи трудоспособным, не докажет своих возможностей содержать себя и членов своей семьи в пределах прожиточного минимума без помощи государства либо если по истечении трех лет со дня въезда у него нет в Российской Федерации жилого помещения на законных основаниях (подпункты 8 и 9 пункта 1 статьи 9).

Реализация приведенных предписаний, с которыми Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» связывает либо возможность постоянного проживания в России, либо аннулирование вида на жительство, предполагает необходимость сбора соответствующей информации.

3.1. Определяя правовой статус иностранных граждан в Российской Федерации, включая основания и условия их пребывания (проживания) на ее территории, Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» признает законно находящимися в Российской Федерации иностранными гражданами, в частности, лиц, имеющих действительный вид на жительство (абзац девятый пункта 1 статьи 2), и предусматривает их миграционный учет (статья 29¹), правила которого, в свою очередь, установлены Федеральным законом от 18 июля 2006 года № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации».

Названный Федеральный закон относит к целям осуществления миграционного учета создание необходимых условий для реализации гражданами Российской Федерации и иностранными гражданами своих прав и свобод, а также для исполнения ими возложенных на них обязанностей, выработку и реализацию государственной политики в сфере миграции, формирование полной, достоверной, оперативной и актуальной информации о перемещениях иностранных граждан, необходимой для прогнозирования последствий указанных перемещений и для ведения государственного статистического наблюдения в сфере миграции, планирование развития территорий, управление в кризисных ситуациях, а также защиту основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан Российской Федерации и иностранных граждан, находящихся в Российской Федерации, обеспечение национальной безопасности Российской Федерации и общественной безопасности путем противодействия незаконной миграции и иным противоправным проявлениям, систематизацию сведений об иностранных гражданах, находящихся в Российской Федерации (в том числе их персональных данных), и о перемещениях иностранных граждан, решение других социально-экономических и общественно-политических задач (часть 1 статьи 4).

Миграционный учет, как следует из Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», имеет уведомительный характер за исключением случаев, предусмотренных федеральным конституционным законом или федеральным законом (часть 2 статьи 4), что подразумевает признание за иностранными гражданами, имеющими вид на жительство, свободы передвижения, выбора места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации (пункт 1 части 3 статьи 4 и статья 5). Вместе с тем достижение целей миграционного учета на таких (уведомительных) условиях решающим образом зависит от того, следуют ли сами иностранные граждане его правилам, представляют ли они своевременно достоверные о себе сведения и выполняют ли другие юридически значимые действия, как того требует часть 1 статьи 7 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации».

Исходя из этого включение правил миграционного учета в режим пребывания (проживания) иностранных граждан в Российской Федерации и, соответственно, возложение на иностранных граждан обязанности надлежащего их исполнения в установленном порядке, отступления от которого могут влечь для них неблагоприятные правовые последствия, не выходят за конституционно приемлемые рамки.

3.2. Обязывая иностранных граждан, постоянно проживающих в Российской Федерации, ежегодно подтверждать свое в ней проживание, уведомляя о том органы Федеральной миграционной службы, пункт 6 статьи 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» оставляет на их выбор способ исполнения данной обязанности – лично, либо почтовым отправлением, либо электронным документом, в том числе по сети Интернет на единый портал государственных и муниципальных услуг, устанавливает исчерпывающий перечень сведений, подлежащих внесению в уведомление, включая место проживания и работы, длительность трудовой деятельности и нахождения за пределами России в течение очередного года со дня получения вида на жительство, размер и источники дохода за тот же период, и не допускает требования иных документов и других, помимо прямо указанных, сведений. Форма и порядок подачи уведомления о подтверждении постоянного проживания в Российской Федерации утверждены во исполнение предписания пункта 7 той же статьи постановлением Правительства Российской Федерации от 17 января 2007 года № 21.

Такое правовое регулирование, тем более с учетом доступности электронных технологий, упрощающих передачу и обработку информации, нельзя считать вводящим избыточные, противоречащие конституционно значимым целям, как они определены статьей 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, правоограничения, притом что иных средств, которые могли бы равноценно заменить предусмотренную пунктом 6 статьи 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» обязанность в рамках поддержания миграционного правопорядка, государство, по общему правилу, не применяет и не может применять без дополнительных обременений для самого себя, своих граждан и в отношении прав и свобод иностранцев.

4. Исходя из того что уведомительное подтверждение своего проживания в Российской Федерации является обязательным для иностранного гражданина, имеющего вид на жительство, и вместе с тем представляет собой необходимое и основное средство достижения целей миграционного учета, введение административной ответственности за неисполнение данной обязанности само по себе не лишено конституционных оснований.

Указанное нарушение иностранным гражданином режима проживания в Российской Федерации влечет, согласно части 1 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации, наложение административного штрафа в размере от двух тысяч до пяти тысяч рублей с административным выдворением за пределы Российской Федерации или без такового. За то же деяние, если оно совершено в городе федерального значения Москве или Санкт-Петербурге, в Московской либо Ленинградской области, частью 3 данной статьи установлена административная ответственность в виде административного штрафа в повышенном по сравнению с указанным в ее части 1 размере с административным выдворением за пределы Российской Федерации.

В качестве меры административного наказания административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранных граждан, заключающееся в их принудительном и контролируемом перемещении через Государственную границу Российской Федерации за пределы Российской Фе-

дерации, а в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, — в контролируемом самостоятельном выезде из Российской Федерации, назначается судьей (части 1 и 2 статьи 3.10 КоАП Российской Федерации) и может устанавливаться и применяться в качестве как основного, так и дополнительного административного наказания (часть 2 статьи 3.3 КоАП Российской Федерации). При этом, поскольку в соответствии с частью 3 статьи 3.3 КоАП Российской Федерации за одно административное правонарушение может быть назначено основное либо основное и дополнительное административное наказание из наказаний, указанных в санкции применяемой статьи, административное выдворение, если оно предусмотрено применяемой статьей наряду со штрафом, который в силу части 1 той же статьи является основным административным наказанием, всегда выступает в качестве дополнительного наказания.

Какаясь вопроса об административной ответственности за нарушение правил миграционного учета, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что установление федеральным законом административного выдворения за пределы Российской Федерации как обязательного наказания за определенные миграционные правонарушения не противоречит Конституции Российской Федерации (определения от 5 марта 2014 года № 628-О и от 24 июня 2014 года № 1416-О).

Не свидетельствует о превышении конституционно допустимых пределов законодательного усмотрения, равно как об отступлении от принципа равноправия и сама по себе однократность неисполнения иностранным гражданином обязанности подтверждать свое проживание в Российской Федерации как основание для применения к нему административного выдворения за ее пределы (в чем заявитель по настоящему делу, в частности, усматривает неконституционность оспариваемых им законоположений): Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает данную меру административной ответственности как за однократное, так и за повторное (неоднократное) совершение административных правонарушений в сфере миграционных отношений, притом что даже деяния, формально подпадающие под один и тот же состав, могут выражать разную, в том числе весьма существенную, степень неуважения иностранного гражданина к требованиям миграционного законодательства Российской Федерации.

Что касается установления более строгой административной ответственности за административные правонарушения, если они совершены в Москве, Санкт-Петербурге, Московской либо Ленинградской области, то такой законодательный подход, как следует из Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2014 года № 13-П, обусловливается их спецификой как крупнейших (как по размерам, так и по численности населения) центров экономической, политической, образовательной и иной социальной активности, чем объективно предопределяется возможность причинения определенными видами административных правонарушений на территории этих регионов значительно большего вреда, чем в других местностях. В силу данной правовой позиции повышенная социально-экономическая привлекательность указанных субъектов Российской Федерации для иностранных граждан, осложняющая в силу их сравнительно высокой численности миграционную обстановку, и сопутствующие этому повышенные риски для миграционного правопорядка могут служить основанием для установления различий в административных наказаниях за нарушение иностранным гражданином режима пребывания (проживания) в Российской Федерации в зависимости от места совершения данного административного правонарушения, что само по себе не означает отступления

от конституционного требования пропорциональности (соразмерности) в части строгости соответствующих санкций.

5. Введение федеральным законом административного выдворения за пределы Российской Федерации в качестве санкции за отдельные миграционные правонарушения, применимой к иностранным гражданам, не означает отказ от признания объективных различий в правовом положении указанных лиц на территории России при привлечении их к административной ответственности. Государство, определяя в рамках конституционных и международно-правовых установлений, в отношении каких из миграционных правонарушений существует насущная необходимость в обязательном административном выдворении за пределы Российской Федерации совершивших такие правонарушения иностранных граждан, должно принимать во внимание их правовой статус на территории России и обусловленные этим статусом и уже сложившиеся социальные и иные связи с Российской Федерацией.

5.1. Европейский Суд по правам человека, который в практике применения Конвенции о защите прав человека и основных свобод ориентируется на то, что ее положения не гарантируют иностранным гражданам проживать в определенной стране и не быть высланным из нее и что лежащая на государстве ответственность за обеспечение публичного порядка обязывает его контролировать пребывание иностранных граждан на своей территории, тем не менее полагает, что решения в этой сфере, поскольку они могут нарушить право на уважение частной и семейной жизни, охраняемое в демократическом обществе статьей 8 Конвенции, должны быть оправданы насущной социальной необходимостью и отвечать правомерной цели; в частности, оседлость иностранного гражданина на территории страны дает дополнительные основания уважать его право и далее там оставаться, что исключает возможность его административного выдворения или ограничивает ее лишь теми случаями правонарушений, в том числе миграционных, которые в силу закона и по законному решению суда можно отнести к обстоятельствам насущной социальной необходимости, вынуждающим применять эту меру (постановления от 21 июня 1988 года по делу «Беррехаб (*Berrehab*) против Нидерландов», от 24 апреля 1996 года по делу «Бугханеми (*Boughanemi*) против Франции», от 26 сентября 1997 года по делу «Эль-Бужаиди (*El Boujaidi*) против Франции», от 18 октября 2006 года по делу «Юнер (*Uner*) против Нидерландов», от 6 декабря 2007 года по делу «Лю и Лю (*Liu & Liu*) против России», решение от 9 ноября 2000 года по вопросу о приемлемости жалобы «Андрей Шебашов (*Andrey Shebashov*) против Латвии» и др.).

Что касается критериев допустимости административного выдворения, то Европейский Суд по правам человека пришел к выводу, что значение, придаваемое тому или иному из них, различается в зависимости от обстоятельств конкретного дела и что усмотрение государства, связанного необходимостью установить справедливое равновесие между интересами отдельного лица и общества в целом, имеет пределы; при этом право властей применять административное выдворение может быть важным средством предотвращения серьезных и неоднократных нарушений иммиграционного порядка, поскольку оставление их безнаказанными подрывало бы уважение к закону; сама же схема применения национального иммиграционного законодательства, основанная на административных санкциях в виде административного выдворения, не вызывает вопросов с точки зрения соблюдения статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (постановления от 28 июня 2011 года по делу «Нунес (*Nunez*) против Норвегии» и от 27 сентября 2011 года по делу «Алим (*Alim*) против России»).

5.2. В отношении иностранных граждан, постоянно проживающих в Российской Федерации, следует учитывать, что вид на жительство сам по себе не предопределяет во всех случаях вывода о том, что предполагаемая им оседлость исключает административное выдворение иностранного гражданина за пределы России: получение вида на жительство, по смыслу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной в Постановлении от 22 июня 2010 года № 14-П, может быть обусловлено необходимостью фактического пребывания лица на территории России и не создает его постоянной политико-правовой взаимосвязи с государством, равноценной по своему содержанию и значению гражданству Российской Федерации; вместе с тем это означает, что лицо приобретает право долгосрочного проживания на ее территории, возможность свободно выезжать и возвращаться в Россию, пользоваться на сопоставимых условиях экономическими, социальными правами наряду с ее гражданами, заниматься не запрещенной законом деятельностью.

Более того, предоставление иностранному гражданину вида на жительство, как правило, свидетельствует о признании со стороны государства особого правового состояния данного лица, обусловленного установлением длящихся социальных и экономических отношений его с государством на основе взаимного доверия, особенно принимая во внимание, что наличие вида на жительство — и по российскому законодательству, и согласно наиболее распространенной зарубежной практике — является одним из условий приема в национальное гражданство, хотя и не означает обязательного его приобретения.

Соответственно, государство призвано принимать необходимые меры к поддержанию лояльности таких иностранных граждан, доверия к своим действиям и к закону (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 мая 2001 года № 8-П, от 15 мая 2006 года № 5-П, от 22 марта 2007 года № 4-П, от 5 апреля 2007 года № 5-П, от 10 ноября 2009 года № 17-П и др.). В свою очередь, иностранный гражданин, испрашивая и получая право на постоянное проживание в России и законопослушно реализуя его в течение достаточно долгого времени, имеет основания ожидать, что государство не оставит без внимания и уважения качество и длительность уже сложившихся правоотношений и не лишит его данного права за единичное неисполнение обязанности по соблюдению правил миграционного учета.

Применительно к административному выдворению за пределы Российской Федерации иностранного гражданина, имеющего вид на жительство, это означает, что как мера административной ответственности оно допустимо лишь в системе правового регулирования, точно, непротиворечиво и согласованно определяющей условия и правовые последствия назначения данного вида административного наказания иностранному гражданину в части реализации им права на въезд в Российскую Федерацию и на постоянное в ней проживание.

5.3. Предусматривая ограничение права иностранного гражданина на въезд в Российскую Федерацию в течение пяти лет со дня административного выдворения за ее пределы, подпункт 2 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» тем самым связывает это ограничение не с вынесением судебного постановления о привлечении иностранного гражданина к административной ответственности за совершение административного правонарушения, а с административным выдворением как состоявшимся фактом (что подтверждается соответствующей отметкой в документе, удостоверяющем личность иностранного гражданина, которая, как того требует

часть вторая той же статьи, проставляется органами пограничного контроля и Федеральной миграционной службы). Вместе с тем в силу части третьей статьи 25¹⁰ названного Федерального закона неразрешение иностранному гражданину въезда в Россию требует вынесения решения, принимаемого при наличии оснований, предусмотренных частью первой его статьи 27, т. е. ограничение права иностранного гражданина на въезд в Россию влечет не судебное постановление о его административном выдворении и не административное выдворение непосредственно, а решение, которое принимается по иным правилам и в ином порядке уполномоченными на то постановлением Правительства Российской Федерации от 14 января 2015 года № 12 федеральными органами исполнительной власти. При этом не исключаются случаи, когда иностранный гражданин выезжает из России в порядке исполнения административного выдворения, а решение о неразрешении ему въезда в Россию не было принято в установленный Правительством Российской Федерации месячный срок или он об этом решении не был извещен.

Кроме того, согласно подпункту 3 пункта 1 статьи 9 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», если иностранный гражданин в течение пяти лет, предшествовавших дню подачи заявления о выдаче вида на жительство, подвергался административному выдворению за пределы Российской Федерации, вид на жительство ему не выдается, а ранее выданный вид на жительство аннулируется. По буквальному смыслу названной нормы, ее применение обусловлено пятью годами, предшествующими заявлению лица о получении вида на жительство, притом что аннулировать можно только вид на жительство, выданный ранее. Во взаимосвязи с подпунктом 2 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» и пунктом 2 статьи 9 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», предусматривающим аннулирование ранее выданного иностранному гражданину вида на жительство в случае принятия решения о неразрешении ему въезда в Российскую Федерацию, это означает невозможность выдачи в течение следующих пяти лет вида на жительство на новый срок.

Приведенное правовое регулирование порождает некоторую неопределенность в отношении последствий административного выдворения, которые, однако, не являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу. Но в любом случае оно создает прямые предпосылки к пятилетнему ограничению права иностранного гражданина, подвергнутого такому административному наказанию, на въезд в Россию и на пребывание (проживание) в России без учета каких-либо иных обстоятельств и тем самым — препятствия к поддержанию и сохранению уже сложившихся у него семейных, трудовых и иных связей.

6. Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, меры административной ответственности и правила их применения, устанавливаемые законодательством об административных правонарушениях, должны не только соответствовать характеру административного правонарушения, его опасности для защищаемых законом ценностей, но и обеспечивать учет причин и условий его совершения, а также личности правонарушителя и степени его вины, гарантируя тем самым адекватность порождаемых последствий для лица, привлекаемого к административной ответственности, тому вреду, который причинен в результате административного правонарушения, не допуская избыточного государственного принуждения и обеспечивая баланс основных прав индивида (юридического лица) и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и госу-

дарства от административных правонарушений; применение одинаковых мер ответственности за различные по степени опасности административные правонарушения без надлежащего учета характеризующих виновное лицо обстоятельств, имеющих объективное и разумное обоснование, противоречит конституционному запрету дискриминации и выраженным в Конституции Российской Федерации идеям справедливости и гуманизма и несовместимо с принципом индивидуализации ответственности за административные правонарушения (постановления от 19 марта 2003 года № 3-П, от 13 июля 2010 года № 15-П, от 17 января 2013 года № 1-П, от 14 февраля 2013 года № 4-П, от 25 февраля 2014 года № 4-П и др.).

Опираясь на эти правовые позиции, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что наложение предусмотренного законом административного наказания при определенных обстоятельствах может противоречить целям административной ответственности и приводить к чрезмерному ограничению конституционных прав и свобод (постановления от 14 февраля 2013 года № 4-П и от 25 февраля 2014 года № 4-П). Следуя ранее сформулированным им применительно к отношениям, связанным с проживанием иностранных граждан в Российской Федерации, правовым позициям (Постановление от 17 февраля 1998 года № 6-П, Определение от 12 мая 2006 года № 155-О и др.), Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что, когда речь идет об институтах, связанных с прекращением пребывания или проживания иностранного гражданина в Российской Федерации, в том числе об административном выдворении за ее пределы, суды, не ограничиваясь установлением лишь формальных оснований применения закона, должны исследовать и оценивать реальные обстоятельства, чтобы признать соответствующие решения в отношении иностранного гражданина необходимыми и соразмерными; вместе с тем при решении вопроса об административном выдворении иностранного гражданина из России (и, соответственно, о праве въезжать в Россию и находиться на ее территории) заслуживающие внимания, исходя из гуманитарных соображений, обстоятельства не могут иметь безусловного во всех случаях преимущества перед другими конституционно значимыми ценностями и даже наличие семьи не обеспечивает иностранным гражданам бесспорного иммунитета от законных принудительных мер миграционной политики, соразмерных опасности миграционных правонарушений (особенно массовых) и практике уклонения от ответственности (определения от 4 июня 2013 года № 902-О и от 5 марта 2014 года № 628-О).

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, основываясь на вытекающих из Конституции Российской Федерации принципах справедливости и пропорциональности, предусматривает в качестве общего правила назначения административного наказания физическому лицу учет характера совершенного им административного правонарушения, личности виновного, его имущественного положения, обстоятельств, смягчающих административную ответственность, и обстоятельств, отягчающих административную ответственность (часть 2 статьи 4.1), особо оговаривая, что смягчающими административную ответственность обстоятельствами могут быть признаны и не указанные в данном Кодексе или в законах субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях обстоятельства (часть 2 статьи 4.2). В силу этого органы административной юрисдикции обязаны избегать формального подхода к определению вида и размера административного наказания, в том числе в случае привлечения иностранного гражданина к административной ответственности по части 3 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации.

Однако закрепленные в действующем правовом регулировании возможности индивидуализации административного наказания не являются абсолютными – согласно части 1 статьи 4.1 КоАП Российской Федерации оно во всяком случае должно назначаться в пределах, установленных законом, предусматривающим ответственность за конкретное административное правонарушение, и в соответствии с данным Кодексом, если иное им прямо не разрешено (часть 2² статьи 4.1). В совокупности с кумулятивной конструкцией санкции части 3 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации это означает, что при назначении иностранному гражданину предусмотренного ею административного наказания судья вправе лишь определить конкретный размер административного штрафа, но не может не применить – вне зависимости от тех или иных обстоятельств дела – административное выдворение. В результате юрисдикционное усмотрение судьи, по сути, ограничивается лишь определением размера административного штрафа, не позволяя ему отказаться от назначения административного выдворения, что при определенных обстоятельствах – тем более принимая во внимание, что при привлечении к административной ответственности по части 1 той же статьи за аналогичное административное правонарушение, но совершенное за пределами городов Москвы, Санкт-Петербурга, Московской и Ленинградской областей, судьи не лишены такого полномочия, – может приводить к избыточному ограничению прав и свобод иностранных граждан.

Что же касается правомочия суда признать административное правонарушение малозначительным и, соответственно, освободить совершившее его лицо от административной ответственности (статья 2.9 КоАП Российской Федерации), то такой способ обеспечения справедливости административного наказания и его соразмерности правонарушающему деянию можно считать оправданным лишь при условии, что это деяние с учетом его характера, личности правонарушителя и тяжести наступивших последствий хотя формально и содержит признаки состава административного правонарушения, но не причиняет существенного ущерба охраняемым общественным отношениям. Однако использование такой возможности всякий раз, когда правоприменительный орган считает наказание несоразмерным, способствовало бы, как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации в постановлениях от 17 января 2013 года № 1-П и от 25 февраля 2014 года № 4-П, формированию атмосферы безнаказанности, несовместимой с принципом неотвратимости ответственности, вытекающим из статей 4 (часть 2), 15 (часть 2) и 19 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации. Это тем более относится к административному правонарушению, предусмотренному частью 3 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации, поскольку признание его малозначительным исключает применение в отношении иностранного гражданина не только административного выдворения за пределы Российской Федерации, но и административного штрафа. Принимая же во внимание массовый характер современной миграции, широкая реализация возможности отказа от применения мер административной ответственности за миграционные правонарушения, в частности за неисполнение иностранным гражданином обязанности по уведомлению о подтверждении своего проживания в Российской Федерации в случаях, установленных федеральным законом, со ссылкой на малозначительность совершенного деяния могла бы способствовать размытию правового режима законности в миграционных правоотношениях.

7. Таким образом, суды, рассматривая дела о нарушении иностранными гражданами режима пребывания (проживания) в Российской Федерации, влекущем административное выдворение за пределы Российской Федерации, должны иметь возможность учитывать при назначении администра-

тивного наказания обстоятельства, позволяющие надлежащим образом оценить соразмерность его последствий целям введения данной меры административной ответственности, в том числе длительность проживания иностранного гражданина в Российской Федерации, его семейное положение, отношение к уплате российских налогов, наличие дохода и обеспеченность жильем на территории Российской Федерации, род деятельности и профессию, законопослушное поведение, обращение о приеме в российское гражданство.

Соответственно, при отсутствии у судов указанного правомочия положение части 3 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации, предусматривающее административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранных граждан, имеющих вид на жительство и зарегистрированных по месту проживания в городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге, в Московской и Ленинградской областях, за неисполнение требования пункта 6 статьи 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» о ежегодном уведомлении территориальных органов Федеральной миграционной службы о подтверждении своего проживания в России, — как не предоставляющее суду возможности отказаться от назначения административного наказания в этой части в случае однократного нарушения иностранным гражданином указанного требования — не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 1 (часть 1), 2, 15 (часть 2), 17 (часть 1), 18, 19 (части 1 и 2), 27 (часть 2) и 55 (часть 3).

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 80 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать положение части 3 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации, предусматривающее административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранных граждан, имеющих вид на жительство в Российской Федерации и зарегистрированных по месту проживания в городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге, в Московской и Ленинградской областях, за неисполнение требования пункта 6 статьи 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» о ежегодном уведомлении территориальных органов Федеральной миграционной службы о подтверждении своего проживания в России, не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 27 (часть 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой это положение не допускает возможность отказа от назначения административного наказания в этой части в случае однократного нарушения иностранным гражданином указанного требования, если суд — учитывая длительность проживания иностранного гражданина в Российской Федерации, его семейное положение, отношение к уплате российских налогов, наличие дохода и обеспеченность жильем на территории Российской Федерации, род деятельности и профессию, законопослушное поведение, обращение о приеме в российское гражданство и другие обстоятельства — придет к выводу, что административное выдворение за пределы Российской Федерации, влекущее пятилетнее ограничение права на въезд в Российскую Федерацию, является чрезмерным ограничением права на уважение частной жизни и несоразмерно целям административного наказания.

2. Федеральному законодателю надлежит внести в правовое регулирование административной ответственности за нарушение режима проживания

в Российской Федерации иностранными гражданами, имеющими вид на жительство и зарегистрированными по месту проживания в городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге, в Московской и Ленинградской областях, изменения, вытекающие из настоящего Постановления.

Впредь до внесения в действующее правовое регулирование надлежащих изменений судам при применении части 3 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации в случае однократного неисполнения иностранным гражданином правил уведомления о подтверждении проживания в Российской Федерации следует руководствоваться правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, изложенными в настоящем Постановлении.

3. Прекратить производство по настоящему делу в части, касающейся проверки конституционности части 1 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации и подпункта 2 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию».

4. Судебные постановления, вынесенные в отношении гражданина Республики Молдова Михаила Цуркана, подлежат пересмотру в установленном порядке с учетом настоящего Постановления, если для этого нет иных препятствий.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Мнение
судьи Конституционного Суда
Российской Федерации
А. Н. Кокотова

Разделяя содержащийся в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2016 года № 5-П вывод о несоответствии Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 27 (часть 2) и 55 (часть 3), положения части 3 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации, не могу полностью согласиться с тем, в чем Конституционный Суд Российской Федерации усмотрел неконституционность названного законоположения.

Согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации положение части 3 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации, предусматривающее административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранных граждан, имеющих вид на жительство в Российской Федерации и зарегистрированных по месту проживания в городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге, в Московской и Ленинградской областях, за неисполнение требования закона о ежегодном уведомлении территориальных органов Федеральной миграционной службы о подтверждении своего проживания в России, не соответствует Конституции Российской Федерации в той мере, в какой не допускает возможность отказа от назначения административного выдворения в случае однократного нарушения иностранным гражданином указанного требования, если суд – учитывая длительность проживания иностранного гражданина в Российской Федерации, его семейное положение, отношение к уплате российских налогов, наличие дохода и обеспеченность жильем на территории Российской Федерации, род деятельности и профессию, законопослушное поведение, обращение о приеме в российское гражданство и другие обстоятельства – придет к выводу, что административное выдворение за пределы Российской Федерации, влекущее пятилетнее ограничение права на въезд в Российскую Федерацию, является чрезмерным ограничением права на уважение частной жизни и несоразмерно целям административного наказания.

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации усмотрел неконститу-

ционность оспоренного положения в его несоответствии базовым конституционным ценностям. Полагаю, что положение части 3 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации не соответствует Конституции Российской Федерации также в силу порождаемой им существенной неопределенности правового регулирования и правоприменительной практики, а его несоответствие конституционным ценностям проявляется не только в том, на что указал Конституционный Суд Российской Федерации.

1. В данном деле Конституционному Суду Российской Федерации следовало обратить внимание на то, что административное выдворение с пятилетним запретом на въезд в Российскую Федерацию за совершение постоянно проживающим в России иностранным гражданином предусмотренного частью 3 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации нарушения не является в рамках действующего регулирования основанием аннулирования вида на жительство. Статья 9 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» называет в качестве одного из оснований такого аннулирования нахождение имеющего вид на жительство в нашей стране иностранного гражданина за пределами России более шести месяцев (подпункт 11 пункта 1). Под это основание и может подпасть выдворенный из страны иностранный гражданин. Однако до принятия решения об аннулировании его вида на жительство по данному основанию он сохраняет вид на жительство. В силу же абзаца восьмого пункта 1 статьи 2 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» вид на жительство – документ, подтверждающий право иностранного гражданина (лица без гражданства) на постоянное проживание в Российской Федерации, а также право на свободный выезд из Российской Федерации и въезд в Российскую Федерацию.

Таким образом, с одной стороны, выдворенный из России иностранный гражданин, сохраняя вид на жительство, не теряет право

на постоянное проживание в ней, на свободный въезд в нее в течение срока действия вида на жительство. С другой стороны, на него распространяется запрет на въезд в Российскую Федерацию в течение пяти лет со дня его административного выдворения из страны (подпункт 2 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»). Поскольку вид на жительство выдается иностранным гражданам на пять лет, то закрепляемое оспоренным регулированием административное выдворение имеющих вид на жительство в России иностранных граждан с пятилетним запретом на въезд в Россию влечет невозможность осуществления ими прав, вытекающих из вида на жительство. По сути, это фактическое аннулирование вида на жительство, что противоречит Федеральному закону «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», закрепляющему закрытый перечень оснований названного аннулирования (статья 9).

С учетом сказанного необходимо было сопоставить оспоренное регулирование с положением подпункта 7 пункта 1 статьи 9 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», согласно которому ранее выданный иностранному гражданину вид на жительство аннулируется, в частности, если данный иностранный гражданин неоднократно (два и более раза) в течение одного года привлекался к административной ответственности за совершение административного правонарушения, связанного с посягательством на общественный порядок и общественную безопасность либо нарушением режима пребывания (проживания) иностранных граждан в Российской Федерации или порядка осуществления ими трудовой деятельности на территории Российской Федерации. (Ежегодное уведомление постоянно проживающим в России иностранным гражданином органа Федеральной миграционной службы о подтверждении своего проживания в России является как раз требованием режима пребывания (проживания) иностранных граждан в Российской Федерации.)

Очевидно, что оспоренное регулирование делает бессмысленным приведенное основание аннулирования вида на жительство в части нарушения требования о ежегодном уведомлении иностранным гражданином органа

Федеральной миграционной службы о подтверждении своего проживания в России. Не требуется совершение двух административных правонарушений в течение одного года из числа названных в подпункте 7 пункта 1 статьи 9 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (одним из которых является нарушение указанного требования), влекущее аннулирование вида на жительство и депортацию иностранного гражданина (пункты 2 и 3 статьи 31 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»), поскольку достаточно всего одного нарушения, подпадающего под часть 3 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации, для административного выдворения иностранного гражданина из страны, что фактически «усыпляет» его вид на жительство.

Таким образом, оспоренное регулирование не соответствует вытекающему из статьи 19 Конституции Российской Федерации требованию определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы и ее согласованности с системой действующего правового регулирования (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июля 1999 года № 11-П, от 27 мая 2003 года № 9-П, от 27 мая 2008 года № 8-П, от 13 июля 2010 года № 15-П и др.).

2. Выделенные законодательные противоречия вроде бы не сложно снять, например, посредством введения в статью 9 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» административного выдворения иностранного гражданина за неисполнение требования закона о ежегодном уведомлении территориальных органов Федеральной миграционной службы о подтверждении своего проживания в России как самостоятельного основания аннулирования ранее выданного ему вида на жительство. Тем более что прежняя редакция данной статьи такое основание предусматривала. Однако мало ввести (возвратить) административное выдворение постоянно проживающего в России иностранного гражданина как самостоятельное основание аннулирования вида на жительство — необходимо еще согласовать данное основание с иными основаниями аннулирования вида на жительство.

Его необходимо, в частности, соотнести с основанием аннулирования вида на жительство, предусмотренным подпунктом 5 пунк-

та 1 статьи 9 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Данное положение в качестве основания аннулирования вида на жительство называет осуждение иностранного гражданина вступившим в законную силу приговором суда за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления либо преступления, рецидив которого признан опасным, или за совершение преступления, связанного с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов или прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, а также их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры.

Следовательно, совершение иностранным гражданином преступления небольшой или средней тяжести, не охватываемого подпунктом 5 пункта 1 статьи 9 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», не влечет аннулирования его вида на жительство. В отношении такого иностранного гражданина в силу пункта 2 статьи 9 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» уполномоченным органом может быть принято решение о нежелательности его проживания в Российской Федерации, что влечет аннулирование его вида на жительство. Однако принятие данного решения не является в силу закона обяза-

тельным следствием осуждения иностранного гражданина за совершение любого преступления небольшой или средней тяжести.

Таким образом, административное выдворение постоянно проживающего в России иностранного гражданина за однократное неисполнение требования закона о ежегодном уведомлении органов Федеральной миграционной службы о подтверждении своего проживания в России влечет для иностранного гражданина применительно к сфере определения правового положения иностранных граждан в России более суровые правоограничения, чем возможное его осуждение за совершение преступления небольшой или средней тяжести. Это заставляет оценить предусмотренное частью 3 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации административное выдворение постоянно проживающего в России иностранного гражданина (как в его нынешнем качестве, так и после возможного надления его значением основания аннулирования вида на жительство) как несоразмерное ограничение конституционных прав иностранных граждан, не соответствующее к тому же конституционному требованию правовой определенности. К сожалению, данное противоречие оспоренного регулирования конституционным положениям (статьи 2, 17–19, 27, 55 и 62 Конституции Российской Федерации) не нашло предметного отражения в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2016 года № 5-П.

Мнение
судьи Конституционного Суда
Российской Федерации
К. В. Арановского

1. Согласен с тем, что положение части 3 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации неконституционно в том смысле, в каком оно обязывает суд к назначению административного выдворения иностранному гражданину, имеющему вид на жительство. Этот вывод, однако, не вполне обеспечен основаниями, на которые полагался Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 17 фев-

раля 2016 года № 5-П. Исправить неконституционность в спорном законоположении нельзя простым смягчением применения его правил, когда суд отказывает в назначении выдворения иностранцу, который нарушил условия миграционного учета в столицах и пристоличных областях, из уважения к его лояльности, состоянию его доходов, жилья, семейному положению и прочим личным об-

стоятельствам по соображениям гуманизма, доверия или пропорциональности (соразмерности) и др.

Конституционный Суд Российской Федерации выявил признаки «некоторой правовой неопределенности в части последствий административного выдворения», но не подытожил их выводом о том, что именно такая погрешность влечет неконституционность оспоренных законоположений, и отложил на этот счет финальное суждение. Однако впечатлительное, будто эти противоречия некоторым образом простительны, вряд ли было бы верным.

Неконституционность части 3 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации обусловлена прежде всего тем, что предписанное ею административное выдворение имеет разноречивые последствия по разным законоположениям о правовом статусе иностранных граждан и об ограничениях их права на въезд в Россию. Поэтому предстоящие законодательные решения не устранят неконституционность, если назначение выдворения сделать по части 3 данной статьи не совсем обязательным и не исправить неясностей в том, отменяет ли оно право иностранца на въезд в Россию и на проживание в ней, если не принято отдельное решение о неразрешении ему въезда и если его российский вид на жительство не аннулирован.

2. Гуманитарных же соображений, при всем к ним уважении, самих по себе в этом случае недостаточно, чтобы вполне обеспечить конституционный иммунитет от выдворения, которое по закону полагается назначить даже тому иностранцу, у кого есть российский вид на жительство, за единственное нарушение миграционных правил. Власти Российской Федерации не должны и не могут обещать прием всему роду человеческому и каждого взять под защиту, особенно когда это не совпадает с интересами защиты свободы, безопасности и благополучия российских граждан. Демократическое и социальное государство связано обязанностями и ответственностью прежде всего перед народом — носителем суверенитета, т. е. перед общностью граждан России. Прочность национального уклада и запасы его ресурсов значительны, но вряд ли безграничны. Это не позволяет государству свободно ими рисковать и распоряжаться даже ради общечеловеческой гуманности. Если сами граждане свободны вести себя вполне великодушно и даже жертвенно (по своему лич-

ному или коллективному решению), то у государства этой свободы нет и ему нельзя отвлекаться от службы, на которую поставила его Конституция Российской Федерации, определяя многонациональный российский народ единственным источником власти (статья 3, часть 1).

Следуя конституционным своим обязанностям, государство должно, кроме прочего, определить законные условия присутствия и поведения иностранцев на российской территории, их доступ на рынки труда, жилья, к публичным услугам и другим благам. В интересах самих иностранцев, поступая под российскую юрисдикцию, заставить Россию такой, когда она уверенно контролирует свой правопорядок, пресекает произвол и коррупцию и защищает права каждого человека в неагрессивной, благополучной социально-экономической и культурной среде, включая миграционную обстановку, где условия позволяют работать, лечиться, учиться, развиваться и чувствовать себя безопасно. И нужно учесть, наверное, что Россия — не единственное место, где могут жить люди, и не последнее прибежище всякого мигранта, притом что не каждый готов участвовать в ее национальной культуре и правопорядке. Она не обязана всех приютить и оставить у себя, тем более что иностранные граждане вправе полагаться на защиту и покровительство своих государств. Конечно, люди не везде живут удобно и безопасно, но этого мало, чтобы Российская Федерация безусловно предпочла нужды иностранцев правам и законным интересам своих граждан. А если, как иногда говорят, в иных странах много благополучия, гуманизма и к иностранцам приветливы, то административное выдворение тем более не выглядит столь драматично, чтобы это вынуждало Российскую Федерацию отказаться от его использования в управлении миграцией.

Как и другие государства, Россия поддерживает разрешительный режим въезда и нахождения у себя иностранцев с правом сделать в нем частные или широкие послабления по своему усмотрению — федеральным законом, международным договором, указом Президента Российской Федерации. Поощряя, в общем, прием иностранцев, Россия законно ставит свои условия и, например, предпочитает принимать на жительство специалистов, работников, инвесторов, обеспеченных и работающих иностранцев, нежели тех, кому

нужна государственная помощь по бедности, здоровых — больным (инфицированным), лояльных — тем, кто предпочел бы укрыться от российского права, этикета, словесности в анклав и там укоренять несовместимые с ними правила жизни. В этом смысле допустимы квотирование приема иностранцев, отказ им в праве на временное или постоянное жительство. С ними вместе допустимы отказ в праве на въезд, прекращение (аннулирование) виз, разрешений, видов на жительство, депортации и административные выдворения по федеральному закону, который должен, разумеется, отвечать Конституции Российской Федерации.

Эти меры имеют как частный смысл, когда законное их применение пресекает неприемлемое присутствие иностранца в России, так и общее (превентивное) значение, когда их практика последовательно и внушительно убеждает мигрантов в том, что российские законные правила настоятельны и действительны. Степень настоятельности и принудительности может быть разной исходя, в частности, из того, насколько сложна миграционная обстановка. Это позволяет, не отступая от конституционного равноправия, менять строгость принуждения и допускать в том числе отказ от назначения административного выдворения в местах умеренного (разреженного) присутствия мигрантов (на большей части российской территории) либо делать выдворение обязательным в привлекательных для миграции столичных местностях, где проживание и перемещение множества иностранцев повышают нагрузку на инфраструктуру и осложняют контроль миграции. Ее значительная плотность и подвижность могут оставить впечатление, что государство с нею не справляется, не контролирует миграцию и что миграционными правилами можно безопасно пренебрегать.

Поощрить такую мотивацию могут пропуски в обязательности выдворения, обнадеживая нарушителей тем, что его несложно избежать и обойтись не самым крупным штрафом, если сказать «заветное» гуманитарное слово, защищенное семейными, например, обстоятельствами или видом на жительство. Суды их кладут иногда в обоснование отказа от административного выдворения. Но если уважение семейного положения имеет верные основания в статье 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которой статья 15

Конституции Российской Федерации дает преимущество в применении перед российским законом, то «снижение размера» наказания к административному выдворению неприменимо, как и освобождение от выдворения со ссылкой на малозначительность деяния, когда суд тут же назначает штраф, тем самым опровергая эту малозначительность.

Законная же обязательность административных выдворений может заметно снизить правонарушающую мотивацию, а потому не исключена там, где к этому есть видимые объективные и конституционно состоятельные основания.

В любом случае последствия строгости или смягчения административного выдворения нельзя предвидеть в точных эффектах и предсказуемой статистике. Нельзя все взвесить наперед и учесть для каждого случая, чтобы безошибочно определить строго отмеренные принудительные средства и чтобы от них совсем не страдали важные ценности. В исчислении пользы или вреда, особенно на будущее, участвуют впечатления, опасения, ожидания и оценки — субъективные и разные, подчиненные ценностям. Ценность же создает чье-то субъективное отношение к людям, предметам, явлениям, а существует она, лишь если кто-то чем-нибудь действительно дорожит. Поэтому в ценностном выборе участвует субъективное предпочтение.

И в законодательных решениях ценности преобладают и уступают одна другой в зависимости от того, что больше люди ценят, с неизбежными издержками такого выбора. С ними и принимают в демократической процедуре законодательные решения, которые могут быть правомерными, даже когда они приблизительны и рискованны. Риски конституционно приемлемы как необходимое условие законодательной деятельности, а судебная их оценка имеет свои пределы. Чтобы оставаться объективным (непредвзятым), правосудию важно не вступать в предпочтение одних правомерных интересов другим до тех пор, пока их соотношение не предрешено конституционными установлениями и остается в зоне целесообразности и пока принятые политические, законодательные, административные решения не нарушают права и свободы человека и гражданина, международные обязательства и не посягают на основы, поставленные под защиту Конституции Российской Федерации.

Исходя из статей 2 и 18 Конституции Российской Федерации российский миграционный учет как система административных формальностей не стоил бы того, чтобы ставить его как ценность слишком высоко и серьезно ограничивать ради него конституционные свободы, в том числе выдворять человека за единственное нарушение сугубо формальных правил. Так дорожить ритуалами учета можно разве что по службе. Однако этот учет, во-первых, предназначен защищать и обслуживать первостепенные конституционные ценности, включая права и свободы, законные интересы граждан, иностранцев, национальную и общественную безопасность, нравственность, здоровье и др., что и объявлено среди его целей частью 1 статьи 4 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации». Во-вторых, в миграционном учете, как он описан в названном Федеральном законе, нет вызывающих административных пороков, чтобы он стал непосильным, — имея уведомительный характер, он позволяет мигранту, почти не вступая в контакт с ФМС России, обойтись ежегодной отправкой в одном уведомлении небольшого объема достоверных, конечно, сведений с применением на свой выбор средств коммуникации, в том числе электронных (часть 2 и пункт 1 части 3 статьи 4, статья 5). Участие в таком учете представляет собой условие присутствия в России, а выдворение за нарушение его правил — не только наказание, но и прекращение отношений, где стороны не вполне между собой согласны в обязательных условиях совместного существования.

В целом же поддержание уведомительного миграционного учета избавляет иностранцев от прямого и сплошного управления их поведением со стороны ФМС России и оставляет им свободу передвижения, выбора места пребывания и жительства, государству позволяет свободнее квотировать их прием (больше принимать иностранных граждан), а гражданам России в принципе дает возможность обойтись сравнительно компактной и недорогой миграционной службой, не вырастая из нее дополнительную силовую структуру с большим потенциалом принуждения.

Но все это возможно при уведомительных условиях миграционного учета, лишь если сами мигранты своевременно представляют достоверные о себе сведения. Иначе не выя-

вить лиц, подлежащих депортации, лиц, чьи разрешения и виды на жительство подлежат аннулированию. Если это условие не исполнять, России придется либо терпеть неучтенную массу неадаптированных людей, униженных коррупцией, хозяевами, бесправием и нуждой, чужих и враждебных местной среде, вовлекаемых в преступность и экстремизм, либо наращивать средства контроля и организованного государственного насилия, которое само по себе образует источник опасности. Альтернатива в итоге такова: либо сплошное исполнение мигрантами уведомительных условий учета, обеспеченное практикой выдворений за нарушения, либо его расстройство с опасными издержками. Даже в предположениях, как видно, небесспорных, такие обстоятельства не позволяют считать заведомо чрезмерным административное выдворение даже за однократное нарушение учетных правил.

Однократность, кстати, применительно к административной ответственности — величина условная. В оценке же лояльности, которую предлагает учитывать Конституционный Суд Российской Федерации, излишне заметить, что до получения вида на жительство иностранец проводит от года до трех лет в режиме временного проживания, когда он должен ежегодно уведомлять ФМС России о своем проживании в России; затем по виду на жительство он проживает до пяти лет, т. е. проводит немало времени, чтобы усвоить правила, хотя бы в части миграционного учета. И если правонарушение по части 3 статьи 18 КоАП Российской Федерации выявлено однократно, но при наличии вида на жительство, это значит, что лицо либо годами оставалось вне миграционного учета, даже не зная своих обязанностей, либо все же их знало, но не принимало всерьез. Например, в деле М. Цуркана нарушение правил ежегодного уведомления выявлено, лишь когда он обратился за оформлением российского гражданства.

Конечно, отношения между государством и лицом, оформленные видом на жительство, явно имеют ценность, что и подтвердил Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 17 февраля 2016 года № 5-П. Но есть ли верная, общая шкала величин, по которой суд или положительная наука исчисляли бы правоту либо ошибку в надежных и проверяемых «пропорциях», чтобы сделать свой решающий выбор между сопоставимы-

ми ценностями вместо выбора политического, гражданского, законодательного? Существует ли объективный способ «взвесить» ценности, рассчитать их соотношение и бесспорно в итоге определить, что нужно твердо выдворять нарушителей миграционного учета в защиту интересов российских граждан и конституционных основ либо, наоборот, немного ими поступиться и рискнуть из уважения и доверия к мигранту, которые тоже многого стоят, если он получил вид на жительство с перспективой укорениться в России.

Неочевидно, что обязательное административное выдворение в этих случаях нужно оставить в силе или непременно его упразднить, заменить либо расширить на другие случаи, нарастить или ослабить средства управления миграцией, которых явно не хватает многим государствам с известными и еще предстоящими последствиями. Гуманитарные обстоятельства очень важны, но только в хорошо налаженном правопорядке, который умеет за себя постоять, возможны признание и защита прав и свобод человека, гражданина, включая иностранных граждан с видом или без вида на жительство.

3. В рассмотренном деле, однако, вывод о неконституционности спорных законоположений не обязательно получать в технике балансирования или пропорциональности, сопоставляя цели, средства и другие условно-весовые ценностные величины. Формальные основания позволяют разрешить дело, не вступая в расчеты целесообразности закона, чтобы законодательные власти сами могли заново пересмотреть спорные правила и, устраняя в них опасные дефекты, учесть гуманитарную, фидуциарную (доверительную) и международно-правовую составляющие, особенно конвенционную, следуя, конечно, правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации. Дефекты же, прежде всего, состоят в нижеследующем.

3.1. Оспариваемая часть 3 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации, предусматривая административное выдворение, состоит в прямой формальной связи с подпунктом 2 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», согласно которому въезд в Россию не разрешается иностранному гражданину, в том числе если вынесено решение о его административном выдворении — на пять лет со дня административного

выдворения. Непосредственно из этих правил, однако, не следует, что назначение административного выдворения, либо собственно выдворение, либо обусловленное им ограничение права на въезд сами по себе прекращают (аннулируют) действие российского вида на жительство. Между тем при действующем виде на жительство иностранный гражданин формально сохраняет и разрешенные ему права. Следовательно, у него остаются законные основания полагать, что ему не будет отказано в праве постоянного проживания, а также въезда в Россию, — согласно части третьей статьи 24 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» иностранные граждане выезжают в Россию на основании действительных документов, удостоверяющих их личность, и вида на жительство.

Впрочем, по буквальному смыслу подпункта 3 пункта 1 статьи 9 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», вид на жительство не выдается, а ранее выданный вид на жительство аннулируется, в том числе если иностранный гражданин в течение пяти лет, предшествовавших дню подачи заявления о выдаче вида на жительство, подвергался административному выдворению. В целом, однако, пункт 1 названной статьи общим образом определяет (в 13 подпунктах) разные основания как запрета выдавать вид на жительство (в будущем), так и его аннулирования (уже выданного), предусматривая среди них не только административное выдворение. В случае же административного выдворения применение этого общего правила обусловлено пятью годами, предшествующими заявлению о выдаче вида на жительство. Тем самым оно относится к отказу в выдаче, а не к аннулированию вида на жительство, поскольку аннулировать можно лишь уже выданный, а не будущий вид на жительство. Это правило относится к лицам, которые уже подверглись административному выдворению и затем (до истечения или по прошествии пятилетнего срока) обратились за видом на жительство (первично или повторно). Следовательно, оно не образует нормативных оснований аннулирования вида на жительство.

Аннулирование вида на жительство прямо предусмотрено при неоднократном (два и более раза) в течение одного года привлечении лица к административной ответственности за

нарушение режима пребывания (проживания) иностранных граждан, что следует из подпункта 7 пункта 1 статьи 9 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Однократное же нарушение режима пребывания (проживания) не влечет, согласно этим правилам, аннулирования вида на жительство.

Изложенного достаточно, чтобы заключить: названные законоположения, определяющие основания и последствия административного выдворения, ограничения права на въезд и аннулирования вида на жительство, формально оставляют выдворяемому лицу право постоянного проживания по виду на жительство, но в действительности исключают пользование этим правом, что противоречит Конституции Российской Федерации, ее статьям 1 (часть 1) и 19.

3.2. Кроме того, согласно пункту 2 статьи 9 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» ранее выданный вид на жительство аннулируется в случае принятия решения о неразрешении иностранному гражданину въезда в Россию, из чего следует, что его аннулирование наступает по специально (отдельно) принятому решению о неразрешении на въезд. Определяя таким образом формальное основание аннулирования вида на жительство, названная статья не позволяет связать его непосредственно с фактом административного выдворения, как и с назначением этого административного наказания.

В силу же подпункта 2 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» иностранному гражданину не разрешается, с одной стороны, въезд в Россию в течение пяти лет со дня административного выдворения, что обуславливает это ограничение состоявшимся фактом административного выдворения. С другой стороны, часть третья статьи 25¹⁰ данного Федерального закона называет основанием того же ограничения права на въезд решение, принятое, впрочем, по основаниям, поименованным все-таки в части первой его статьи 27. Это значит, что ограничение на въезд хотя и обусловлено постановлением суда об административном выдворении, но наступает не само по себе (в силу закона), а лишь если принято решение о неразрешении иностранному гражданину въезда в Россию.

В отличие от постановлений суда о назначении административного выдворения эти решения выносят органы МВД, ФСБ, Минобороны, СВР, ФМС, ФСКН, МИД, ФСИН и ФТС России, поименованные в перечне, утвержденном постановлением Правительства Российской Федерации от 14 января 2015 года № 12. Для их принятия установлен иной порядок, нежели производство по делу об административном правонарушении, а именно Правила принятия решения о неразрешении въезда в Российскую Федерацию в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства, утвержденные тем же постановлением. По этим Правилам решение должно быть принято в течение месяца со дня выявления соответствующих обстоятельств (пункт 2) при соблюдении установленного порядка рассмотрения материалов (пункт 8), с извещением (но без вызова) иностранного гражданина в срок не более трех рабочих дней под роспись по месту его пребывания (в России), кроме случаев, когда это место нельзя установить (пункт 5).

Такое решение непосредственно и обязывает выехать иностранного гражданина; оно и влечет депортацию, если тот не покинет Россию в установленный решением срок, как это предусмотрено частями пятой и шестой статьи 25¹⁰ Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию». Следовательно, часть третья названной статьи и связанные с нею правила определяют основание ограничения права на въезд в Россию иначе, чем подпункт 2 части первой статьи 27 того же Федерального закона, который связывает ограничение на въезд с фактом административного выдворения, исчисляя со дня выдворения пятилетний срок этого ограничения.

Тем самым часть 3 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации, предполагая свое применение во взаимосвязи с частью первой статьи 27 названного Федерального закона и не исключая той же взаимосвязи с частью третьей его статьи 25¹⁰, создает неопределенность в том, какие именно последствия для права на въезд в Российскую Федерацию влечет назначение иностранному гражданину административного выдворения. Остается в итоге неясным: само ли административное выдворение влечет пятилетний запрет на въезд в Российскую Федерацию, или постановление суда о назначении этого наказания, или же

специальное решение за рамками производства по делу об административном правонарушении, которое выносит не суд, но которое связано с постановлением суда об административном выдворении? Эти последствия неопределенны тем более, когда иностранный гражданин, исполняя наказание в виде административного выдворения, сам выезжает из России, а решение о неразрешении ему въезда в месячный срок не принято или он об этом решении не извещен. Такие неопределенности позволяют произвольно решать судьбу мигранта по административному усмотрению, не исключая нечестных выгод. Они ставят под вопрос саму возможность назначения адми-

нистративного выдворения, во всяком случае иностранным гражданам с видом на жительство, до тех пор пока не согласованы между собою правила, определяющие его последствия.

Ввиду изложенного, как и несовместимости административного выдворения иностранного гражданина с его действующим российским видом на жительство, взаимосвязанные положения части 3 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации и подпункта 2 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» противоречат статьям 1 (часть 1) и 19 Конституции Российской Федерации.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

14 января
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 3-О

по запросу Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда о проверке конституционности части 2 статьи 117 и части 2 статьи 259 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи Г. А. Жилина, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение запроса Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда,

у с т а н о в и л :

1. В соответствии с Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации арбитражный суд восстанавливает пропущенный процессуальный срок, если признает причины пропуска уважительными и если не истекли предусмотренные статьями 259, 276, 291², 308¹ и 312 данного Кодекса предельные допустимые сроки для восстановления (часть 2 статьи 117); срок подачи апелляционной жалобы, пропущенный по причинам, не зависящим от лица, обратившегося с такой жалобой, в том числе в связи с отсутствием у него сведений об обжалуемом судебном акте, по ходатайству указанного лица может быть восстановлен арбитражным судом апелляционной инстанции при условии, что ходатайство подано не позднее чем через шесть месяцев со дня принятия решения или, если ходатайство подано лицом, указанным в статье 42 данного Кодекса, со дня, когда это лицо узнало или должно было узнать о нарушении его прав и законных интересов обжалуемым судебным актом (часть 2 статьи 259).

Решением Арбитражного суда Краснодарского края от 18 февраля 2015 года удовлетворены искивые требования ООО «ЮНК-Агропродукт» к АО «Кропоткинское объединенное предприятие «Стройиндустрия» об установлении права ограниченного пользования земельным участком (сервитут).

Не согласившись с указанным решением, ответчик 24 марта 2015 года подал апелляционную жалобу, одновременно заявив ходатайство о восстановлении пропущенного срока на подачу апелляционной жалобы, в обоснование которого, в частности, указал на то, что полный текст обжалуемого решения не был получен им по почте, а на официальном сайте арбитражного суда указанное решение было опубликовано только 25 февраля 2015 года, что не позволило ему своевременно обратиться с апелляционной жалобой.

Определением судьи Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 апреля 2015 года срок на подачу АО «Кропоткинское объединенное предприятие «Стройиндустрия» апелляционной жалобы был восстановлен,

и она была принята к производству. Однако определением того же суда в коллегиальном составе от 29 мая 2015 года, несмотря на наличие судебного акта о восстановлении срока, производство по данной жалобе было прекращено в связи с отсутствием уважительных причин пропуска ответчиком срока на обжалование решения арбитражного суда в апелляционном порядке.

Постановлением Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 24 июля 2015 года определение Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29 мая 2015 года отменено из-за существенных нарушений норм процессуального права при прекращении производства по апелляционной жалобе и дело направлено для рассмотрения апелляционной жалобы по существу.

В ходе повторного рассмотрения апелляционной жалобы Пятнадцатый арбитражный апелляционный суд приостановил производство по делу и направил в Конституционный Суд Российской Федерации запрос о проверке конституционности части 2 статьи 117 и части 2 статьи 259 АПК Российской Федерации.

По мнению заявителя, указанные законоположения в толковании, придаваемом им правоприменительной практикой арбитражных судов, противоречат статьям 19 (часть 1) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации, поскольку обязывают восстанавливать пропущенный процессуальный срок на подачу апелляционной жалобы при несвоевременном опубликовании судебного акта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» без учета того, отсутствовала ли у заявителя реальная возможность подать жалобу в установленный законом срок.

2. Согласно Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина как высшая ценность являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием (статьи 2 и 18); каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод (статья 46, часть 1).

Как следует из статьи 46 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 19 (часть 1), 47 (часть 1) и 123 (часть 3), право на судебную защиту предполагает конкретные гарантии эффективного восстановления в правах на основе законодательно закрепленных критериев, которые в нормативной форме (в виде общего правила) предопределяют, в каком суде и в какой процедуре подлежит рассмотрению конкретное дело, что позволяет суду (судье), сторонам, другим участникам процесса, а также иным заинтересованным лицам избежать правовой неопределенности в этом вопросе. Поскольку в рамках защиты нарушенных прав и свобод возможно обжалование в суде решений и действий (бездействия) любых государственных органов, включая судебные, необходимым элементом нормативного содержания данного конституционного права является пересмотр ошибочного судебного акта (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1996 года № 4-П, от 3 февраля 1998 года № 5-П, от 20 февраля 2006 года № 1-П, от 17 марта 2010 года № 6-П и др.).

С приведенными правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации согласуются положения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, в силу которых лица, участвующие в деле, а также иные лица вправе обжаловать в порядке апелляционного производства решение арбитражного суда первой инстанции, не вступившее в законную силу (часть 1 статьи 257) в течение месяца после принятия арбитражным судом первой инстанции обжалуемого решения (часть 1 статьи 259). При этом апелляционная жалоба, поданная по истечении установленного срока на обжалование, не рассматривается арбитражным судом и возвращается лицам, которыми она была подана (статья 115, пункт 3 части 1 статьи 264 АПК Российской Федерации).

Вместе с тем федеральный законодатель на основе баланса между принципами правовой определенности и справедливого судебного разбирательства, несовместимого с ошибочным судебным актом, при установлении порядка обжалования должен обеспечить реальную возможность участвующим в деле лицам воспользоваться правом на обжалование судебного решения. Соответственно, согласно установленным правилам производства по делам, относящимся к ведению арбитражных судов, датой принятия решения, с которой начинает исчисляться срок, предусмотренный для подачи апелляционной жалобы, считается дата изготовления решения в полном объеме, а не окончания судебного разбирательства (часть 2 статьи 176 АПК Российской Федерации), что позволяет заинтересованному лицу подготовить мотивированную апелляционную жалобу в установленный законом срок; копии судебного решения в пятидневный срок со дня его принятия направляются всем участвующим в деле лицам, в том числе не присутствовавшим в судебном заседании (части 1 и 2 статьи 177 АПК Российской Федерации). Тексты всех судебных актов арбитражных судов, за исключением текстов судебных актов, которые содержат сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законом тайну, размещаются в информационном ресурсе «Картотека арбитражных дел», автоматизированной системе «Банк решений арбитражных судов» в сети Интернет в полном объеме через 24 часа с момента их подписания в системе автоматизации судопроизводства (пункт 9.5 Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций), утвержденной постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2013 года № 100).

Гарантией для лиц, не реализовавших по уважительным причинам свое право на апелляционное обжалование решения арбитражного суда в установленный срок, является институт восстановления процессуальных сроков, правила которого закреплены во взаимосвязанных положениях части 2 статьи 117 и части 2 статьи 259 АПК Российской Федерации. При этом ходатайство о восстановлении срока подачи апелляционной жалобы рассматривается в судебном заседании одновременно с решением вопроса о принятии жалобы к производству судьей арбитражного суда апелляционной инстанции единолично, на которого закон возлагает обязанность дать оценку уважительности причин пропуска срока на основе всестороннего, полного, объективного и непосредственного исследования фактических обстоятельств дела в их совокупности (статья 71, часть 4 статьи 117, части 2, 3 и 4 статьи 259, часть 2 статьи 261 АПК Российской Федерации).

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях, вопрос о восстановлении пропущенного процессуального срока решается арбитражным судом в каждом конкретном случае на основе установления и исследования фактических обстоятельств дела в их совокупности в пределах предоставленной ему свободы усмотрения (определения от 20 октября 2011 года № 1368-О-О, от 25 января 2012 года № 169-О-О, от 17 февраля 2015 года № 378-О, от 16 июля 2015 года № 1766-О и др.).

В соответствии с приведенными положениями арбитражного процессуального законодательства и данной правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации должно применяться и разъяснение Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, содержащееся в пункте 30 его постановления от 25 декабря 2013 года № 99 «О процессуальных сроках», согласно которому несвоевременное размещение судом первой (апелляционной) инстанции судебного акта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» при наличии соответствующего ходатайства

заявителя является основанием для восстановления пропущенного срока на апелляционное (кассационное) обжалование.

Именно на такое его применение направлены и другие взаимосвязанные с ним положения указанного постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, ориентирующие суды на необходимость установления при допущении заявителем просрочки большей продолжительности по сравнению с просрочкой суда наличия у него достаточного промежутка времени для подготовки и подачи апелляционной (кассационной) жалобы в предусмотренный процессуальным законодательством срок (пункт 30), а также на оценку обоснованности доводов лица, настаивающего на восстановлении срока, в целях предотвращения злоупотреблений при обжаловании судебных актов и соблюдения баланса между принципом правовой определенности и правом на справедливое судебное разбирательство, предполагающим вынесение законного и обоснованного судебного решения, с тем чтобы восстановление пропущенного срока могло иметь место лишь в течение ограниченного разумными пределами периода и при наличии существенных объективных обстоятельств, не позволивших заинтересованному лицу, добывающемуся его восстановления, защитить свои права (пункт 32).

Как следует из представленных материалов, судья, действующий от имени арбитражного суда апелляционной инстанции (часть 5 статьи 17 АПК Российской Федерации) в соответствии с полномочиями, возложенными на него законом, определением восстановил пропущенный срок на подачу апелляционной жалобы, признав причины пропуска срока уважительными, и принял ее к производству. Однако в судебном заседании при рассмотрении апелляционной жалобы по существу, вопреки выводам суда, изложенным в данном судебном акте, апелляционная инстанция прекратила производство по апелляционной жалобе, признав причины пропуска срока на ее подачу неуважительными.

Отменяя соответствующее определение апелляционного суда о прекращении производства из-за существенных нарушений норм процессуального права, суд кассационной инстанции указал не только на позднее размещение обжалуемого решения суда первой инстанции в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», но и на изготовление данного решения с нарушением установленного законом срока, на отсутствие в материалах дела доказательств направления ответчику его копии, а также на то, что самим заявителем не была допущена просрочка большей продолжительности по сравнению с просрочкой суда.

Таким образом, неопределенность в вопросе о соответствии Конституции Российской Федерации части 2 статьи 117 и части 2 статьи 259 АПК Российской Федерации, подлежащих применению во взаимосвязи с другими нормами арбитражного процессуального законодательства и правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, в указанном заявителем аспекте отсутствует, а потому запрос Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда не может быть принят Конституционным Судом Российской Федерации к рассмотрению, как не соответствующий требованиям допустимости такого рода обращений в Конституционный Суд Российской Федерации, установленным статьей 36 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

определил:

1. Отказать в принятии к рассмотрению запроса Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда, поскольку он не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми такого рода обращения в Конституционный Суд Российской Федерации признаются допустимыми.
2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данному запросу окончательно и обжалованию не подлежит.
3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

15 января
2016 года,
город Санкт-
Петербург
№ 4-О

по жалобе гражданина Шефлера Юрия Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 постановления Государственной Думы от 2 июля 2013 года № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии»

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, заслушав заключение судьи А. И. Бойцова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина Ю. В. Шефлера,

установил:

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданин Ю. В. Шефлер оспаривает конституционность пункта 5 постановления Государственной Думы от 2 июля 2013 года № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии», который предписывает прекратить находящиеся в производстве органов дознания, предварительного следствия и суда уголовные дела о совершенных до дня вступления его в силу преступлениях, предусмотренных статьями 146, 147, 159¹, 159⁴, 171, 171¹, частью первой статьи 172, статьями 173¹, 173², 174, 174¹, 176, 177, частями первой и второй статьи 178, статьями 180, 181, 191, 192, 193, частями первой, второй и пунктом «а» части третьей статьи 194, статьями 195, 196, 197, 198, 199, 199¹ и 199² УК Российской Федерации, если лица, подозреваемые и обвиняемые в совершении указанных преступлений, выполнили обязательства по возврату имущества и (или) возмещению убытков потерпевшим.

Как следует из представленных материалов, в производстве старшего следователя Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации находится уголовное дело, возбужденное в отношении Ю. В. Шефлера по признакам предусмотренного частью третьей статьи 33 и частью третьей статьи 180 УК Российской Федерации преступления, выразившегося в незаконном использовании группой лиц в 2001–2002 годах чужих товарных знаков и причинившего, как видно из постановления от 21 сентября 2011 года о привлечении Ю. В. Шефлера в качестве обвиняемого, крупный ущерб в виде упущенной выгоды признанному потерпевшим по данному делу федеральному казенному предприятию «Союзплодоимпорт» на общую сумму 1 334 093 рубля 98 копеек.

В связи с изданием постановления Государственной Думы от 2 июля 2013 года № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии» стороной защиты, включая Ю. В. Шефлера, давшего согласие на прекращение его уголовного преследования вследствие акта об амнистии, дважды – 26 августа 2013 года и 26 сентября 2013 года – заявлялись о том ходатайства с приложением к ним документов, подтверждающих перечисление обвиняемым в счет возмещения причиненного им ущерба на банковский счет названного предприятия денежных средств в сумме 1 334 093 рубля 98 копеек по платежному поручению от 16 августа 2013 года. Однако в удовлетворении ходатайств следователь отказал по причине отсутствия сведений о согласии потерпевшего с перечислением на его счет указанной суммы в качестве полного возмещения убытков и ввиду получения обращения потерпевшего о том, что размер его убытков превышает сумму, указанную в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, исходя из чего следователь не усмотрел оснований для признания возмещенного ущерба идентичным имеющимся у потерпевшего убыткам (постановления от 4 сентября 2013 года и от 4 октября 2013 года).

27 сентября 2013 года потерпевшим заявлен гражданский иск, из которого следует, что общая сумма понесенных им убытков составляет 192 700 117 рублей 43 копейки. Как утверждается в жалобе Ю. В. Шефлера, сторона защиты была ознакомлена с исковым заявлением 2 декабря 2013 года; при этом в представленных материалах не содержится сведений о предъявлении ему каких-либо новых обвинений в причинении имущественного вреда, превышающего изначально указанный в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого.

Считая отказ в принятии решения о прекращении уголовного преследования обвиняемого незаконным и необоснованным, адвокаты Ю. В. Шефлера обжаловали его в суд в порядке, предусмотренном статьей 125 УПК Российской Федерации, однако постановлением судьи Басманного районного суда города Москвы от 26 января 2015 года, оставленным без изменения апелляционным постановлением Московского городского суда от 30 марта 2015 года, в удовлетворении жалобы отказано, поскольку обвиняемым на момент вынесения обжалуемого постановления следователя от 4 октября 2013 года не были возмещены в полном объеме причиненные потерпевшему убытки. В передаче кассационных жалоб на указанные судебные решения для рассмотрения в судебном заседании судов кассационной инстанции также было отказано (постановления судьи Московского городского суда от 24 июня 2015 года и судьи Верховного Суда Российской Федерации от 12 августа 2015 года).

Ю. В. Шефлер утверждает, что оспариваемое нормативное положение не соответствует статьям 1, 15, 17 и 18 Конституции Российской Федерации, поскольку по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, допускает увеличение размера ущерба (убытков), вменяемого обвиняемому

по уголовному делу, после опубликования акта об амнистии и (или) инициирования им процедуры применения амнистии.

2. В Российской Федерации как демократическом правовом государстве в целях регулирования и защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законности, правопорядка и общественной безопасности законодательно устанавливаются уголовно-правовые запреты общественно опасных деяний и наказание за их нарушение (статья 1, часть 1; статья 2; статья 55, часть 3; статья 71, пункты «в», «о»; статья 76, часть 1, Конституции Российской Федерации), что предполагает определение – исходя из предписаний уголовного закона и подтвержденных доказательств фактических обстоятельств конкретного дела – оснований для возложения на виновного уголовной ответственности либо оснований, позволяющих государству отказаться от уголовного преследования и реализации подлежащих применению или ранее примененных мер уголовно-правового воздействия. К числу таких оснований относится и амнистия, объявление которой, составляя конституционно закрепленное полномочие Государственной Думы (статья 103, пункт «ж» части 1, Конституции Российской Федерации), является по своей природе проявлением гуманизма по отношению к гражданам, преступившим уголовный закон, и влечет полное или частичное освобождение предусмотренных актом об амнистии категорий лиц от уголовной ответственности и (или) наказания.

Подчеркивая особую конституционную природу актов об амнистии, подлежащих в форму постановлений, Конституционный Суд Российской Федерации вместе с тем констатировал, что амнистия представляет собой правовой институт, единая нормативная основа которого образуется, с одной стороны, уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными нормами, рассматриваемыми амнистию в качестве основания освобождения от уголовной ответственности и ее последствий, а с другой – соответствующим постановлением Государственной Думы, которое определяет предпосылки такого освобождения и без которого, следовательно, не могут применяться указанные нормы; это единый комплекс норм, юридическая сила которых реализуется только путем их применения в совокупности (Постановление от 5 июля 2001 года № 11-П).

Таким образом, регулирование амнистии является частью обеспечиваемой в том числе уголовным законом регламентации отношений между государством, на которое возложено уголовное преследование, выступающее одной из форм реализации государством своей обязанности по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, охране других конституционно значимых ценностей в тех случаях, когда эти ценности становятся объектом преступного посягательства, и гражданами, подвергаемыми уголовной ответственности и наказанию в предусмотренных формах и пределах либо освобождаемыми от них при наличии законодательно закрепленных оснований и условий. При этом, по смыслу правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, изложенных в ряде его решений, правовое регулирование и осуществление амнистии, ее материально-правовые и процедурные правила – как межотраслевого института, включающего в себя нормы конституционного, уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права, – во всяком случае должны основываться на принципах правового государства и верховенства Конституции Российской Федерации, предопределяющих на основе требований справедливости и равенства необходимость баланса конституционно значимых ценностей, публичных и частных интересов, прав и законных интересов участников соответствующих правоотношений, а также запрет произвола, связанность реализующих амнистию органов государственной

власти законом и ответственность государства за неправомерные, в том числе ошибочные, действия его органов и должностных лиц (постановления от 5 июля 2001 года № 11-П и от 24 апреля 2003 года № 7-П; определения от 18 января 2005 года № 11-О, от 18 сентября 2014 года № 1828-О, от 24 марта 2015 года № 704-О и др.).

Соответственно, возникающие коллизии законного интереса потерпевшего в возмещении причиненного преступлением ущерба и законного ожидания подозреваемого или обвиняемого в наступлении положительного правового эффекта, т. е. амнистии, в случае возмещения ущерба, если таковое является обязательным условием применения акта об амнистии, во всяком случае не могут преодолеваться вне установленных Конституцией Российской Федерации и отраслевым законодательством рамок, обеспечивающих заинтересованным в исходе дела участникам уголовного судопроизводства защиту, в том числе судебную, принадлежащих им прав.

3. В уголовно-правовой сфере основанием уголовной ответственности выступает, согласно статье 8 УК Российской Федерации, совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного данным Кодексом. Общественно опасное последствие совершенного преступления в виде определенного в количественном (стоимостном) выражении имущественного вреда, который был им причинен или на причинение которого был направлен умысел виновного (в зависимости от конструкции его состава – материального или формального), может входить в число закрепленных диспозицией соответствующей статьи Особенной части УК Российской Федерации признаков, установление которых служит предпосылкой для правильной квалификации содеянного, в том числе по ее части, предусматривающей более строгую санкцию, либо такое последствие признается обстоятельством, отягчающим наказание (пункт «б» части первой статьи 63 данного Кодекса), не оказывая влияния на квалификацию самого деяния.

Осуществление уголовного преследования от имени государства по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения прокурором, а также следователем и дознавателем (часть первая статьи 21 УПК Российской Федерации) обязывает их к точному установлению причиненного преступлением ущерба, как того требует часть первая статьи 73 УПК Российской Федерации, которая прямо относит к числу подлежащих доказыванию обстоятельств наряду с событием преступления (пункт 1) характер и размер причиненного им вреда (пункт 4), обеспечивая тем самым не только правильную квалификацию содеянного и назначение справедливого наказания, но и доказывание предмета заявленного по уголовному делу гражданского иска о возмещении причиненного преступлением вреда.

3.1. Обязанность возместить причиненный вред является, как правило, мерой гражданско-правовой ответственности, которая применяется к причинителю вреда при наличии состава правонарушения, включающего наступление вреда, противоправность поведения причинителя вреда, причинную связь между противоправным поведением причинителя вреда и наступлением вреда, а также его вину (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июля 2009 года № 13-П и от 7 апреля 2015 года № 7-П). Применительно к отношениям по поводу возмещения имущественного вреда – как имеющим частноправовой характер – это означает, что их правовое регулирование должно обеспечиваться, главным образом, в рамках гражданского законодательства за счет присущего ему правового инструментария. Однако в силу публичного характера уголовного процесса обязательства по возврату имущества и (или) возмещению убытков потерпевшим непосредственно вытекают из факта совершения преступления,

являющегося предметом разбирательства в уголовном деле, и потому неразрывно связаны с предъявленным обвинением.

Определяя способы возмещения вреда ответственным за его причинение лицом, статья 1082 ГК Российской Федерации предусматривает, что, удовлетворяя требование о возмещении вреда, суд в соответствии с обстоятельствами дела обязывает такое лицо возместить вред в натуре (предоставить вещь того же рода и качества, исправить поврежденную вещь и т. п.) или возместить причиненные убытки, прямо отсылая при этом к общей норме о возмещении убытков (пункт 2 статьи 15 данного Кодекса), согласно которой под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

Аналогичным пониманием ущерба руководствуется судебная практика и применительно к уголовному судопроизводству, следуя данному в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2007 года № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» разъяснению о том, что при установлении размера причиненного преступлением ущерба суды должны исходить из обстоятельств каждого конкретного дела (например, из наличия и размера реального ущерба, размера упущенной выгоды, размера доходов, полученных лицом в результате нарушения им прав на результаты интеллектуальной деятельности или на средства индивидуализации), учитывая при этом положения статьи 15 ГК Российской Федерации, в соответствии с которой если лицо, нарушившее право, получило вследствие этого доходы, то лицо, право которого нарушено, вправе требовать возмещения наряду с другими убытками упущенной выгоды в размере не меньшем, чем такие доходы (пункт 24).

3.2. Отказываясь от уголовного преследования отдельных категорий лиц посредством издания акта об амнистии, государство не освобождается от необходимости гарантировать защиту прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступных посягательств, обеспечивая всем потерпевшим в равной степени и независимо от того, было ли государством реализовано его правомочие по осуществлению уголовного преследования или же оно отказалось от этого, издав акт об амнистии, процессуальные гарантии осуществления прав на доступ к правосудию и компенсацию причиненного преступлением ущерба (статья 45, часть 2; статья 46, часть 1; статья 52 Конституции Российской Федерации) (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2003 года № 7-П). Для достижения этих целей Государственная Дума, принимая решение об объявлении амнистии, вправе определить условия ее применения, к которым может быть отнесена обязанность лица, совершившего преступление, возместить причиненный этим преступлением вред (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 24 марта 2015 года № 704-О и от 16 июля 2015 года № 1608-О).

Поскольку же амнистия, как следует из части второй статьи 84 УК Российской Федерации, предполагает различные виды смягчения положения лиц в зависимости от стадии реализации уголовной ответственности, на которой она применяется, включая прекращение уголовного преследования на основании пункта 3 части первой и части второй статьи 27 УПК Российской Федерации, если обвиняемый против этого не возражает, постановле-

нием Государственной Думы от 2 июля 2013 года № 2562-6 ГД «О порядке применения постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации “Об объявлении амнистии”» применение акта об амнистии в отношении подозреваемых и обвиняемых, дела и материалы о преступлениях которых находятся в производстве органов дознания и органов предварительного следствия, возложено на эти органы (подпункт 2 пункта 1); решение о применении акта об амнистии принимается в отношении каждого лица индивидуально; при отсутствии необходимых сведений об этом лице рассмотрение вопроса о применении акта об амнистии откладывается до получения дополнительных документов; учреждения и органы, на которые возложено исполнение постановления об амнистии, вправе запрашивать у соответствующих учреждений документы, необходимые для принятия решения о применении акта об амнистии, и такие запросы исполняются незамедлительно (пункт 3).

Наделение следователя полномочием по прекращению уголовного преследования вследствие акта об амнистии под условием выполнения подозреваемыми и обвиняемыми в совершении соответствующих преступлений обязательств по возврату имущества и (или) возмещению убытков потерпевшим предопределяет и его обязанность в каждом таком случае проверить в рамках процедуры, гарантирующей соблюдение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, надлежащее выполнение данного условия.

Вместе с тем отсутствие у потерпевшего по делам публичного и частно-публичного обвинения права предопределять необходимость осуществления уголовного преследования в отношении того или иного лица, а также пределы возлагаемой на это лицо уголовной ответственности само по себе не может расцениваться как основание для его отстранения от решения иных вопросов по уголовному делу: потерпевшему должна быть предоставлена возможность отстаивать свою позицию по существу рассматриваемых вопросов, что предполагает его право доказывать, в том числе перед судом, отсутствие оснований для прекращения уголовного дела и незаконность применения акта об амнистии (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 28 октября 1996 года № 18-П, от 24 апреля 2003 года № 7-П и др.).

Таким образом, несмотря на то что получение следователем сведений, подтверждающих факт возмещения причиненного преступлением ущерба в установленном им размере, не является препятствием для реализации потерпевшим, подвергнувшим сомнению правильность произведенного расчета, права довести до следователя свою позицию относительно суммы понесенных им убытков, определение действительного размера ущерба не может ограничиваться выяснением мнения потерпевшего. Доказывание в рамках досудебного производства по уголовному делу характера и размера вреда как последствия совершенного преступления составляет прерогативу следователя, который уполномочен при осуществлении уголовного преследования — как носитель публичной по своей природе функции — самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий (пункт 3 части второй статьи 38 УПК Российской Федерации), а потому не должен быть ограничен в независимом установлении и профессиональной оценке на основе имеющихся в уголовном деле доказательств тех или иных фактических обстоятельств, свидетельствующих об обоснованности либо, напротив, необоснованности притязаний потерпевшего, а значит, и о наличии или отсутствии оснований для прекращения производства по делу в связи с применением акта об амнистии, когда она ставится в зависимость от возмещения убыт-

ков потерпевшему. В противном случае, вопреки конституционному предписанию, исключаящему обязанность обвиняемого доказывать свою невиновность (статья 49, часть 2, Конституции Российской Федерации), а также в противоречие с требованием закона, возлагающего бремя доказывания обвинения на сторону обвинения (часть вторая статьи 14 УПК Российской Федерации), опровержение доводов потерпевшего о превышении его убытками величины, установленной органами предварительного расследования, ложилось бы на привлекаемое к уголовной ответственности лицо — притом что ни оспариваемое нормативное положение, ни корреспондирующие ему нормы уголовного и уголовно-процессуального законов, в системной связи с которыми оно действует, не связывают применение амнистии с необходимостью получения согласия потерпевшего на возмещение его убытков в размере, определенном лишь им самим, не ставя, таким образом, возможность прекращения уголовного преследования в исключительную зависимость от такого согласия.

3.3. В случае если в распоряжении органа предварительного расследования появляются данные о том, что действительный размер причиненного преступлением ущерба, который является признаком объективной стороны состава преступления, превышает положенный в основу обвинения, то — по смыслу взаимосвязанных положений пункта 4 части первой статьи 73, статей 171, 172 и 175 УПК Российской Федерации — он не лишен возможности и обязан принять меры к их проверке, установлению подлинного размера ущерба, изменению предъявленного обвинения на основе вновь собранных доказательств, официально закреплению новой оценки размера ущерба в соответствующих процессуальных документах и предъявлению их обвиняемому.

Соответственно, решая вопрос о возможности применения акта об амнистии к лицу, имеющему официально подтвержденный статус подозреваемого, обвиняемого, публичный орган уголовного преследования должен исходить из суммы причиненного преступлением ущерба, установленной им и включенной в официальное обвинение, которое, имея под собой доказательственную базу в отношении конкретного деяния, делает амнистию, обусловленную возмещением убытков, юридически оправданной.

Стороны же, не согласные с оценкой указанным органом степени возмещения ущерба, вправе оспорить принятое им решение, которое должно быть законным, обоснованным и мотивированным (часть четвертая статьи 7 УПК Российской Федерации), в судебном порядке, предусмотренном для обжалования решений таких органов, правомочных применять акт об амнистии, как органы предварительного расследования (статья 125, главы 45¹, 47¹ и 48¹ УПК Российской Федерации). Тем самым лицам, заинтересованным в исходе дела, обеспечивается судебная защита их прав и законных интересов в рамках уголовного судопроизводства.

3.4. Потерпевшему по уголовному делу, прекращенному в силу амнистии до постановления обвинительного приговора, должны быть обеспечены — с учетом универсальных принципов справедливости и равенства, а также гарантированных Конституцией Российской Федерации прав на доступ к правосудию и компенсацию причиненного преступлением ущерба (статьи 17, 19, 46 и 52) — эффективные механизмы восстановления нарушенных прав в той же степени, в какой они предоставляются потерпевшим по делам, по которым акт об амнистии применяется после вынесения приговора или не подлежит применению.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, право на защиту в гражданском судопроизводстве прав и законных интересов лиц, пострадавших в результате преступления, во всяком случае сохраняется при

прекращении производства по уголовному делу в связи с применением акта об амнистии (Постановление от 24 апреля 2003 года № 7-П). Такой вывод подтверждается и позицией Европейского Суда по правам человека, который исходит из того, что осуждение обвиняемого не является одним из условий, необходимых для рассмотрения гражданского иска о возмещении вреда, вытекающего из общих с уголовным делом обстоятельств, и, следовательно, не исключает его гражданско-правовой ответственности, основанной на тех же фактах (постановление от 11 февраля 2003 года по делу «Рингвольд (*Ringvold*) против Норвегии»). Соответственно, в случае возникновения законных оснований для взыскания с подозреваемого, обвиняемого по уголовному делу иных, не установленных органом предварительного расследования убытков потерпевший даже в случае прекращения уголовного преследования вследствие применения акта об амнистии на стадии досудебного производства по делу не лишен права обратиться с иском о возмещении причиненного ему вреда, включая упущенную выгоду (если таковая имеется), в порядке гражданского судопроизводства.

Поскольку же упущенная выгода представляет собой – по смыслу статьи 15 ГК Российской Федерации – неполученный доход, на который увеличилась бы имущественная масса лица, чье право нарушено, если бы нарушения не было, Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил в постановлении от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», что при разрешении споров, связанных с возмещением упущенной выгоды, следует принимать во внимание, что ее расчет, предоставленный истцом, как правило, является приблизительным и носит вероятностный характер; это обстоятельство само по себе не может служить основанием для отказа в иске; если лицо, нарушившее право, получило вследствие этого доходы, лицо, право которого нарушено, вправе требовать возмещения наряду с другими убытками упущенной выгоды в размере не меньшем, чем такие доходы (пункт 14). Тем самым возмещение убытков в рамках гражданского судопроизводства предполагает возможность уточнения судом их размера, на что указывал и Конституционный Суд Российской Федерации, отмечая, что суд, рассматривающий соответствующее гражданское дело, не может быть связан решением о прекращении производства, принятым органом предварительного расследования в части определения размера причиненного преступлением ущерба, и должен основывать свое решение на собственном исследовании обстоятельств дела; судебная же оценка в гражданском деле материально-правовых оснований возмещения такого ущерба не может ограничиваться ссылкой на выводы осуществлявших уголовное преследование органов, изложенные в постановлениях о прекращении уголовного дела вследствие амнистии, в случае несогласия с ними потерпевшего (Определение от 18 января 2005 года № 11-О).

4. Таким образом, пункт 5 постановления Государственной Думы от 2 июля 2013 года № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии» – как по его буквальному смыслу, так и в системном единстве с базовыми для него положениями уголовного и уголовно-процессуального законов, образующими с ним единую нормативно-правовую основу института амнистии, – не содержит неопределенности, не предполагает, вопреки доводам жалобы, возможность произвольного увеличения объема подлежащих возмещению убытков потерпевшего и, следовательно, не может расцениваться как нарушающий конституционные права заявителя в обозначенном им аспекте.

Оценка же фактических обстоятельств конкретного дела Ю. В. Шефлера, проверка законности и обоснованности состоявшихся в нем правоприменительных решений, установление действительного объема его обяза-

тельств по возврату имущества и (или) возмещению убытков, к чему, по сути, сводятся доводы его жалобы, к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, закрепленной в статье 125 Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не относятся.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

определил:

1. Признать жалобу гражданина Шефлера Юрия Викторовича не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

14 января
2016 года,
город Санкт-
Петербург
№ 13-О

по жалобе гражданина Петрова Максима Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой и подпунктом «б» пункта 2 части четвертой статьи 413, частью пятой статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи Н. В. Мельникова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина М. В. Петрова,

у с т а н о в и л :

1. Приговором Санкт-Петербургского городского суда от 21 ноября 2003 года гражданин М. В. Петров признан виновным в совершении ряда тяжких и особо тяжких преступлений и приговорен к пожизненному лишению свободы. Отбывая наказание, он обратился в Европейский Суд по правам человека, который постановлением от 6 ноября 2012 года признал имевшими место нарушения Российской Федерацией статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, поскольку условия содержания М. В. Петрова под стражей в следственном изоляторе и при его транспортировке были бесчеловечными и унижающими достоинство, а также пункта 2 ее статьи 6 ввиду того, что до вынесения приговора по уголовному делу М. В. Петрова в печатных средствах массовой информации было опубликовано интервью с сотрудниками органа внутренних дел, давшими комментарии по существу выдвинутых против него обвинений и в утвердительной форме заявившими о совершении им преступлений, чем была нарушена презумпция невиновности.

В октябре 2014 года и январе 2015 года М. В. Петров обращался к Председателю Верховного Суда Российской Федерации с просьбой о внесении в порядке части пятой статьи 415 УПК Российской Федерации представления в Президиум Верховного Суда Российской Федерации на основании пункта 2 части четвертой статьи 413 данного Кодекса с целью отмены судебных решений по его уголовному делу во исполнение названного постановления Европейского Суда по правам человека. Однако эти обращения были оставлены без удовлетворения со ссылкой на то, что установленные Европейским Судом по правам человека нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод не влекут необходимости внесения Председателем Верховного Суда Российской Федерации представления о возобновлении производства по уголовному делу (письма судей Верховного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2014 года и от 5 февраля 2015 года).

В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации М. В. Петров утверждает, что часть первая и подпункт «б» пункта 2 части четвертой статьи 413, часть пятая статьи 415 УПК Российской Федерации не соответствуют Конституции Российской Федерации, в том числе ее статьям 21, 49 (часть 1), 50 (часть 2) и 56 (часть 3), поскольку не обязывают Председателя Верховного Суда Российской Федерации вносить представление в Президиум Верховного Суда Российской Федерации на основании постановления Европейского Суда по правам человека, установившего нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при производстве по уголовному делу, и не определяют конкретный срок для внесения такого представления.

2. Конституция Российской Федерации, относя общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации к ее правовой системе (статья 15, часть 4) и гарантируя каждому судебную защиту его прав и свобод (статья 46, часть 1), в том числе право осужденного за преступление на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом (статья 50, часть 3), закрепляет и право каждого в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты (статья 46, часть 3).

Ратифицируя Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, Российская Федерация признала юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвен-

ции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации (Федеральный закон от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ). Таким образом, как и Конвенция о защите прав человека и основных свобод, решения Европейского Суда по правам человека – в той части, в какой ими, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права, дается толкование содержания закрепленных в Конвенции прав и свобод, включая право на доступ к суду и справедливое правосудие, – являются составной частью российской правовой системы, а потому должны учитываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 года № 2-П). В частности, поскольку национальный судебный акт не подлежит пересмотру в системе международной юрисдикции, принятое государством обязательство исполнять окончательные постановления Европейского Суда по правам человека, в том числе констатирующие такие нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, для устранения которых требуется отмена судебных актов, вынесенных в рамках национальной юрисдикции, обуславливает введение в национальном законодательстве механизма восстановления прав заинтересованных лиц в случае, если эти права не могут быть восстановлены путем присуждения и выплаты одной лишь денежной компенсации (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2010 года № 4-П, Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2011 года № 853-О-О).

В Постановлении от 26 февраля 2010 года № 4-П Конституционный Суд Российской Федерации указал, что отрицание процессуальных возможностей по пересмотру дела для лиц, по делам которых судами были допущены нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, выявленные Европейским Судом по правам человека, означало бы существенное ограничение права на судебную защиту, противоречило бы конституционным принципам равенства, приоритета международных договоров Российской Федерации в ее правовой системе, а также конституционным целям судопроизводства, исключая признание его процедур эффективным средством защиты нарушенных прав. Формулируя данный вывод, Конституционный Суд Российской Федерации исходил из того, что конституционное право на судебную защиту как основное, неотчуждаемое право человека, выступающее гарантией реализации всех других прав и свобод, – это не только право на обращение в суд, но и право на восстановление нарушенных прав и свобод посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости, а потому отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебный акт не согласуется с универсальным правилом эффективного восстановления в правах, умаляет и ограничивает право на судебную защиту.

3. Устанавливая правила пересмотра судами, в том числе в связи с решением Европейского Суда по правам человека, вступивших в законную силу судебных актов, федеральный законодатель должен учитывать, что институциональные и процедурные условия пересмотра ошибочных судебных актов во всяком случае должны отвечать требованиям процессуальной экономии в использовании средств судебной защиты, прозрачности осуществления правосудия, исключать затягивание или необоснованное возобновление судебного разбирательства и тем самым обеспечивать справедливость судебного решения и вместе с тем правовую определенность, включая признание законной силы судебных решений, их неопровержимости (*res judicata*), без

чего недостижим баланс публично- и частноправовых интересов (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1996 года № 4-П, от 3 февраля 1998 года № 5-П, от 5 февраля 2007 года № 2-П и др.).

Европейский Суд по правам человека также исходит из того, что отступления от принципа правовой определенности, на котором в том числе основана Конвенция о защите прав человека и основных свобод и который в качестве общего правила утверждает неопровержимость окончательного судебного решения, могут быть оправданы лишь обстоятельствами существенного и непреодолимого характера, такими как необходимость устранения фундаментальных ошибок, в частности допущенных вследствие ненадлежащего отправления правосудия (постановления от 28 октября 1999 года по делу «Брумареску (*Brumarescu*) против Румынии», от 24 июля 2003 года по делу «Рябых против России», от 18 января 2007 года по делу «Кот против России» и от 31 июля 2008 года по делу «Проценко против России»); конкретные средства, с помощью которых в рамках национальной правовой системы будет исполняться возлагаемое на государство-ответчика в соответствии со статьей 46 Конвенции правовое обязательство, избираются обычно самим государством-ответчиком при условии, что эти средства будут совместимы с выводами, содержащимися в соответствующем постановлении Европейского Суда по правам человека (постановления от 13 июля 2000 года по делу «Скоццари и Джунта (*Scozzari & Giunta*) против Италии», от 30 июня 2005 года по делу «Ян (*Jahn*) и другие против Германии», от 29 марта 2006 года по делу «Скордино (*Scordino*) против Италии» (№ 1), от 3 июля 2008 года по делу «Мусаева против России» и от 3 июля 2008 года по делу «Руслан Умаров против России»).

Комитет Министров Совета Европы в Рекомендации от 19 января 2000 года R (2000) 2 о пересмотре дел и возобновлении производства по делу на внутригосударственном уровне в связи с решениями Европейского Суда по правам человека, основывающейся на истолковании положений статьи 46 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, признавая обязанность государства-ответчика осуществлять меры, обеспечивающие, насколько возможно, восстановление той ситуации, в которой лицо находилось до нарушения государством Конвенции (*restitutio in integrum*), в том числе предусматривать в своей правовой системе адекватные возможности для пересмотра дел, включая возобновление производства по делу в тех инстанциях, в которых допущено нарушение, тем не менее отмечает, что основанием для пересмотра судебного акта является не всякое установленное Европейским Судом по правам человека нарушение Конвенции, и подчеркивает его необходимость именно в том случае, когда потерпевшая сторона продолжает испытывать влияние негативных последствий от решения национальной инстанции, которое не обеспечивает справедливой компенсации и не может быть изменено путем пересмотра или возобновления производства по делу (в не связанных с решением Европейского Суда по правам человека процедурах), притом что решение национальной инстанции по существу противоречит Конвенции либо признанное нарушение основывается на процедурных ошибках или нарушениях, столь серьезных, что они оказывают влияние на результаты внутригосударственного разбирательства.

Таким образом, по смыслу Конституции Российской Федерации, норм международного права, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека, принятое государством обязательство исполнять окончательные постановления Европейского Суда по правам человека, в том числе констатирующие нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в случае, если нарушенное право не может быть восстановлено путем присуждения и вы-

платы денежной компенсации и для устранения нарушения требуется преодоление окончательности судебного акта, вступившего в законную силу, институциональные и процедурные условия его пересмотра — учитывая конституционное и международно-правовое требование стабильности актов правосудия — должны исключать возможность безосновательного возобновления судебного разбирательства, не вытекающего из выводов, содержащихся в соответствующем решении Европейского Суда по правам человека, которым хотя и признано нарушение Конвенции в отношении заявителя, но не связанное с самим судебным разбирательством и не повлиявшее на исход дела. Следовательно, процедура исполнения в уголовном судопроизводстве таких решений Европейского Суда по правам человека должна позволять устанавливать наличие или отсутствие связи между признанным нарушением Конвенции и исходом судебного разбирательства, а также определять необходимость пересмотра вступившего в законную силу приговора суда как одного из средств восстановления нарушенных прав и свобод гражданина, обратившегося в Европейский Суд по правам человека.

4. Статья 50 (часть 3) Конституции Российской Федерации, прямо не предоставляя осужденному право на пересмотр вынесенного в отношении него приговора после его вступления в законную силу, не исключает, однако, — исходя из конституционных целей и ценностей, общепризнанных принципов и норм международного права и международных обязательств Российской Федерации — наличия дополнительных процессуальных способов проверки судебных решений, вступивших в законную силу, что предполагает определение системы и полномочий соответствующих судебных инстанций, последовательности и процедуры обжалования, а также оснований отмены таких решений (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2010 года № 4-П). Так, согласно части первой статьи 413 УПК Российской Федерации вступившие в законную силу приговор, определение и постановление суда могут быть отменены и производство по уголовному делу возобновлено ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, что согласуется со статьей 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, допускающей повторное рассмотрение уголовного дела, в рамках которого лицо было окончательно оправдано или осуждено, если есть сведения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах либо если в ходе предыдущего разбирательства допущены существенные нарушения, повлиявшие на исход дела.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации новым обстоятельством признает, в частности, установленное Европейским Судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела (пункт 2 части четвертой статьи 413). Часть пятая статьи 415 данного Кодекса в развитие приведенной нормы установила процедуру принятия решения о пересмотре приговора, определения или постановления суда по указанному обстоятельству: Президиум Верховного Суда Российской Федерации по представлению Председателя Верховного Суда Российской Федерации не позднее одного месяца со дня поступления представления отменяет или изменяет судебные решения по уголовному делу в соответствии с постановлением Европейского Суда по правам человека.

Определение наличия оснований для внесения данного представления Председателем Верховного Суда Российской Федерации в Президиум Верховного Суда Российской Федерации — с тем чтобы пересмотр уголовного дела был адекватным и эффективным средством восстановления нарушенных прав и свобод — является элементом процедуры принятия решения о таком пересмотре и носит, по существу, характер процессуального акта, на

который в полной мере распространяется требование части четвертой статьи 7 УПК Российской Федерации о законности, обоснованности и мотивированности судебного решения. Поэтому в случае, если установленное нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод привело, в частности, к неправомерности приговора как итогового решения по уголовному делу вследствие судебной ошибки, допущенной при рассмотрении дела и влияющей на существо приговора, а значит, требует его пересмотра (изменения или отмены), внесение соответствующего представления является обязанностью Председателя Верховного Суда Российской Федерации.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации, основываясь на Рекомендации Комитета Министров Совета Европы от 19 января 2000 года R (2000) 2, в постановлении от 27 июня 2013 года № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» подчеркивает, согласуясь с указанными правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека, что при рассмотрении вопроса о необходимости пересмотра судебного акта должна учитываться причинно-следственная связь между установленным Европейским Судом по правам человека нарушением Конвенции или Протоколов к ней и неблагоприятными последствиями, которые продолжает испытывать заявитель (пункт 17), а это подразумевает учет при оценке такой связи также лишений, обусловленных постановленным приговором.

Тем самым наличие у Председателя Верховного Суда Российской Федерации полномочия вносить представление в Президиум Верховного Суда Российской Федерации о пересмотре приговора в связи с решением Европейского Суда по правам человека в тех случаях, когда предварительное изучение поступивших материалов позволяет сделать вывод о том, что имеются все необходимые основания для такого пересмотра, не свидетельствует о снижении уровня судебной защиты прав осужденных.

5. В пилотном постановлении от 10 января 2012 года по делу «Ананьев и другие против России», вынесенном в том числе на основании статьи 46 Конвенции о защите прав человека и основных свобод для принятия целесообразных мер общего и (или) индивидуального характера с целью восстановления прав заявителей, нарушенных неудовлетворительными условиями их содержания под стражей, Европейский Суд по правам человека указал, что применительно к данной ситуации возможны следующие меры: улучшение условий содержания под стражей, включая снижение частоты избрания заключения под стражу и временные меры для предотвращения и сокращения перенаселенности мест содержания под стражей; создание эффективных средств правовой защиты, а именно превентивные внутренние средства, в том числе надлежащий судебный контроль, и компенсаторные внутренние средства (возмещение потерпевшим). Применение такого рода мер не связано с существом постановленного по уголовному делу приговора и, соответственно, не может обуславливать необходимость его пересмотра. Упоминание же Европейским Судом по правам человека возможности смягчения при определенных условиях уголовного наказания как формы компенсации заключенным под стражу в связи с нарушениями Конвенции, имевшими место во время уголовного разбирательства, лишь ориентирует на такую возможность федерального законодателя, который сам вправе определить законодательные меры общего характера, а потому в системе действующего правового регулирования, не предусматривающего компенсацию нарушения условий содержания лица под стражей снижением назначенного ему наказания, также не предполагает пересмотр приговора.

В то же время порядок установления наличия оснований для передачи вопроса о пересмотре приговора в Президиум Верховного Суда Российской Федерации в связи с констатированным Европейским Судом по правам человека нарушением Конвенции о защите прав человека и основных свобод условиями содержания под стражей не исключает оценки того, имело ли это нарушение характер пытки, оказавшей определяющее влияние на формирование доказательственной базы по уголовному делу и, как следствие, на правосудность приговора, — притом что признание факта неудовлетворительных условий содержания под стражей само по себе не является обстоятельством, исключающим преступность и наказуемость деяния (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 24 марта 2015 года № 620-О и от 29 сентября 2015 года № 1953-О). Сказанное применимо и к оценке на данном этапе, с учетом всех обстоятельств дела, влияния установленного Европейским Судом по правам человека нарушения принципа презумпции невиновности, которое выразилось в высказываниях должностных лиц в средствах массовой информации о виновности М. В. Петрова в совершении преступлений до вынесения подтвердившего это судебного решения, равно как и влияния других установленных им нарушений, на постановленный по делу заявителя приговор.

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации не усматривает неопределенности в вопросе о конституционности подпункта «б» пункта 2 части четвертой статьи 413 УПК Российской Федерации с учетом его применения во взаимосвязи со статьей 46 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, правовыми позициями Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Признать жалобу гражданина Петрова Максима Владимировича не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

14 января
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 14-О

по жалобе гражданина Андреевского
Василия Константиновича на нарушение
его конституционных прав подпунктом
«б» пункта 2 части четвертой статьи 413
Уголовно-процессуального кодекса
Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи Н. В. Мельникова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина В. К. Андреевского,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданин В. К. Андреевский оспаривает конституционность подпункта «б» пункта 2 части четвертой статьи 413 УПК Российской Федерации, который относит к новым обстоятельствам, влекущим возобновление производства по уголовному делу, установленное Европейским Судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела.

Как следует из представленных материалов, В. К. Андреевский осужден по приговору Бабушкинского районного суда города Москвы от 8 декабря 2004 года за совершение преступления, предусмотренного частью первой статьи 105 УК Российской Федерации. Европейский Суд по правам человека, рассмотрев жалобу В. К. Андреевского, в постановлении от 29 января 2009 года признал, что при расследовании уголовного дела в отношении него имело место нарушение статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в части неудовлетворительных условий его содержания под стражей. Однако Верховный Суд Российской Федерации, куда осужденный, его представители и Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации обращались за пересмотром его уголовного дела, отказал в таком пересмотре, ссылаясь на то, что решение Европейского Суда по правам человека касается только ненадлежащих условий содержания В. К. Андреевского под стражей, а не обоснованности его осуждения или нарушений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении его уголовного дела судом (письма судей Верховного Суда Российской Федерации от 8 сентября 2009 года, от 24 февраля 2010 года и от 14 октября 2010 года).

В. К. Андреевский просит признать подпункт «б» пункта 2 части четвертой статьи 413 УПК Российской Федерации противоречащим статьям 2, 4 (часть 2), 6 (часть 2), 7 (часть 1), 15 (части 1, 2 и 4), 17–19, 21, 22, 33, 45–47, 50 (часть 3), 52, 53, 55, 120, 123 (часть 3) и 126 Конституции Российской

Федерации и утверждает, что эта норма в силу своей неопределенности препятствует пересмотру состоявшихся судебных решений ввиду установленных Европейским Судом по правам человека нарушений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, связанных с условиями содержания лица под стражей, а не с обоснованностью осуждения, чем ограничивает право на доступ к правосудию.

2. Конституция Российской Федерации, относя общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации к ее правовой системе (статья 15, часть 4) и гарантируя каждому судебную защиту его прав и свобод (статья 46, часть 1), в том числе право осужденного за преступление на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом (статья 50, часть 3), закрепляет и право каждого в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты (статья 46, часть 3).

Ратифицируя Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, Российская Федерация признала юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации (Федеральный закон от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ). Таким образом, как и Конвенция о защите прав человека и основных свобод, решения Европейского Суда по правам человека – в той части, в какой ими, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права, дается толкование содержания закрепленных в Конвенции прав и свобод, включая право на доступ к суду и справедливое правосудие, – являются составной частью российской правовой системы, а потому должны учитываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 года № 2-П). В частности, поскольку национальный судебный акт не подлежит пересмотру в системе международной юрисдикции, принятое государством обязательство исполнять окончательные постановления Европейского Суда по правам человека, в том числе констатирующие такие нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, для устранения которых требуется отмена судебных актов, вынесенных в рамках национальной юрисдикции, обуславливает введение в национальном законодательстве механизма восстановления прав заинтересованных лиц в случае, если эти права не могут быть восстановлены путем присуждения и выплаты одной лишь денежной компенсации (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2010 года № 4-П, Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2011 года № 853-О-О).

В Постановлении от 26 февраля 2010 года № 4-П Конституционный Суд Российской Федерации указал, что отрицание процессуальных возможностей по пересмотру дела для лиц, по делам которых судами были допущены нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, выявленные Европейским Судом по правам человека, означало бы существенное ограничение права на судебную защиту, противоречило бы конституционным принципам равенства, приоритета международных договоров Российской Федерации в ее правовой системе, а также конституционным целям

судопроизводства, исключая признание его процедур эффективным средством защиты нарушенных прав. Формулируя данный вывод, Конституционный Суд Российской Федерации исходил из того, что конституционное право на судебную защиту как основное, неотчуждаемое право человека, выступающее гарантией реализации всех других прав и свобод, – это не только право на обращение в суд, но и право на восстановление нарушенных прав и свобод посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости, а потому отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебный акт не согласуется с универсальным правилом эффективного восстановления в правах, умаляет и ограничивает право на судебную защиту.

3. Устанавливая правила пересмотра судами, в том числе в связи с решением Европейского Суда по правам человека, вступивших в законную силу судебных актов, федеральный законодатель должен учитывать, что институциональные и процедурные условия пересмотра ошибочных судебных актов во всяком случае должны отвечать требованиям процессуальной экономии в использовании средств судебной защиты, прозрачности осуществления правосудия, исключать затягивание или необоснованное возобновление судебного разбирательства и тем самым обеспечивать справедливость судебного решения и вместе с тем правовую определенность, включая признание законной силы судебных решений, их неопровержимости (*res judicata*), без чего недостижим баланс публично- и частноправовых интересов (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1996 года № 4-П, от 3 февраля 1998 года № 5-П, от 5 февраля 2007 года № 2-П и др.).

Европейский Суд по правам человека также исходит из того, что отступление от принципа правовой определенности, на котором в том числе основана Конвенция о защите прав человека и основных свобод и который в качестве общего правила утверждает неопровержимость окончательного судебного решения, могут быть оправданы лишь обстоятельствами существенного и непреодолимого характера, такими как необходимость устранения фундаментальных ошибок, в частности допущенных вследствие ненадлежащего отправления правосудия (постановления от 28 октября 1999 года по делу «Брумареску (*Brumarescu*) против Румынии», от 24 июля 2003 года по делу «Рябых против России», от 18 января 2007 года по делу «Кот против России» и от 31 июля 2008 года по делу «Проценко против России»); конкретные средства, с помощью которых в рамках национальной правовой системы будет исполняться возлагаемое на государство-ответчика в соответствии со статьей 46 Конвенции правовое обязательство, избираются обычно самим государством-ответчиком при условии, что эти средства будут совместимы с выводами, содержащимися в соответствующем постановлении Европейского Суда по правам человека (постановления от 13 июля 2000 года по делу «Скоццари и Джунта (*Scozzari & Giunta*) против Италии», от 30 июня 2005 года по делу «Ян (*Jahn*) и другие против Германии», от 29 марта 2006 года по делу «Скордино (*Scordino*) против Италии» (№ 1), от 3 июля 2008 года по делу «Мусаева против России» и от 3 июля 2008 года по делу «Руслан Умаров против России»).

Комитет Министров Совета Европы в Рекомендации от 19 января 2000 года R (2000) 2 о пересмотре дел и возобновлении производства по делу на внутригосударственном уровне в связи с решениями Европейского Суда по правам человека, основывающейся на истолковании положений статьи 46 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, признавая обязанность государства-ответчика осуществлять меры, обеспечивающие, насколько возможно, восстановление той ситуации, в которой лицо находилось до нарушения государством Конвенции (*restitutio in integrum*), в том числе предусматривать в своей правовой системе адекватные возможности

для пересмотра дел, включая возобновление производства по делу в тех инстанциях, в которых допущено нарушение, тем не менее отмечает, что основанием для пересмотра судебного акта является не всякое установленное Европейским Судом по правам человека нарушение Конвенции, и подчеркивает его необходимость именно в том случае, когда потерпевшая сторона продолжает испытывать влияние негативных последствий от решения национальной инстанции, которое не обеспечивает справедливой компенсации и не может быть изменено путем пересмотра или возобновления производства по делу (в не связанных с решением Европейского Суда по правам человека процедурах), притом что решение национальной инстанции по существу противоречит Конвенции либо признанное нарушение основывается на процедурных ошибках или нарушениях, столь серьезных, что они оказывают влияние на результаты внутригосударственного разбирательства.

Таким образом, по смыслу Конституции Российской Федерации, норм международного права, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека, принятое государством обязательство исполнять окончательные постановления Европейского Суда по правам человека, в том числе констатирующие нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в случае, если нарушенное право не может быть восстановлено путем присуждения и выплаты денежной компенсации и для устранения нарушения требуется преодоление окончательности судебного акта, вступившего в законную силу, институциональные и процедурные условия его пересмотра — учитывая конституционное и международно-правовое требование стабильности актов правосудия — должны исключать возможность безосновательного возобновления судебного разбирательства, не вытекающего из выводов, содержащихся в соответствующем решении Европейского Суда по правам человека, которым хотя и признано нарушение Конвенции в отношении заявителя, но не связанное с самим судебным разбирательством и не повлиявшее на исход дела. Следовательно, процедура исполнения в уголовном судопроизводстве таких решений Европейского Суда по правам человека должна позволять устанавливать наличие или отсутствие связи между признанным нарушением Конвенции и исходом судебного разбирательства, а также определять необходимость пересмотра вступившего в законную силу приговора суда как одного из средств восстановления нарушенных прав и свобод гражданина, обратившегося в Европейский Суд по правам человека.

4. Статья 50 (часть 3) Конституции Российской Федерации, прямо не предоставляя осужденному право на пересмотр вынесенного в отношении него приговора после его вступления в законную силу, не исключает, однако, — исходя из конституционных целей и ценностей, общепризнанных принципов и норм международного права и международных обязательств Российской Федерации — наличия дополнительных процессуальных способов проверки судебных решений, вступивших в законную силу, что предполагает определение системы и полномочий соответствующих судебных инстанций, последовательности и процедуры обжалования, а также оснований отмены таких решений (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2010 года № 4-П). Так, согласно части первой статьи 413 УПК Российской Федерации вступившие в законную силу приговор, определение и постановление суда могут быть отменены и производство по уголовному делу возобновлено ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, что согласуется со статьей 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, допускающей повторное рассмотрение уголовного дела, в рамках которого лицо было окончательно оправдано или осуждено, если есть сведения о новых или вновь

открывшихся обстоятельствах либо если в ходе предыдущего разбирательства допущены существенные нарушения, повлиявшие на исход дела.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации новым обстоятельством признает, в частности, установленное Европейским Судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела (пункт 2 части четвертой статьи 413). Часть пятая статьи 415 данного Кодекса в развитие приведенной нормы установила процедуру принятия решения о пересмотре приговора, определения или постановления суда по указанному обстоятельству: Президиум Верховного Суда Российской Федерации по представлению Председателя Верховного Суда Российской Федерации не позднее одного месяца со дня поступления представления отменяет или изменяет судебные решения по уголовному делу в соответствии с постановлением Европейского Суда по правам человека.

Определение наличия оснований для внесения данного представления Председателем Верховного Суда Российской Федерации в Президиум Верховного Суда Российской Федерации – с тем чтобы пересмотр уголовного дела был адекватным и эффективным средством восстановления нарушенных прав и свобод – является элементом процедуры принятия решения о таком пересмотре и носит, по существу, характер процессуального акта, на который в полной мере распространяется требование части четвертой статьи 7 УПК Российской Федерации о законности, обоснованности и мотивированности судебного решения. Поэтому в случае, если установленное нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод привело, в частности, к неправомерности приговора как итогового решения по уголовному делу вследствие судебной ошибки, допущенной при рассмотрении дела и влияющей на существо приговора, а значит, требует его пересмотра (изменения или отмены), внесение соответствующего представления является обязанностью Председателя Верховного Суда Российской Федерации.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации, основываясь на Рекомендации Комитета Министров Совета Европы от 19 января 2000 года R (2000) 2, в постановлении от 27 июня 2013 года № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» подчеркивает, согласуясь с указанными правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека, что при рассмотрении вопроса о необходимости пересмотра судебного акта должна учитываться причинно-следственная связь между установленным Европейским Судом по правам человека нарушением Конвенции или Протоколов к ней и неблагоприятными последствиями, которые продолжает испытывать заявитель (пункт 17), а это подразумевает учет при оценке такой связи также лишений, обусловленных постановленным приговором.

Тем самым наличие у Председателя Верховного Суда Российской Федерации правомочия вносить представление в Президиум Верховного Суда Российской Федерации о пересмотре приговора в связи с решением Европейского Суда по правам человека в тех случаях, когда предварительное изучение поступивших материалов позволяет сделать вывод о том, что имеются все необходимые основания для такого пересмотра, не свидетельствует о снижении уровня судебной защиты прав осужденных.

5. В пилотном постановлении от 10 января 2012 года по делу «Ананьев и другие против России», вынесенном в том числе на основании статьи 46 Конвенции о защите прав человека и основных свобод для принятия целесообразных мер общего и (или) индивидуального характера с целью восстановления прав заявителей, нарушенных неудовлетворительными условиями их содержания под стражей, Европейский Суд по правам человека ука-

зал, что применительно к данной ситуации возможны следующие меры: улучшение условий содержания под стражей, включая снижение частоты избрания заключения под стражу и временные меры для предотвращения и сокращения перенаселенности мест содержания под стражей; создание эффективных средств правовой защиты, а именно превентивные внутренние средства, в том числе надлежащий судебный контроль, и компенсаторные внутренние средства (возмещение потерпевшим). Применение такого рода мер не связано с существом постановленного по уголовному делу приговора и, соответственно, не может обуславливать необходимость его пересмотра. Упоминание же Европейским Судом по правам человека возможности смягчения при определенных условиях уголовного наказания как формы компенсации заключенным под стражу в связи с нарушениями Конвенции, имевшими место во время уголовного разбирательства, лишь ориентирует на такую возможность федерального законодателя, который сам вправе определить законодательные меры общего характера, а потому в системе действующего правового регулирования, не предусматривающего компенсацию нарушения условий содержания лица под стражей снижением назначенного ему наказания, также не предполагает пересмотр приговора.

В то же время порядок установления наличия оснований для передачи вопроса о пересмотре приговора в Президиум Верховного Суда Российской Федерации в связи с констатированным Европейским Судом по правам человека нарушением Конвенции о защите прав человека и основных свобод условиями содержания под стражей не исключает оценки того, имело ли это нарушение характер пытки, оказавшей определяющее влияние на формирование доказательственной базы по уголовному делу и, как следствие, на правосудность приговора, — притом что признание факта неудовлетворительных условий содержания под стражей само по себе не является обстоятельством, исключающим преступность и наказуемость деяния (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 24 марта 2015 года № 620-О и от 29 сентября 2015 года № 1953-О).

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации не усматривает неопределенности в вопросе о конституционности подпункта «б» пункта 2 части четвертой статьи 413 УПК Российской Федерации с учетом его применения во взаимосвязи со статьей 46 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, правовыми позициями Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Признать жалобу гражданина Андреевского Василия Константиновича не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

14 января
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 15-О

по запросу Курганского областного суда о проверке конституционности положений статьи 252, части первой статьи 389¹³, части третьей статьи 389²⁰ и части первой статьи 389²⁴ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи Н. В. Мельникова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение запроса Курганского областного суда,

у с т а н о в и л :

1. Курганский областной суд обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности следующих положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации:

статьи 252 «Пределы судебного разбирательства», которая предусматривает, что судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению (часть первая), а изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту (часть вторая);

части первой статьи 389¹³ «Порядок рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции», согласно которой производство по уголовному делу в суде апелляционной инстанции осуществляется в порядке, установленном главами 35–39 данного Кодекса, регламентирующими производство в суде первой инстанции, с изъятиями, предусмотренными его главой 45¹ «Производство в суде апелляционной инстанции»;

части третьей статьи 389²⁰ «Решения, принимаемые судом апелляционной инстанции», устанавливающей, что в случае выявления обстоятельств, указанных в части первой и пункте 1 части первой² статьи 237 данного Кодекса, суд апелляционной инстанции выносит апелляционные определение или постановление в соответствии с пунктом 7 части первой его статьи 389²⁰;

части первой статьи 389²⁴ «Отмена приговора или изменение иного судебного решения в сторону ухудшения положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено», в соответствии с которой обвинительный приговор, определение, постановление суда первой инстанции могут быть изменены в сторону ухудшения положения осужденного не иначе как по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей и (или) представителей.

Как следует из представленных материалов, гражданин В. был осужден за совершение убийства, предусмотренного частью первой статьи 105 УК Российской Федерации, к наказанию в виде десяти лет лишения свободы приговором Шумихинского районного суда Курганской области от 26 июня 2015 года, который был оспорен прокурором в Курганский областной суд в апелляционном порядке. Исследовав имеющиеся в деле доказательства, в том числе полученные во время предварительного следствия, суд апелляционной инстанции установил, что обвиняемый пришел в дом гражданки Г., 1931 года рождения, и после ее отказа отдать деньги, преследуя корыстную цель, с помощью принесенного с собой ножа совершил ее убийство, нанеся не менее двадцати ранений, а затем похитил принадлежавшие ей продукты и тем самым совершил более тяжкие, нежели ему вмененные, преступления, предусмотренные пунктом «в» части четвертой статьи 162 (разбой, совершенный с причинением тяжкого вреда здоровью) и пунктами «в», «д», «з» части второй статьи 105 (убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, совершенное с особой жестокостью и сопряженное с разбоем) УК Российской Федерации, обвинение в которых ему не предъявлялось. При этом ни в апелляционном представлении прокурора, ни в заявлении потерпевшего — сына погибшей, сделанном в судебном заседании, вопрос об изменении обвинения на более тяжкое не ставился (сторона обвинения оспаривала приговор, указывая на чрезмерную мягкость наказания и необходимость признать совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения отягчающим наказанием обстоятельством).

Курганский областной суд полагает, что допущенное в данном уголовном деле на досудебной стадии нарушение — неисправимое в суде апелляционной инстанции в силу требований оспариваемых законодательных норм — повлекло неправильное применение судом первой инстанции уголовного закона, бесосновательное изменение установленной законом подсудности дела и нарушение права потерпевшего на справедливую, компетентную и действенную судебную защиту. В связи с этим в своем запросе заявитель просит Конституционный Суд Российской Федерации признать не соответствующими Конституции Российской Федерации взаимосвязанные положения статьи 252, части первой статьи 389¹³, части третьей статьи 389²⁰ и части первой статьи 389²⁴ УПК Российской Федерации в той мере, в какой по смыслу, придаваемому сложившейся правоприменительной практикой, они не позволяют суду апелляционной инстанции по собственной инициативе возвратить уголовное дело прокурору для устранения препятствий рассмотрения его судом и допущенных нарушений, если в ходе судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, указывающие на наличие оснований для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления (пункт 6 части первой статьи 237 данного Кодекса).

2. Закрепляя в числе принципов государственного устройства России осуществление государственной власти на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную и самостоятельность органов различных ветвей власти, Конституция Российской Федерации, как следует из ее статей 10, 11 (часть 1), 18, 118 (часть 2), 120 (часть 1), 125, 126 и 128 (часть 3), отводит судебной власти, независимой и беспристрастной по своей природе, решающую роль в государственной защите прав и свобод человека и гражданина. Именно возложенными на нее прерогативами по осуществлению правосудия предопределяется ценность закрепленного статьей 46 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации права на судебную защиту как гарантии всех других прав и свобод человека и гражданина, а также значение судебных решений как государственных правовых актов, которые выносятся именем Российской Федерации и имеют общеобязательный характер (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от

4 апреля 2002 года № 8-П, от 17 марта 2009 года № 5-П, от 26 мая 2011 года № 10-П и от 8 ноября 2012 года № 25-П).

По смыслу статей 1 (часть 1), 2, 4 (часть 2), 15, 17, 19, 118 (часть 1) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации, в России, правовая система которой основана на принципе верховенства права как неотъемлемом элементе правового государства, право каждого на судебную защиту предполагает обеспечение всем его субъектам свободного и равного доступа к правосудию, осуществляемому независимым и беспристрастным судом на основе состязательности и равноправия сторон, а также охрану их прав и законных интересов не только от произвола законодательной и исполнительной власти, но и от ошибочных решений суда. Ошибочное судебное решение не может рассматриваться как справедливый акт правосудия; судебная ошибка во всяком случае должна расцениваться как нарушение статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации и в соответствии с ее статьей 18 подлежит устранению в судебном порядке, причем даже тогда, когда она допущена при рассмотрении дела в той судебной инстанции, решение которой отраслевым законодательством признается окончательным в том смысле, что согласно обычной процедуре оно не может быть изменено (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1996 года № 4-П и от 3 февраля 1998 года № 5-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 18 сентября 2014 года № 2099-О, от 16 июля 2015 года № 1619-О и др.); тем более это относится к судебному решению, не вступившему в законную силу.

Кроме того, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, не может рассматриваться как справедливый акт правосудия и должно быть исправлено независимо от того, что послужило причиной его несправедливости – неправомерные действия судьи, судебная ошибка или иные обстоятельства, объективно влияющие на его законность, обоснованность и справедливость, – судебное решение, если существенно значимые обстоятельства события, являющегося предметом исследования по уголовному делу, отражены в нем неверно (постановления от 2 февраля 1996 года № 4-П и от 16 мая 2007 года № 6-П; определения от 9 апреля 2002 года № 28-О, от 4 октября 2011 года № 1459-О-О, от 17 июля 2012 года № 1326-О и др.) либо им дана неправильная уголовно-правовая оценка. Иное препятствует самостоятельному и независимому выбору судом подлежащих применению норм уголовного закона, противоречит принципам справедливости и равенства перед законом и судом (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 года № 16-П).

Ограничение возможности пересмотра судебных решений, не отвечающих требованиям законности, обоснованности и справедливости, имеет следствием нарушение баланса в защите таких конституционных ценностей, как справедливость и правовая определенность, влекущее причинение вреда гарантируемым Конституцией Российской Федерации правам и свободам человека и гражданина, защита и восстановление которых являются конституционной целью правосудия. Соответственно, исходя из того, что правосудие по самой своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах, федеральный законодатель, устанавливая порядок его отправления, обязан предусмотреть механизм (процедуру), который гарантировал бы вынесение правосудных, т. е. законных, обоснованных и справедливых, судебных решений (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 мая 2007 года № 6-П и от 2 июля 2013 года № 16-П).

Таким образом, Конституция Российской Федерации, провозглашая идею справедливости как основополагающую и гарантируя каждому судебную защиту его прав и свобод на основе равенства перед законом и судом, а

также право каждого осужденного за преступление на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом, и право просить о помиловании или смягчении наказания (преамбула; статья 18; статья 19, часть 1; статья 46, часть 1; статья 50, часть 3), предполагает исправление судебных ошибок, что вытекает из предназначения правосудия и необходимости вынесения правосудного решения. Иное, напротив, свидетельствовало бы о невыполнении судом возложенных на него Конституцией Российской Федерации функций, о придании неопределенности правовым нормам, о нарушении конституционных принципов верховенства права, справедливости и равенства и, как следствие, приводило бы к снижению авторитета суда и доверия к нему как органу правосудия.

3. Курганский областной суд, обращаясь в Конституционный Суд Российской Федерации, указывает, что в приговоре, вынесенном судом первой инстанции, было допущено нарушение уголовного закона (органами предварительного расследования, прокурором и судом содеянному виновным дана неверная квалификация), которое не может быть устранено судом апелляционной инстанции в силу действия оспариваемых норм уголовно-процессуального законодательства; фактические же обстоятельства дела свидетельствуют о необходимости применения уголовного закона о более тяжком преступлении, вменение которого на стадии апелляционного рассмотрения невозможно, как невозможно и возвращение уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, поскольку стороной обвинения такое требование не заявлялось.

Между тем процессуальные нормы, регламентирующие возвращение судом уголовного дела со стадии судебного разбирательства на стадию предварительного расследования, включая вопрос о повороте обвинения к худшему, уже были предметом оценки Конституционного Суда Российской Федерации. Так, в Постановлении от 2 июля 2013 года № 16-П Конституционный Суд Российской Федерации отметил следующее.

Производство по уголовному делу, имеющее своим назначением как защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, так и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, а равно уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания либо отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания (статья 6 УПК Российской Федерации) не могут осуществляться в противоречии с положениями уголовного закона. В этом контексте неправильное применение положений Общей и Особенной частей УК Российской Федерации, неправильная квалификация судом фактически совершенного обвиняемым деяния, а потому неверное установление основания уголовной ответственности и назначения наказания (хотя и в пределах санкции примененной статьи) влекут вынесение неправосудного приговора, что недопустимо в правовом государстве, императивом которого является верховенство права. Именно к постановлению такого приговора приводило бы продолжение рассмотрения дела судом после того, как им были выявлены допущенные органами предварительного расследования процессуальные нарушения, которые препятствуют правильному разрешению дела и которые суд не может устранить самостоятельно, а стороны об их устранении не ходатайствовали.

Вместе с тем не может расцениваться как принятие на себя судом не свойственной ему функции обвинения вынесение решения, направленного на исправление допущенных органами, осуществляющими уголовное преследование, нарушений или ошибок, которые могут затрагивать интересы как обвиняемых, так и потерпевших, — иное вынуждало бы его принять решение, заведомо противоречащее закону, что в принципе недопустимо. Соответственно, инициирование судом процедуры устранения препятствий

для правильного рассмотрения уголовного дела не противоречит принципам правосудия и не свидетельствует о том, что суд тем самым осуществляет уголовное преследование обвиняемого или участвует в нем, а безусловное следование инициативе стороны обвинения или стороны защиты, которые всегда преследуют собственный процессуальный интерес, означало бы недопустимое ограничение самостоятельности суда как носителя публичной по своей природе судебной власти, осуществляемой самостоятельно, свободно и независимо от позиций сторон.

4. Производство по уголовному делу в суде апелляционной инстанции осуществляется в том же порядке, что и производство в суде первой инстанции (главы 35–39 УПК Российской Федерации), и лишь с изъятиями, предусмотренными главой 45¹ данного Кодекса (часть первая статьи 389¹³ УПК Российской Федерации), а согласно пункту 51 статьи 5 данного Кодекса термин «судебное разбирательство» охватывает собой и судебное заседание суда второй, т. е. апелляционной, инстанции. Исходя из сущности правосудия и равенства статуса судей, независимых при осуществлении правосудия и подчиняющихся только закону, наделение суда апелляционной инстанции правом проверить производство по уголовному делу в полном объеме (статья 389¹⁹ УПК Российской Федерации) обусловлено самой природой производства в этом суде, являющегося такой формой исправления допущенных судом первой инстанции ошибок в решениях, не вступивших в законную силу, которая наиболее приближена к производству в суде первой инстанции (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2005 года № 11-П, от 5 февраля 2007 года № 2-П и от 21 апреля 2010 года № 10-П). При этом, как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, уголовно-процессуальное законодательство предполагает недопустимость изменения обвинения в сторону, ухудшающую положение осужденного, по решению суда апелляционной инстанции иначе как посредством отмены приговора и направления дела прокурору для соответствующего изменения обвинения (Определение от 15 января 2015 года № 129-О).

Следовательно, при наличии представления прокурора или жалобы потерпевшего на приговор, которыми инициирован апелляционный пересмотр уголовного дела и в которых поставлен – как в деле, в связи с которым Курганский областной суд обратился в Конституционный Суд Российской Федерации, – вопрос о необходимости учета отягчающего наказание обстоятельства и (или) об ужесточении наказания осужденному, а значит, об ухудшении его положения, суд апелляционной инстанции вправе, вне зависимости от отсутствия в представлении или жалобе вопросов о правовой оценке фактических обстоятельств дела, отменить приговор и вернуть уголовное дело прокурору, указав при этом согласно части первой³ статьи 237 УПК Российской Федерации обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления. Это позволяет суду апелляционной инстанции избежать подтверждения – вопреки своему внутреннему убеждению, основанному на выявлении им при рассмотрении дела нарушений норм уголовного либо уголовно-процессуального законов, – юридической силы решения суда первой инстанции, которое он считает неправосудным.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Признать запрос Курганского областного суда не подлежащим дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Фе-

дерации, поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данному запросу окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

15 января
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 76-О

по жалобе гражданина Буркова Василия Владимировича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, заслушав заключение судьи Ю. М. Данилова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина В. В. Буркова,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданин В. В. Бурков оспаривает конституционность части четвертой статьи 49 УПК Российской Федерации, согласно которой адвокат допускается к участию в уголовном деле в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера.

Как следует из жалобы и приложенных к ней материалов, 22 июня 2010 года в отношении В. В. Буркова возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного частью первой статьи 201 УК Российской Федерации (в ходе предварительного следствия квалификация содеянного неоднократно менялась), 31 августа 2011 года он был задержан, а 5 сентября 2011 года помещен под стражу. 2 сентября 2011 года в соответствии с заключенным соглашением защиту В. В. Буркова по уголовному делу принял на себя адвокат В. Н. Доможиров, который с 5 августа 2010 года оказывал ему юридическую помощь по гражданским делам. С 6 по 20 сентября 2011 года на основании удостоверения и ордера адвокат посещал В. В. Буркова

в следственном изоляторе и в тот же период по его поручению собирал документы, которые хранил как у себя дома, так и в адвокатском офисе.

21 сентября 2011 года в рамках указанного уголовного дела следователем был проведен обыск в помещениях, занимаемых В. Н. Доможировым, а на следующий день – обыск в его квартире (на основании постановления Курганского городского суда), в ходе которых изъяты документы, в том числе в электронном виде, как по уголовному, так и по гражданским делам В. В. Буркова. 23 сентября 2011 года постановлением руководителя следственного органа В. Н. Доможиров привлечен к уголовной ответственности как соучастник В. В. Буркова, 26 сентября того же года следователь вынес постановление об отводе В. Н. Доможирова от участия в деле в качестве защитника В. В. Буркова, а 6 декабря – в ходе повторного обыска в служебных помещениях адвоката вновь изъял документы, входящие в адвокатское производство в отношении В. В. Буркова.

Приговором Курганского городского суда от 24 февраля 2015 года, оставленным без изменения апелляционным определением Курганского областного суда от 3 июня 2015 года, В. В. Бурков признан виновным в совершенном в 2009 году преднамеренном банкротстве (статья 196 УК Российской Федерации), а В. Н. Доможиров – в пособничестве ему (часть пятая статьи 33 и статья 196 УК Российской Федерации). В обоснование вины осужденных суды сослались, в частности, на документы, изъятые в ходе указанных обысков из адвокатского производства и касающиеся оказания правовой помощи В. В. Буркову. По мнению судов, В. Н. Доможиров не приобрел статуса защитника по уголовному делу В. В. Буркова, поскольку в нарушение требования части четвертой статьи 49 УПК Российской Федерации не предъявил следователю соответствующие удостоверение и ордер на защиту, а потому положенные в основу приговора документы не относятся к адвокатской тайне и были изъяты правомерно.

В. В. Бурков просит Конституционный Суд Российской Федерации признать оспариваемую норму противоречащей статьям 24, 45 (часть 2), 48, 51 (часть 1) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации, поскольку, по его мнению, она ограничивает пределы действия адвокатской тайны, позволяя правоприменителям не относить к такой тайне сведения, собранные адвокатом при оказании правовой помощи по уголовному делу до предъявления следователю удостоверения адвоката и ордера, допуская использование в качестве доказательств по уголовному делу материалов адвокатского производства по другим делам, а также фактически обязывая обвиняемого согласовывать со следователем выбор защитника и уведомлять его о действиях по своей защите.

2. Статья 48 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи (часть 1); каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения (часть 2). В силу данных положений Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с другими ее положениями, определяющими полномочия Российской Федерации по регулированию и защите прав и свобод человека и гражданина (статья 71, пункт «в»; статья 76, часть 1), федеральный законодатель в рамках предоставленной ему компетенции обеспечивает выполнение государством обязанности по созданию надлежащих условий для реализации конституционного права на получение юридической помощи с тем, чтобы каждый в случае необходимости имел возможность обратиться за ней для отстаивания своих прав и законных интересов.

Необходимой составляющей права пользоваться помощью адвоката (защитника) как одного из основных прав человека, признаваемых и между-

народно-правовыми нормами (статья 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод), является обеспечение конфиденциальности сведений, сообщаемых адвокату его доверителем и подлежащих защите в силу Конституции Российской Федерации, которая закрепляет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (статья 23, часть 1), запрещает сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (статья 24, часть 1). Приведенные конституционные положения, равно как и корреспондирующие им нормы статьи 17 Международного пакта о гражданских и политических правах и статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, исключающие произвольное вмешательство в сферу индивидуальной автономии личности, обязывают государство обеспечить в законодательстве и правоприменении такие условия для реализации гражданами права на квалифицированную юридическую помощь и для эффективного осуществления лицами, ее оказывающими, в том числе адвокатами, своей деятельности, при наличии которых гражданин имеет возможность беспрепятственно доверять адвокату сведения, которые он не доверил бы другим, а адвокат — возможность сохранить конфиденциальность полученной информации (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 28 января 1997 года № 2-П и от 29 ноября 2010 года № 20-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июля 2000 года № 128-О, от 8 ноября 2005 года № 439-О и от 29 мая 2007 года № 516-О-О). Обязанность хранить адвокатскую тайну в равной степени распространяется и на адвокатские образования.

Разъясняя ориентиры для понимания соответствующих гарантий, Кодекс поведения для юристов в Европейском сообществе (принят 28 октября 1988 года Советом коллегий адвокатов и юридических сообществ Европейского Союза) относит к существенным признакам адвокатской деятельности обеспечение клиенту условий, когда он может свободно сообщать адвокату сведения, которые не сообщил бы другим, и сохранение адвокатом как получателем информации ее конфиденциальности, поскольку без уверенности в конфиденциальности не может быть доверия; при этом требованием конфиденциальности определяются права и обязанности адвоката, имеющие фундаментальное значение для профессиональной деятельности, — адвокат должен соблюдать конфиденциальность в отношении всей информации, предоставленной ему самим клиентом либо полученной им относительно его клиента или других лиц в ходе оказания юридических услуг, причем обязательства, связанные с конфиденциальностью, не ограничены во времени (пункт 2.3). Согласно же Основным принципам, касающимся роли юристов (приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, проходившим в августе — сентябре 1990 года), правительствам надлежит признавать и обеспечивать конфиденциальный характер любых консультаций и отношений, складывающихся между юристами и их клиентами в процессе оказания профессиональной юридической помощи.

3. В соответствии со статьей 8 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», раскрывающей понятие адвокатской тайны, таковой являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю (пункт 1); адвокат не может быть вызван и допрошен в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием (пункт 2); проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных

действий в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) допускается только на основании судебного решения; полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий (в том числе после приостановления или прекращения статуса адвоката) сведения, предметы и документы могут быть использованы в качестве доказательств обвинения только в тех случаях, когда они не входят в производство адвоката по делам его доверителей; указанные ограничения не распространяются на орудия преступления, а также на предметы, которые запрещены к обращению или оборот которых ограничен в соответствии с законодательством Российской Федерации (пункт 3).

Согласно Методическим рекомендациям по ведению адвокатского производства (утверждены Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 21 июня 2010 года) адвокатское производство ведется в целях наиболее удобной для адвоката организации и систематизации информации в процессе оказания юридической помощи, облегчения работы с информацией, эффективного использования собранных данных при формировании позиции по делу и ее реализации, является наиболее эффективным подтверждением факта, объема и качества оказания адвокатом юридической помощи, а также может служить доказательством при защите адвоката от необоснованных претензий доверителя к качеству работы адвоката и по спорам о размерах гонорара за оказанную юридическую помощь; в адвокатском производстве отражаются, в частности, даты свиданий с подзащитным, вопросы, которые обсуждались, и вопросы, которые предстоит выяснить для определения позиции защиты; ведение адвокатского производства обусловливается необходимостью представления упорядоченной картины осуществляемой адвокатом деятельности и требуется по смыслу пункта 9 статьи 6 Кодекса профессиональной этики адвоката (принят первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года); отсутствие адвокатского производства в случае, когда возникает необходимость оценки качества работы адвоката, служит одним из оснований признания его работы недобросовестной; адвокатское производство является одним из способов сохранения адвокатской тайны, содержащиеся в нем сведения и материалы не могут быть использованы в качестве доказательств обвинения. Вместе с тем в адвокатское производство должны входить лишь те полученные адвокатом материалы, которые связаны с оказанием им не запрещенным законом способом юридической помощи и в силу этого составляют адвокатскую тайну.

4. Отвечая на вопрос о том, с какого времени сведения, собранные адвокатом при оказании юридической помощи, являются конфиденциальными, относятся к адвокатской тайне и в связи с этим получают от государства процессуальные гарантии неприкосновенности, Конституционный Суд Российской Федерации применительно к возможности допроса адвоката в качестве свидетеля выработал следующие правовые позиции (постановления от 27 марта 1996 года № 8-П и от 28 января 1997 года № 2-П; определения от 6 июля 2000 года № 128-О и от 29 мая 2007 года № 516-О-О).

Право пользоваться помощью адвоката (защитника) как одно из проявлений более общего права на получение квалифицированной юридической помощи подлежит обеспечению на всех стадиях уголовного судопроизводства и не может быть ограничено ни при каких обстоятельствах. При этом юридическая помощь адвоката (защитника) в уголовном судопроизводстве не очерчивается лишь процессуальными и временными рамками его участия в деле при производстве расследования и судебного разбирательства, — она включает возможные предварительные консультации и разъяснения по правовым вопросам, устные и письменные справки по законодательству, составленные заявления, жалоб и других документов правового характера и т. д.

Необходимая составляющая права на получение юридической помощи и важный признак адвокатской деятельности — обеспечение доверителю условий, при которых он может свободно сообщать адвокату сведения, которые не сообщил бы другим, и сохранение адвокатом как получателем информации ее конфиденциальности. Освобождение адвоката от обязанности свидетельствовать об обстоятельствах и сведениях, которые стали ему известны или были доверены в связи с его профессиональной деятельностью, служит обеспечению права каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (статья 23, часть 1, Конституции Российской Федерации), является гарантией того, что информация о частной жизни, конфиденциально доверенная лицом в целях защиты от обвинения только адвокату, не будет вопреки воле этого лица использована в иных целях, в том числе как свидетельствующая против него самого (статья 24, часть 1; статья 51, часть 1, Конституции Российской Федерации).

В силу изложенного установленный в пунктах 2 и 3 части третьей статьи 56 УПК Российской Федерации запрет допрашивать адвоката об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с участием в производстве по уголовному делу или в связи с оказанием иной юридической помощи, распространяется на обстоятельства любых событий — безотносительно к тому, имели они место после или до того, как адвокат был допущен к участию в деле в качестве защитника, а также независимо от того, кем решается вопрос о возможности допроса адвоката — судом или следователем. Исходя же из недопустимости совмещения процессуальной функции защитника с обязанностью давать свидетельские показания по уголовному делу, в котором он участвует, законодатель закрепил в пункте 1 части первой статьи 72 УПК Российской Федерации правило, согласно которому защитник не вправе участвовать в производстве по уголовному делу, если он ранее участвовал в нем в качестве свидетеля, что, однако, не может препятствовать участию в уголовном деле избранного лицом защитника, ранее не допрошенного в ходе производства по делу, поскольку данное правило исключает возможность допроса последнего в качестве свидетеля о фактах, ставших ему известными в рамках профессиональной деятельности по оказанию юридической помощи, независимо от времени и обстоятельств получения им таких сведений.

Названные решения Конституционного Суда Российской Федерации сохраняют свою силу, а сформулированные в них правовые позиции относительно конституционно-правового содержания права на помощь адвоката (защитника), гарантий конфиденциальности сообщенных ему сведений, а также относительно нарушения его прав в связи с оказанием им юридической помощи являются обязательными для судов и иных правоприменителей, в том числе при решении в уголовном деле вопросов, связанных с обеспечением прав на получение квалифицированной юридической помощи, свободный выбор защитника и охрану адвокатской тайны. Таким образом, в вопросе о конституционности части четвертой статьи 49 УПК Российской Федерации отсутствует неопределенность, которая препятствовала бы единообразному пониманию данной нормы в правоприменительной практике, а само это положение, предполагающее соблюдение конституционных гарантий в соответствующей области публично-правовых отношений, не может, вопреки доводам заявителя, рассматриваться как нарушающее его конституционные права в указанном им аспекте.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Признать жалобу гражданина Буркова Василия Владимировича не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

15 января
2016 года,
город Санкт-
Петербург
№ 186-О

по жалобе гражданина Мошкина
Михаила Игоревича на нарушение его
конституционных прав статьями 165, 183
и 399 Уголовно-процессуального
кодекса Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, заслушав заключение судьи Ю. М. Данилова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина М. И. Мошкина,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданин М. И. Мошкин, являющийся адвокатом, оспаривает конституционность следующих положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации:

статьи 165, регламентирующей судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия и устанавливающей, что после рассмотрения соответствующего ходатайства судья выносит постановление о разрешении производства следственного действия или об отказе в его производстве с указанием мотивов отказа;

статьи 183, которая определяет основания и порядок производства выемки и согласно которой при необходимости изъятия определенных пред-

метов и документов, имеющих значение для уголовного дела, и если точно известно, где и у кого они находятся, производится их выемка по правилам статьи 182 данного Кодекса (об обыске) с изъятиями, предусмотренными его статьей 183; выемка предметов и документов, содержащих охраняемую федеральным законом тайну, производится на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном статьей 165 данного Кодекса; статьи 399 о порядке разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора.

Как следует из жалобы и приложенных к ней материалов, постановлением Домодедовского городского суда Московской области от 20 февраля 2014 года — с учетом исправления (уточнена дата его принятия), внесенного в порядке статьи 399 УПК Российской Федерации постановлением того же суда от 9 сентября 2014 года, — дознавателю в соответствии со статьями 165 и 183 данного Кодекса разрешено производство выемки в некоммерческом партнерстве «Подольская городская коллегия адвокатов» документов с целью установления лиц, с которыми заключено соглашение о представлении М. И. Мошкиным интересов коммерческой организации в правоохранительных органах, а также всей документации по взаимоотношениям этих организации, адвоката и адвокатского образования. Основанием для обращения дознавателя в суд явилось то, что сведения, содержащиеся в данных документах, составляют адвокатскую тайну и их выемка производится по судебному решению. При этом в отношении самого М. И. Мошкина каких-либо подозрений или обвинений в совершении преступления не выдвигалось.

Выемка документов (приходно-кассового ордера, платежных поручений, восьми договоров об оказании юридических услуг) в помещении некоммерческого партнерства «Подольская городская коллегия адвокатов» произведена 5 марта 2014 года. 13 мая 2014 года апелляционная инстанция Московского областного суда оставила постановление суда первой инстанции без изменения. Постановлением судьи Московского областного суда от 6 октября 2014 года и постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 15 мая 2015 года М. И. Мошкину отказано в передаче его жалоб на указанные решения для рассмотрения в судебном заседании судов кассационной инстанции.

М. И. Мошкин утверждает, что взаимосвязанные положения статей 165 и 183 УПК Российской Федерации по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, позволяют судам разрешать производство следственных действий в помещении адвокатского образования, а органам предварительного расследования — производить выемку документов в таком помещении при отсутствии официальных подозрений или обвинений адвоката в совершении конкретного преступления. Нормы же статьи 399 данного Кодекса, по мнению заявителя, дают суду возможность в порядке, предусмотренном для разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, устранять недостатки судебного акта, а именно изменять дату вынесения этого акта, после его исполнения. Как полагает заявитель, оспариваемые статьи уголовно-процессуального закона противоречат статьям 46 и 47 Конституции Российской Федерации.

2. Конституционный Суд Российской Федерации в качестве предмета рассмотрения по делу, разрешая которое он вынес Постановление от 17 декабря 2015 года № 33-П, назвал пункт 7 части второй статьи 29, часть четвертую статьи 165 и часть первую статьи 182 УПК Российской Федерации постольку, поскольку на основании содержащихся в них положений решается вопрос о проведении обыска в помещениях, используемых адвокатом для осуществления адвокатской деятельности, и определяются объекты, подлежа-

щие обнаружению и изъятию в ходе данного обыска, в рамках уголовного дела, в котором подозреваемым, обвиняемым является доверитель адвоката. В названном Постановлении Конституционный Суд Российской Федерации указал следующее.

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации в случаях, предусмотренных пунктами 4–9, 10¹, 11 и 12 части второй его статьи 29, следователь с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель с согласия прокурора возбуждает перед судом ходатайство о производстве соответствующего следственного действия, о чем выносятся постановления (часть первая статьи 165); рассмотрев ходатайство, судья выносит постановление о разрешении производства следственного действия или об отказе в его производстве с указанием мотивов отказа (часть четвертая статьи 165); основанием производства такого следственного действия, как обыск, является наличие достаточных данных полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела (часть первая статьи 182).

Касаясь вопроса о проведении обыска в помещении, используемом для адвокатской деятельности, Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 8 ноября 2005 года № 439-О сформулировал следующую правовую позицию: поскольку адвокатская тайна подлежит обеспечению и защите не только по уголовному делу, но и в связи с реализацией своих полномочий адвокатом, участвующим в качестве представителя в конституционном, гражданском и административном производстве, а также оказывающим гражданам и юридическим лицам консультативную помощь, федеральный законодатель — реализуя свои дискреционные полномочия, вытекающие из статей 71 (пункты «в», «о»), 72 (пункт «л» части 1) и 76 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, и исходя из того, что приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, закрепляющего общие правила уголовного судопроизводства, перед другими федеральными законами не является безусловным, в том числе в случаях, когда в федеральном законе устанавливаются те или иные дополнительные гарантии прав и свобод граждан, — был вправе осуществить соответствующее правовое регулирование не в отраслевом законодательстве, а в специальном законе, каковым является Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Учитывая же, что данный Федеральный закон предусматривает охрану адвокатской тайны в случаях проведения обыска с целью обнаружения и изъятия материалов, которые могут содержать конфиденциальную информацию, его нормы и корреспондирующие им положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации составляют нормативное единство и подлежат применению во взаимосвязи.

Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» устанавливает, что адвокатура действует на основе принципа законности (пункт 2 статьи 3), адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством средствами (подпункт 1 пункта 1 статьи 7). Отсутствие гарантий конфиденциальности в отношениях адвоката и доверителя означало бы применительно к уголовному процессу возможность для одной из его сторон (стороны обвинения) беспрепятственно вторгаться в осуществление автономной деятельности другой стороны (подозреваемого, обвиняемого и его защитника), что искажало бы саму суть гарантированного статьей 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации принципа осуществления судопроизводства на основе состязательности и равно-

правия сторон. Однако такие гарантии должны распространяться лишь на те отношения подозреваемых, обвиняемых со своими адвокатами, которые не выходят за рамки оказания собственно профессиональной юридической помощи в порядке, установленном законом, т. е. не связаны с носящими уголовно противоправный характер нарушениями ни со стороны адвоката, ни со стороны его доверителя (в частности, за пределами того уголовного дела, по которому доверитель в качестве подозреваемого, обвиняемого получает юридическую помощь адвоката), ни со стороны третьего лица.

Соответственно, не все сведения, которым адвокат и его доверитель желали бы придать конфиденциальный характер и которые вследствие этого включены адвокатом в его производство, являются адвокатской тайной. Так, хотя согласно пункту 3 статьи 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий в отношении адвоката (в том числе после приостановления или прекращения статуса адвоката) сведения, предметы и документы могут быть использованы в качестве доказательств обвинения только в тех случаях, когда они не входят в производство адвоката по делам его доверителей, данное ограничение не распространяется на орудия преступления, на предметы, которые запрещены к обращению или оборот которых ограничен в соответствии с законодательством. В силу статьи 15 (часть 2) Конституции Российской Федерации не могут быть защищены режимом адвокатской тайны сведения, свидетельствующие о совершении уголовно наказуемых деяний, в частности о злоупотреблениях правом на юридическую помощь и защиту от подозрения и обвинения, допускаемых как адвокатом, так и лицом, которому юридическая помощь оказывается, а также третьим лицом (например, оплачивающим услуги адвоката).

Под режим адвокатской тайны, следовательно, могут подпадать только те предметы и документы, которые получены или созданы адвокатом без нарушений уголовно противоправного характера, допущенных как им самим, так и его доверителем (в том числе преступлений против правосудия), поскольку иначе ставился бы под сомнение правомерный характер их действий, создавались бы предпосылки для ограничений, обусловленных необходимостью защиты конституционно значимых ценностей в соответствии с требованиями статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации. Наличие же конкретных признаков преступления позволяет суду оценить достаточность оснований для санкционирования проведения следственного действия в целях обнаружения и изъятия предметов и документов, а сами отыскиваемые объекты – конкретизировать с достаточной степенью определенности, с тем чтобы исключить как иные материалы адвокатского производства (включая документы, созданные адвокатом), связанные с делом, по которому адвокат оказывает доверителю юридическую помощь, так и материалы производств по другим делам.

Исходя из этого и с учетом имеющих прямое действие положений Конституции Российской Федерации (статья 15, часть 1), Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Международного пакта о гражданских и политических правах общий запрет на истребование и получение от адвоката конфиденциальных сведений, связанных с оказанием им юридической помощи доверителю законными способами исключительно в интересах защиты его прав, предполагает, что во время обыска, который с разрешения суда органами, осуществляющими уголовное преследование, производится в отношении адвоката, не может иметь место исследование и принудительное изъятие материалов адвокатского производства, содержащих сведения, не выходящие за рамки оказания собственно профессиональной юридической помощи доверителю в порядке, установленном законом, т. е. не свя-

занные с нарушениями со стороны адвоката, его доверителя либо третьего лица, имеющими уголовно противоправный характер либо состоящими в хранении орудий преступления или предметов, которые запрещены к обращению или оборот которых ограничен. В противном случае значение адвокатской тайны, права на получение профессиональной юридической помощи, права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, презумпции невиновности и права каждого не свидетельствовать против самого себя фактически обесценивалось бы.

Аналогичной точки зрения придерживается в своей практике и Европейский Суд по правам человека, полагающий, что постановление об обыске адвоката должно, насколько это возможно, обеспечивать ограничение его последствий разумными пределами (постановления от 9 декабря 2004 года по делу «Ван Россем (*Van Rossem*) против Бельгии» и от 22 мая 2008 года по делу «Илия Стефанов (*Iliya Stefanov*) против Болгарии»). Так, в деле «Колесниченко против России» Европейский Суд по правам человека усмотрел нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод в том, что судом следственному органу было разрешено «в общих и широких выражениях» провести обыски в жилище и конторе адвоката, во время этого обыска не соблюдались гарантии от вмешательства в профессиональные секреты, в результате эти секреты были затронуты в степени, не соразмерной какой бы то ни было преследуемой цели; исходя из того, что вмешательство в профессиональные секреты может иметь отрицательные последствия для надлежащего отправления правосудия и, следовательно, для прав, гарантированных статьей 6 Конвенции, Европейский Суд по правам человека пришел к выводу, что в демократическом обществе проведение обыска в жилище и конторе адвоката без достаточных к тому оснований и при отсутствии гарантий от вмешательства в профессиональные секреты адвоката (который не подозревался в совершении какого-либо преступления, а являлся защитником обвиняемого по уголовному делу) не является необходимым, а значит, в данном случае имело место нарушение статьи 8 Конвенции (постановление от 9 апреля 2009 года). Этот вывод был подтвержден Европейским Судом по правам человека в ряде других его решений, в частности в постановлении от 12 февраля 2015 года по делу «Юдицкая и другие против России».

Проведение следственных действий, включая производство всех видов обыска, в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) допускается только по судебному решению, отвечающему, как следует из части четвертой статьи 7 УПК Российской Федерации, требованиям законности, обоснованности и мотивированности, — в нем должны быть указаны конкретный объект обыска и данные, служащие основанием для его проведения, с тем чтобы обыск не приводил к получению информации о тех клиентах, которые не имеют непосредственного отношения к уголовному делу (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2005 года № 439-О).

Тем самым производство санкционированного судом обыска в отношении адвоката предполагает необходимость конкретизации в соответствующем судебном решении отыскиваемого объекта (предмета, документа), что позволяет исключить необоснованное исследование и изъятие (копирование) предметов, документов, не указанных в судебном решении, в частности содержащихся в материалах адвокатского производства, ведущегося (сформированного) адвокатом по делам других его клиентов, притом что правомерный характер образования (формирования) таких материалов презюмируется (действующее законодательство об адвокатуре не содержит прямого требования вести адвокатское производство, однако необходимость

его ведения вытекает из пункта 3 статьи 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также из пункта 9 статьи 6 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому материалы, входящие в состав адвокатского производства по делу, а также переписка адвоката с доверителем должны быть ясным и недвусмысленным образом обозначены как принадлежащие адвокату или исходящие от него).

Конкретизация судом отыскиваемого объекта предопределяет недопустимость изъятия следователем адвокатских производств в целом, применения видео-, фото- и иной фиксации данных просматриваемых материалов адвокатских производств, недопустимость изучения, а тем более оглашения, содержимого документов, имеющих реквизиты создания адвокатом или адвокатским образованием и не включенных судом, санкционировавшим обыск, в число объектов данного следственного действия. Обнаруженные же у адвоката либо в помещении адвокатского образования объекты, хранение которых прямо запрещено законом, во всяком случае не исключает (предполагает) их изъятие.

Таким образом, в Постановлении от 17 декабря 2015 года № 33-П Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что в законодательстве Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации и нормами международного права сформирован процессуальный режим, в рамках которого — с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в данном Постановлении, — положения пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 УПК Российской Федерации не противоречат Конституции Российской Федерации в той мере, в какой во взаимосвязи со статьей 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», статьями 6 и 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод эти положения по своему конституционно-правовому смыслу предполагают следующее:

обыск, связанный с доступом к материалам адвокатского производства, возможен только на основании судебного решения, в котором должны быть указаны конкретные объекты поиска и изъятия в ходе данного следственного действия и сведения, служащие законным основанием для его проведения;

исследованию органами, осуществляющими уголовное преследование, и принудительному изъятию в ходе обыска не подлежат такие материалы адвокатского производства в отношении доверителя адвоката, которые содержат сведения, не выходящие за рамки оказания собственно профессиональной юридической помощи как по уголовному делу, в котором адвокат является защитником, так и по каким-либо другим делам, находящимся в производстве адвоката, т. е. материалы, не связанные непосредственно с совершенными в ходе производства по данному делу нарушениями со стороны как адвоката, так и его доверителя, имеющими уголовно противоправный характер либо состоящими в хранении орудий преступления или предметов, которые запрещены к обращению или оборот которых ограничен на основании закона, или с другими преступлениями, совершенными третьими лицами;

в ходе обыска в помещениях, используемых для осуществления адвокатской деятельности, запрещается видео-, фото- и иная фиксация материалов адвокатских производств в той их части, которая составляет адвокатскую тайну.

В целях обеспечения выполнения требований Конституции Российской Федерации и Конвенции о защите прав человека и основных свобод федеральный законодатель вправе установить в законодательстве (уголовно-процессуальном, об адвокатской деятельности) дополнительные гарантии, включающие в ходе проведения обыска, при котором предполагается доступ к материалам адвокатских производств, возможность получения органами,

осуществляющими предварительное расследование, сведений, составляющих охраняемую законом адвокатскую тайну, и тем самым — возможность ее использования в интересах уголовного преследования, в частности предусмотреть правовой механизм, позволяющий при проведении обыска в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых для осуществления адвокатской деятельности) обеспечить дифференцированный подход к исследованию как материалов, которые содержат адвокатскую тайну и вследствие этого не должны быть доступны на данной стадии состязательного процесса государственным органам, представляющим сторону обвинения, и их должностным лицам (следователь, дознаватель), так и материалов, конфиденциальность которых не подлежит обеспечению законом в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, выраженными в Постановлении от 17 декабря 2015 года № 33-П.

В силу пункта 7 части второй статьи 29 УПК Российской Федерации только суд, в том числе в ходе досудебного производства, правомочен принимать решения о производстве выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну. Данное требование обусловлено не особенностями проводимого следственного действия, а специфическим характером содержащейся в изымаемых предметах и документах информации. Судебное решение в подобных случаях принимается вне зависимости от того, оформляется их изъятие как результат выемки, производимой в порядке статьи 183 данного Кодекса, или как результат какого-либо иного следственного действия (включая обыск), направленного на обнаружение и изъятие именно таких предметов и документов. При этом в силу предписания пункта 3 статьи 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) допускается только на основании судебного решения.

По смыслу правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированных в определениях от 19 января 2005 года № 10-О и от 8 ноября 2005 года № 439-О, отсутствие в статье 182 УПК Российской Федерации, регламентирующей основания и порядок производства обыска, прямого указания на необходимость вынесения судебного решения о производстве обыска с целью изъятия предметов и документов, содержащих охраняемую законом тайну, не означает, что ею устанавливается иная, нежели предусмотренный пунктом 7 части второй статьи 29 данного Кодекса, порядок изъятия материалов, составляющих адвокатскую тайну. Следовательно, правовой режим защиты адвокатской тайны в ходе изъятия предметов и документов во время обыска и во время выемки является единым, что позволяет распространить правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации относительно статьи 182 УПК Российской Федерации в ее взаимосвязи с нормами об адвокатской тайне и на случаи оспаривания в том же аспекте конституционности статьи 183 данного Кодекса.

3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 года № 33-П сохраняет свою силу, сформулированные в нем правовые позиции относительно охраны адвокатской тайны в ходе производства следственных действий, связанных с изъятием документов в помещении, используемом для осуществления адвокатской деятельности, являются обязательными для судов и иных правоприменителей.

Согласно пункту 3 статьи 43 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд

Российской Федерации принимает решение об отказе в принятии обращения к рассмотрению в случае, если по предмету обращения ранее им было вынесено постановление, сохраняющее свою силу. Предмет же обращения М. И. Мошкина, по сути, совпадает с предметом жалобы, которая уже была рассмотрена Конституционным Судом Российской Федерации в рамках конституционного судопроизводства.

Вместе с тем, поскольку жалоба М. И. Мошкина поступила в Конституционный Суд Российской Федерации до вынесения Постановления от 17 декабря 2015 года № 33-П, состоявшиеся в его деле судебные решения, основанные на положениях статей 165 и 183 УПК Российской Федерации и связанные с производством 5 марта 2014 года выемки документов (приходно-кассового ордера, платежных поручений, восьми договоров об оказании юридических услуг) в помещении некоммерческого партнерства «Подольская городская коллегия адвокатов», подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

Что же касается оспариваемой заявителем статьи 399 УПК Российской Федерации, то она лишь закрепляет порядок разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, и не регламентирует оснований и содержания принимаемых по данным вопросам судебных решений (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2014 года № 834-О, от 23 октября 2014 года № 2397-О и от 23 апреля 2015 года № 947-О), а потому не может расцениваться как нарушающая его права в указанном им аспекте.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 3 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

определил:

1. Признать жалобу гражданина Мошкина Михаила Игоревича не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Правоприменительные решения, вынесенные в отношении Мошкина Михаила Игоревича на основании статей 165 и 183 УПК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным Конституционным Судом Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

3. Настоящее Определение окончательно и обжалованию не подлежит.

4. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».